

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Джеймс Комптон

СВАСТИКА И ОРЕЛ

**ГИТЛЕР, РУЗВЕЛЬТ
И ПРИЧИНЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

1933–1941

СВАСТИКА И ОРЕЛ

**ЗА ЛИНИЕЙ
ФРОНТА**

**ВОЕННАЯ
ИСТОРИЯ**

Д. Комптон

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

**ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ**

James Compton

**THE SWASTIKA
AND THE EAGLE**

**ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ**

Джеймс Комптон

СВАСТИКА И ОРЕЛ

**ГИТЛЕР, РУЗВЕЛЬТ И ПРИЧИНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

1933—1941

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Военная история»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Комптон Дж.

К63 Свастика и орел. Гитлер, Рузвельт и причины
Второй мировой войны. 1933—1941 / Пер. с англ.
Е.В. Ламановой. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2007. — 255 с. — (За линией фронта. Военная
история).

ISBN 978-5-9524-3326-7

В своей книге Комптон исследует, каким образом США влияли на внешнюю политику Гитлера и какую роль это влияние сыграло в превращении европейской войны во Вторую мировую, когда Рузвельт и Гитлер стали противниками уже на поле боя. Автор со всей полнотой раскрыл события, предшествовавшие началу военных действий, проследив ряд общих дефектов и парадоксов политики и стратегии фюрера. Работая над этой темой, Комптон изучил немецкие архивы, исследовал доклады дипломатов и документы военно-морского и армейского руководства.

ББК 63.3(0)62

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2007
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2007

ISBN 978-5-9524-3326-7

Эта книга посвящена моей матери и памяти моего отца, Льюиса Комптона, помощника секретаря, а потом секретаря военно-морского флота с 1939 по 1941 год, который видел надвигающуюся опасность и не сидел сложа руки.

ВВЕДЕНИЕ

Адольф Гитлер и Франклин Рузвельт пришли к власти примерно в одно и то же время, пообещав своему народу радикальные реформы, которые должны были вывести их страны из политического и экономического кризиса. Оба этих лидера были так сильно поглощены внутренними преобразованиями, что военное столкновение между Германией и Америкой в ближайшем будущем представлялось совершенно невозможным. Тем не менее напряженность в отношениях между двумя странами все время росла и стала особенно сильной после начала войны в Европе в 1939 году. 11 декабря 1941 года немецко-американская холодная война сменилась боевыми действиями, которые продолжались вплоть до безоговорочной капитуляции Германии в 1945 году, спустя несколько недель после смерти Гитлера и Рузвельта. Причины эскалации этой войны так никогда и не были по-настоящему изучены. Это противоречило всем поступкам Гитлера, всем его заявлениям по вопросам внешней политики Германии в целом и в отношении Соединенных Штатов в частности, начиная с самых первых, мюнхенских, дней его политической карьеры и кончая последними часами в берлинском бункере.

Задача этой книги состоит не в том, чтобы рассказать о немецко-американских отношениях в целом, а попытаться исследовать, каким образом Соединенные Штаты влияли на внешнюю политику Гитлера, и выяснить, какую роль это влияние сыграло в превращении европейской войны во Вторую мировую. Для этого мы должны выяснить, как от-

носился к Америке сам Гитлер, а также министерство иностранных дел Германии, какое влияние оказали Соединенные Штаты на немецкую дипломатическую и военную политику европейских стран, а также стран, расположенных по берегам Атлантического и Тихого океанов, где столкновение интересов Германии и Америки было наиболее вероятным. И наконец, мы должны выяснить, могла ли сама Германия напасть на Соединенные Штаты.

С самого начала следует предупредить читателя, что эта тема сама по себе парадоксальна. Профессиональные дипломаты и люди, с которыми общался Гитлер и его окружение, представляли себе Америку совершенно по-разному. Мы увидим, что Гитлер много раз открыто выражал презрение к этой стране и в то же время в своих расчетах вынужден был принимать ее во внимание. Мы хорошо знаем, что он был храбрецом на суше, но панически боялся воды; хорошо знал положение дел в Европе, но очень плохо представлял себе обстановку на других материках. Гитлер настойчиво относился к идее подводной войны в Атлантике и совершенно безрассудно вел себя по отношению к своему союзнику на Тихом океане — Японии. И наконец, он не мог скрыть своей радости, объявив Америке войну, которую раньше считал совершенно невозможной и на которой потом, вопреки всякой логике, настоял. Из-за этих противоречий обсуждение американской и немецкой внешней политики в ту пору, когда европейский конфликт перекинулся на весь мир, нельзя вести без некоторой доли иронии.

В ходе нашего исследования нам придется столкнуться со всеми аспектами загадки под названием Гитлер. Мы увидим, что его заявления вряд ли можно использовать в качестве исторических документов; перед нами предстанет человек, который в одних случаях тщательно планировал свои поступки, а в других — поступал чисто импульсивно. Мы выясним, какое место занимала нацистская идеология в делах рейха и какую роль на самом деле играл фюрер во внешней и внутренней политике Германии. Задача этой книги заключается в том, чтобы, изучив один аспект немецкой политики, разгадать этот парадокс и в очередной раз пролить свет на причины Второй мировой войны.

Часть первая

ГИТЛЕР И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Глава I

ГИТЛЕР И АМЕРИКАНЦЫ

Изучая отношение Гитлера к Соединенным Штатам, мы черпали информацию из двух источников: его собственных высказываний и свидетельств современников, которые беседовали с ним об Америке. Оба источника имеют свои недостатки. Идеи Гитлера, содержащиеся в его книгах, начиная с «Майн кампф» и кончая «Завещанием», были высказаны в период времени, начавшийся стычками с политическими противниками в пивных Мюнхена, приведшими Гитлера к верховной власти в стране и военным победам, и завершившийся позорным концом в берлинском бункере. Он высказывался в самых различных обстоятельствах и, будучи опытным политиком, часто говорил и писал то, что должно было произвести наибольшее впечатление на его слушателей, будь это толпы, собравшиеся на стадионе в Нюрнберге, или небольшая группа военных советников за столом, заваленным стратегическими картами. Что касается второго источника, то не следует забывать, что память свидетелей часто бывает весьма обманчивой, особенно если человек ставит задачу оправдать свои поступки. Тем не менее из этих двух источников, а также из более надежных свидетельств, содержащихся в планах и политических документах Гитлера, которые мы обсудим в следующих главах, вырисовывается довольно четкая картина Америки, какой представлял ее Гитлер.

Представление фюрера об Америке основывалось на его общем политическом взгляде на мир. Его уверенность в том, что господства над людьми можно достичь только обладая огромной силой воли (которая для него, возможно, являлась самоцелью), его привычка бурно выражать на публике и в узком кругу свое возмущение, его недоверие к традиционным источникам информации (генералы, дипломаты и экономисты никогда не пользовались его любовью) — все это приводило к тому, что суждения Гитлера были ошибочными и субъективными, а его несомненные успехи дома и за границей только усиливали эту тенденцию. Современники фюрера или историки более позднего времени не находят согласия в вопросе о том, как он относился к планированию. Гитлер-игрок неотделим от расчетливого Гитлера. Скорее всего, он не видел никакого противоречия между своими главными целями и оппортунистической манипуляцией предложениями и приоритетами в соответствии с потребностями дня. Незыблемым оставался только его грубо-дарвинистский взгляд на международные отношения («Жизнь — это война»).

В дополнение к этим общим факторам надо учесть и те аспекты политики Гитлера, которые особенно влияли на его отношение к Соединенным Штатам: взгляд на основу власти, предлагаемый им путь решения немецкого вопроса и ориентация на Центральную Европу.

Во-первых, Гитлер рассматривал нацию скорее в терминах социальной и расовой динамики, а не в объективных экономических и военных терминах. Существование нации, по его мнению, «зиждется на расовом единстве народа, его подчинении лидерам и его стремлении к господству»¹. Поэтому Гитлер был противником тех политических систем, которые исповедовали равенство рас и допускали возможность их смешения и в основе которых лежали институты, создававшие препятствия для появления «мирового исторического лидера». Таким образом,

---

¹ Эти мысли он высказывал в «Майн кампф» и во «Второй книге». В одних случаях его расизм проявлялся в идеях расовой чистоты, а в других — в идеях расового превосходства. Он был уверен, что в США нет ни того ни другого.

для фюрера парламентская демократия была системой, лишенной будущего. Он называл власть большинства «расовой трусостью», гражданские свободы — мошенничеством, свободу слова — угрозой для существования общества (как капиталистического, так и социалистического), а вся эта либеральная иллюзия в целом была для него порождением экономического неравенства и «еврейского интернационализма». Особенно много подобных проклятий сыпалось в адрес Америки.

Во-вторых, на представление Гитлера об Америке оказывали влияние его геополитические взгляды на способы решения немецкого вопроса. Рейхсканцлер считал, что в наше время сухопутные державы во всем превзошли морские, а империи, владевшие заморскими колониями, потеряли свое бывшее величие потому, что в XX столетии великой может стать только та страна, которая расширит территорию за счет своих соседей. Он был убежден, что торговый флот и заморскую торговлю, как символы могущества страны, сменили сухопутные дороги и огромные по численности армии. Пусть Великобритания по-прежнему тешит себя мыслью, что она является владычицей морей, для Гитлера старый лозунг сторонников создания в Германии военно-морского флота «Наше будущее — в господстве на море» был стратегической ересью. «Сухопутное» мышление фюрера, о котором мы расскажем в главе, посвященной военно-морской политике, всегда мешало ему осознать истинное значение Америки в мире.

Пребывая в убеждении, что ни господство на море, ни приобретение новых колоний не решит проблем Германии («я не пожертвую ни единым немецким солдатом, чтобы заполучить хотя бы одну колонию»¹), Гитлер с презрением относился и к другим предлагавшимся ранее способам их решения, таким как восстановление рейха в границах 1914 года или внутренние экономические преобразования в любой форме (все это он называл «дилетантской болтовней»).

---

¹ Тем не менее он всегда был готов использовать вопрос о колониях для критики условий Версальского договора.

Еще в самом начале своей карьеры Гитлер решил, что проблему жизненного пространства можно разрешить только одним способом — присоединением к Германии земель в Восточной Европе: «Надо поднять меч ради плуга... Когда народ требует земли, он требует жизни»¹.

Эта мысль, постоянно повторявшаяся в его речах, свидетельствовала о том, что все остальные идеи казались фюреру досадной помехой, отклонением от естественного пути развития Германии. Подчинение всех военных операций плану «Барбаросса» и завоеванию России, а также его убежденность (о которой он неоднократно заявлял) в том, что все остальное (в том числе капитуляция Англии и падение США) последует автоматически за победой на Востоке, представляют собой наиболее характерные черты внешней политики Гитлера в годы, непосредственно предшествовавшие вступлению Америки в войну.

Это естественным образом приводит нас к третьей составляющей политики Гитлера, касающейся Соединенных Штатов — каковы были размеры стратегического и политического мира в представлении фюрера. Центром этого мира была, конечно, Европа, но представляла ли она для него самоцель или должна была стать только базой для установления господства над миром? Ответить на этот вопрос с уверенностью нельзя. Подобно конечной стадии развития государства — коммунизму у Маркса, — представление Гитлера об устройстве послевоенного мира нигде не излагалось. Мы имеем только несколько весьма туманных и противоречащих друг другу высказываний Гитлера на этот счет, но они столь расплывчаты, что, кроме постоянных заявлений о необходимости установления немецкого господства на Украине, ничего другого из них выудить нельзя. Гитлер никогда не проявлял большого или устойчивого интереса к регионам, лежащим за пределами Европы. Он постоянно выражал свое безразличие к Африке (рассматривая ее только как источник сырья) и к Азии. Западным же полушарием, как

---

¹ Даже в своем последнем приказе вермахту Гитлер никак не мог отказать от идеи *Drang nach Osten* (поход на Восток): «Нашей целью было и остается завоевание для немецкого народа земель на Востоке».

мы еще увидим, Гитлер интересовался только тогда, когда в нём происходили какие-нибудь важные события¹.

Такое отсутствие личного интереса к странам, лежащим за пределами Европы, подтверждалось почти полным отсутствием дипломатического и военного планирования в их отношении. Но мы имеем в виду только те годы, которым посвящено наше исследование, — вполне возможно, что фюрер заинтересовался бы другими регионами, если бы судьба позволила ему стать властелином Европы. Такую возможность мы рассмотрим в последней главе.

Таким образом, критерии национальной власти, которые заставляли Гитлера отвергать демократию, его одержимость идеей захвата земель на Востоке, вместо того чтобы попытаться решить проблемы Германии путем развития ее экономики и морской торговли, его стратегическая концентрация на Европе при относительном безразличии к другим регионам и создали у него те стереотипы, которые препятствовали формированию реального представления об Америке.

Что касается знаний Гитлера об Америке, то нам известно, что он получал их из нескольких источников. Часть этих знаний была, мягко говоря, отрывочной и весьма сомнительного происхождения. Следует признать, что его ранние представления об Америке, если они у него и были, составились на основе политических сплетен, которых он наслушался в пивных и кафе Вены и Мюнхена, а также запойного чтения газет. Гитлер как-то признался своему партийному товарищу Курту Лудеке, что, даже став рейхсканцлером, он с удовольствием читает романы об индейцах Карла Мая. Гитлер, разумеется, не знал английского языка и до своего прихода к власти встречался с американцами всего несколько раз. Тем не

---

¹ Риббентроп время от времени затрагивал вопрос о том, что мир разделен на два лагеря — советский блок и блок оси; говоря же о тех скромных владениях, которые Германия имела в Африке и откуда в Европу, которую покорит Германия, будет поступать сырье, Риббентроп заявлял, что больше никаких владений в Африке его стране не надо (беседа Риббентропа со Сталиным 13 октября 1940 г.).

менее в 20-х годах он общался с двумя своими товарищами, которые хорошо знали Америку и которым Гитлер в те годы полностью доверял. Впрочем, в 30-х годах они вышли у него из доверия и во время войны отправились в ссылку в Америку. Одним из них был Курт Лудеке, в некотором смысле загадочная личность, державшаяся в стороне от партии. Лудеке много путешествовал и неоднократно приезжал в США в качестве неофициального фандрайзера¹ и общественного ходатая за нацистов.

В беседе с Германом Раушнингом, бывшим лидером нацистов в Данциге, Гитлер сказал о Лудеке: «Он знает об Америке больше, чем все наше министерство иностранных дел». Вторым был более известный человек, с которым Гитлер дружил еще в молодости. Торговец предметами искусства, историк, окончивший Гарвард, пианист и бонвиван, выполнявший время от времени роль придворного шута в гитлеровском кругу, доктор Эрнст Ганфштенгль, который в конце концов стал специальным консультантом Гитлера по связям с американской прессой².

В соответствии с обычаями немецкой элиты Лудеке и Ганфштенгль терпеть не могли друг друга, но каждый из них считал себя обязанным информировать Гитлера о Соединенный Штатах и навязывать ему свою точку зрения на то, какими должны быть отношения Германии с этой страной.

Опыт Курта Лудеке в качестве фандрайзера в Америке показал, что нацистам здесь надеяться не на что. Его попытки заставить раскошелиться самого Генри Форда окончились полным крахом, а американцы немецкого происхождения и члены ку-клукс-клана оказались такими же несговорчивыми. Но, несмотря на свое неудачное «попрошайничество в Америке», как он сам называл свое турне, Лудеке написал Гитлеру, что разделяет его оптимизм по поводу победы нацизма в этой стране. На осно-

---

¹ Ф а н д р а й з е р (*англ.*) — человек, который собирает деньги на какое-то предприятие.

² У.Л. Ширеру, корреспонденту «Коламбия бродкастинг систем» в Берлине, Ганфштенгль совсем не понравился. Ширер назвал его «натянутым и бессвязным клоуном».

вании своих поездок в Америку он сделал вывод (и, вероятно, не преминул поделиться им с Гитлером), что к этой стране нужен особый подход, поскольку ее история, социальные отношения и психология сильно отличаются от европейских. В Америке почти нет культурной традиции, американцы никогда не терпели поражений в войнах, и среди них очень сильно еврейское влияние. Лудеке считал, что до Гражданской войны американцы были по преимуществу нордической расой, но потом начался приток альпийской, латинской и еврейской крови, и они стали не только «детьми тумана, но и солнца».

Лудеке предсказывал, что в конце концов обе эти Америки вступят в непримиримую борьбу, но в настоящее время идеи нацизма не нашли никакого отклика среди американцев, потому что иммигранты, которые приехали до 1870 года, уже успели американизироваться, а те, которые появились позже, представляют собой «отбросы немецкого общества». Он заявил также, что сейчас возникновение расового движения в Америке невозможно, а когда оно наконец появится, то возглавят его не немцы, а американцы. В ответ на вопрос Гитлера, возможна ли сейчас революция в США, Лудеке ответил, что возможна, если Новый курс президента Рузвельта потерпит крах и если американцы по-прежнему будут придерживаться политики изоляционизма, как бы ни развивались события в мире. В конце беседы он подчеркнул, что Германии необходимо установить с Америкой хорошие отношения. Мы увидим, что в 30-х годах в высказываниях Гитлера об этой стране часто будут проскальзывать идеи Лудеке.

Ганфштенгль, который виделся с Гитлером гораздо чаще, имел особенно тесные связи с Соединенными Штатами. Он был гостем Теодора Рузвельта, а в 1910 году познакомился с сенатором от штата Нью-Йорк Ф.Д. Рузвельтом. Во время Первой мировой войны он жил в Америке и вернулся в Германию в 1921 году. В своих мемуарах Ганфштенгль отмечал, что считал своим священным долгом убедить Гитлера в необходимости установления хороших отношений с морскими державами, в особенности с Соединенными Штатами. Как горячий поклонник

морской геополитики адмирала Мэна, он был убежден, что «ни одна страна не сможет решить свои территориальные проблемы, если против этого решения будут возражать морские державы». Но Ганфштенгль обнаружил, что в мозгу фюрера прочно засели идеи Фридриха Великого и генерала фон Клаузевица о необходимости присоединения к Германии новых земель. «Ни Гитлер, ни его окружение и слышать не хотели о могуществе морских держав».

Что касается Гитлера, писал Ганфштенгль, то его «внешняя политика основывалась на ограничениях, которые налагает сухопутная война, и мне так и не удалось никого убедить в том, что Америка является неотъемлемым фактором европейской политики». Тем не менее он приложил много усилий к этому. В 1922 году он задал Гитлеру вопрос: «Почему мы проиграли войну?» На это Гитлер ответил: «Потому что в дело вмешалась Америка». — «Если ты признаешь это, — сказал Ганфштенгль, — значит, мы думаем одинаково, и это все, что тебе надо знать. Если начнется новая война, то победителем снова окажется тот, на чьей стороне будет Америка. Поэтому ты должен проводить политику дружбы с Соединенными Штатами». — «Да-да, — согласился Гитлер, — быть может, ты и прав». «Но, — заключает Ганфштенгль, — эта идея была для него столь непривычной, что он так и не смог ее переварить». Сражаясь за стратегическое мышление фюрера, Ганфштенгль чувствовал, что нажил себе врагов в лице Рудольфа Гесса, а позже и велеречивого расового мистика Альфреда Розенберга. Гесса он презирал сильнее всего, как сторонника идей генерала Карла Хаусхофера, который был ярким противником морской геополитики. «Как только я пытался влить в вены Гитлера хоть немного соленой воды, другие тут же ослепляли его пылью сухопутных дорог». Он считал, что Гитлер панически боится воды. «Гитлер был одержим, — повторял Ганфштенгль, — теми смешными предрассудками, которыми страдали недалекие пехотные командиры, и не способен был понять, что в мире должно сохраняться равновесие сил. Вместо этого он сосредоточился на междоусобных конфликтах чисто континентального характера».

Посидев в Ландсбергской тюрьме вместе с Гессом, Гитлер понял, что единственным союзником Германии за пределами Европы может быть только Япония. «Он просто выкинул Америку из головы, — писал Ганфштенгль. — Гитлер на самом деле не имел ничего против американцев. Он считал Америку частью еврейской проблемы, поскольку на Уолл-стрит всеми делами заправляли евреи. А раз Соединенными Штатами правят евреи, то он не мог относиться к этой стране серьезно. К тому же она находилась далеко и не являлась проблемой, требующей немедленно-го решения».

Таким образом, в 20-х и начале 30-х годов Гитлер получил кое-какие сведения об Америке и часть из них усвоил. Но, как правильно заметил Ганфштенгль, Соединенные Штаты не представляли для будущего канцлера проблемы, на которой нужно сосредоточить все свое внимание и пытаться решить сейчас же. Всем этим он займется позже.

В 30-х годах появился новый источник информации об Америке, пользовавшийся определенным доверием Гитлера, — это был немецкий писатель Колин Росс, рассказывавший в своих книгах о путешествиях, которые он совершил. Колин Росс объездил весь свет и опубликовал две книги о США: «Наша Америка» (1936) и «Американский час судьбы» (1937). Кроме того, под его именем появилась по крайней мере одна статья под названием «Америка становится мировой державой» (1939). В этих произведениях Росс создал образ Америки, суть которого он пояснил в личной беседе с фюрером, состоявшейся в 1940 году. Вполне возможно, что Гитлер читал его произведения. В своих книгах Росс описывает экономически сильную и политически честолюбивую Америку, но тем не менее уже старую и усталую; это была страна, которая «больше уже не ощущала себя новым миром». Пережив политическую (1776) и экономическую (1861) революции, американцы созрели для социально-расовой. «Национальная мировая революция, словно динамит, взорвет эту страну», — писал Колин Росс. Он считал, что сильная власть Рузвельта станет фундаментом для американской диктатуры.

В книге «Американский час судьбы» была нарисована сравнительно оптимистичная картина национал-социалистических перспектив в Америке. Статья, опубликованная в журнале «Цайтшриффт фюр геополитик» в 1939 году, отражала более трезвый взгляд на вещи. В ней Росс писал, что Америка одержима идеей немецкой угрозы и охвачена военным психозом, причем врагом номер один считается Германия. Амбиции американцев, писал он, заключаются ни больше ни меньше как в установлении господства над регионом, простирающимся от Северного полюса до Южного и от Гуама до Зеленого Мыса. В глазах Росса Соединенные Штаты были потенциально самой сильной державой в мире, и он считал, что Европа должна объединиться против них. В 1938 году Росс прислал в министерство иностранных дел несколько писем, в которых высказывал свое мнение об этой стране. В одном из них он, в частности, утверждал, что евреев и англосаксов заставляет выступать единым фронтом против Германии экономическая нестабильность. Решение проблемы он видел в том, чтобы попытаться пробудить в американских немцах чувство долга перед исторической родиной и объединить их, хотя и признавал, что выполнить эту задачу будет невероятно трудно¹.

Свою беседу с Гитлером в марте 1940 года Росс начал с сообщения о том, что во время судетского кризиса американцы надеялись, что европейские страны объявят Гитлеру войну, но, узнав, что те предпочли заключить с ним соглашение в Мюнхене, преисполнились «чувства отвращения к старой Европе», поэтому в настоящее время интерес американцев к европейским делам весьма невысок. Росс заявил, что во внешней политике США преобладает империалистическое стремление расширить сферу своего влияния. (В этом месте Гитлер спросил его, означает ли это, что Соединенные Штаты хотят присоединить к себе Канаду, на что Росс ответил, что Канада уже настолько американизировалась, что в этом нет никакой необходи-

---

¹ Надо сказать, что министерство очень настороженно отнеслось к предложениям Росса.

мости.) Потом Росс принялся анализировать причины современных антинемецких настроений в Америке. Это печальное явление породили четыре фактора: во-первых, комплекс превосходства, присущий англосаксонской аристократии; во-вторых, «чудовищная власть евреев», которые с помощью клеветы и бойкота развязали невероятную успешную кампанию, направленную против всего немецкого; в-третьих, отсутствие в пронемецких кругах гражданского мужества, в результате чего они испугались экономического и социального давления, и, наконец, лучшее знание Англии и естественная привязанность к ней.

Когда речь зашла о Рузвельте, Росс охарактеризовал его как «отчаявшегося нациста», чья всепоглощающая ненависть к Гитлеру была порождена самой обыкновенной завистью и жадой власти. Потом Росс пустился в рассуждения о том, какую огромную роль сыграли в американской истории люди немецкого происхождения, и заявил, что очень многие американцы терпеть не могут евреев и это вселяет в него надежды на будущее. Все эти факторы могут быть использованы немецкой пропагандой, однако Росс отметил, что она должна в первую очередь поддерживать идею о том, что Германия не представляет никакой угрозы для стран Западного полушария и что главным врагом для Европы является Англия. Гитлер согласился с этим, а когда его гость ушел, заявил, что этот журналист — «очень умный человек, у которого много полезных идей». Но, как обычно, Гитлер отфильтровал в своем мозгу сведения, полученные от Лудеке, Ганфштенгля и Росса, и все, что не соответствовало его взглядам, отбросил. Тем не менее, как мы убедимся позже, в идеях этой троицы было много полезного. В Третьем рейхе, конечно, публиковались и другие статьи и книги об Америке, но у нас нет никаких сведений о том, какие из них читал Гитлер, да и читал ли вообще. В любом случае, за исключением умеренного и разумного анализа отдельных аспектов американской политики, который давался в специализированных журналах, большая часть авторов книг об Америке гонялась за дешевыми сенсациями или намеренно искажала истину в угоду национал-социалистической идеологии.

У нас нет никаких сведений о том, вел ли когда-нибудь Гитлер долгие разговоры об Америке с теми людьми из его окружения, которые кое-что знали о ней, например с президентом Рейхсбанка Ялмаром Шахтом¹ или руководителем гитлерюгенда Балдуром фон Ширахом.

Не искал Гитлер и встречи с дипломатами, хорошо знавшими Соединенные Штаты, когда они приезжали в Берлин. Немецкий посол в Вашингтоне в первые месяцы правления нацистов доктор Фридрих фон Притвиц унд Гаффон писал, что, когда вернулся в Берлин, Гитлер задал ему всего лишь несколько незначительных вопросов об американском обществе. Его преемник, доктор Ганс Лютер, заявил в интервью газете «Нью-Йорк таймс», что «Гитлер проявил огромный интерес к Соединенным Штатам и попросил его дать полный отчет о своих впечатлениях об этой стране». Однако этому нет никаких подтверждений — Лютеру просто хотелось польстить американскому общественному мнению. Фриц Видеман, которого Гитлер знал со времен Первой мировой войны и которого назначил генеральным консулом в Сан-Франциско, приехав в отпуск, обнаружил, что у фюрера нет никакого желания говорить об Америке. Доктор Ганс Томсен, специально вызванный из Вашингтона, чтобы выполнять обязанности переводчика во время визита фюрера в Италию в 1937 году, рассказывал автору этой книги, что ни Гитлер, ни Риббентроп не задали ему ни единого вопроса о США².

Что касается регулярных дипломатических докладов из Вашингтона, то о них мы поговорим в другой главе. Справедливости ради надо отметить, что депеши из Вашингтона, как и все источники подобного рода, не пользовались у Гитлера особым доверием.

---

¹ Шахт предложил Гитлеру следующую идею: он (Шахт) отправится в Америку, чтобы лучше узнать, как обстоят там дела. Гитлер равнодушно согласился, но потом замял этот вопрос.

² Впрочем, в письме автору от 14 июля 1963 г. Томсен сообщил, что фюреру очень хотелось верить в маловероятную историю, рассказанную ему в присутствии генерального консула, что симпатии к национал-социалистам в Нью-Йорке так сильны, что таксисты, увидев, что пассажир собирается расплатиться с ними немецкими марками, неизменно произносили «Хайль Гитлер!».

Еще одним источником сведений об Америке была немецкая пресса. Однако, просматривая самые солидные журналы рейха, я заметил, что все статьи либо выставляют эту страну в карикатурном виде, либо искажают факты в угоду нацистской идеологии. Сотрудник министерства иностранных дел П.К. Шмидт охарактеризовал это явление следующим образом: «Гитлеру хотелось видеть Америку контролируемую евреями, стоящую на пороге социальной катастрофы и не способную вступить в войну, и ДНБ (Немецкое информационное агентство) печатало статьи, которые выставляли Америку именно в таком свете».

Обращаясь теперь к американским источникам информации, мы, вероятно, не погрешим против истины, если станем утверждать, что оба американских посла в Берлине Уильям Додд и Хью Вильсон не служили для Гитлера источниками сведений о своей стране. Они не встретили теплого приема как послы, а Додд к тому же вызывал у Гитлера особую неприязнь. Фюрер назвал его человеком «небольшого ума». Он говорил Ганфштенглю, что Додд «почти не говорит по-немецки и вообще не понимает, что к чему». Позже, в «Застольных разговорах», он отзывается о нем как о кретине. К Вильсону в Берлине относились лучше, однако нет никаких свидетельств о том, что он хотя бы раз во время своего недолгого срока пребывания послом подробно информировал фюрера о положении дел в своей стране.

Гитлер дал несколько интервью знаменитым американским журналистам, таким как Уильям Рэндольф Херст и Анна О'Харе-Маккормик, но во время этих интервью говорил в основном он сам. Гитлер ограничивался только самыми общими замечаниями о немецко-американских отношениях, слегка удивившись при этом, почему об этом вообще зашла речь. В число других американцев, с которыми Гитлер встречался в этот период, входят Т.Дж. Уотсон из «Интернэшнл бизнес машин», 1937 год, бывший президент США Герберт Гувер, 1938 год, В.Р. Дэвис, нефтяной магнат, 1939 год, Дж.Д. Муни из «Дженерал моторс» и помощник Государственного секретаря Самнер

Уэллс, 1940 год, а также бывший посол США в Брюсселе Кудай, 1941 год. Он встречался также с различными лидерами американских немцев, например с Якобом Шурманом, и с людьми, связанными с нацистским движением в Америке, Грантом Стоддардом и Фрицем Куном. В конце 30-х годов Геринг и Гесс представили Гитлеру нескольких американцев с сомнительными полномочиями. Однако свидетельств того, что его заинтересовало содержание разговора с ними, или того, что они произвели на фюрера большое впечатление, нет. Как обычно, во время беседы Гитлер больше говорил сам, чем слушал, хотя, вполне возможно, что он воспринял кое-какие обрывки информации, подтверждавшие его идеи.

Муни пытался объяснить ему, что Рузвельт человек умеренных взглядов. Кудай дал понять, что он (Кудай) считает политику Рузвельта «неправильной, абсолютно неверной», что Англия потеряла былую силу и что, хотя в Западном полушарии все боятся немецкой армии и даже опасаются ее вторжения в Америку, он надеется убедить американский народ, что победа Германии в Европе ничем ему не угрожает. Что касается беседы с Уэллсом, то Гитлер писал Муссолини, что не узнал от него ничего нового и вообще не понимает, зачем явился к нему этот американец. Как отметил в феврале 1940 года в своем дневнике Ульрих фон Хассель, бывший немецкий посол в Риме: «Гитлер и американцы говорят на столь различных языках, что понимание между ними просто невозможно». Даже Стоддарт, который нарисовал Гитлеру розовую картину будущего нацизма в Америке, ушел от фюрера разочарованным, а о Гувере Гитлер высказался весьма кратко: «Мелкий человечико — в нашей стране сгодился бы только на то, чтобы занять должность местного партийного служаки».

Какая же картина Америки сформировалась у Гитлера на основе этой отрывочной информации и почти полного отсутствия интереса? Мы легко можем представить себе, что отношение к ней Гитлера как к капиталистической демократии, морской державе за пределами Европы, да к

тому же многонациональной стране с мощной еврейской прослойкой было опутано многочисленными предрассудками. Они были столь сильны, что фюрер не хотел считать Америку частью политического мира. Ганфштенгль был, вероятно, совершенно прав, когда утверждал, что американцы для Гитлера как нация не существовали. В письме автору доктор Томсен, который позже стал поверенным в делах немецкой миссии в Вашингтоне и присутствовал на заседаниях кабинета министров до 1936 года, писал: «Я не помню, чтобы Америка хотя бы раз стала темой обсуждения кабинета министров». Бывший консул генерал Видеман¹ утверждал, что для Гитлера Америка не представляла никакого интереса. За исключением нескольких замечаний, сделанных Доддом о том, что Гитлер интересовался, как отнеслось к тому или иному событию американское общественное мнение, нет никаких свидетельств того, что Гитлер считал Соединенные Штаты политической силой, с которой надо считаться, по крайней мере до начала войны в Европе. Если он и упоминал их в разговоре, то только в качестве иллюстрации какого-нибудь общего положения.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного, если вспомнить о том, что Гитлер считал критерием величия нации. Он не находил в США ни расовых, ни культурных, ни духовных ценностей, которые, по его мнению, служили главными признаками здоровой нации. «Что такое Америка? — спрашивал он Ганфштенгля. — Это страна миллионеров, королев красоты, глупых пластинок и Голливуда». В 1942 году он не видел для американцев никакого будущего.

«Это страна, находящаяся в состоянии упадка, раздраемая на части расовым и социальным неравенством. Мне в тысячу раз больше нравится Европа. Америка вызывает у меня лишь ненависть и отвращение, полуеврейская-полунегритянская страна, где все основано на власти доллара».

---

¹ Видеман пытался заинтересовать фюрера рассказами об американской архитектуре, надеясь вызвать тем самым интерес к жизни этой страны, но не преуспел в этом.

«Американцы — заявлял он, — это люди с куриными мозгами. Эта страна — карточный домик, выстроенный на шатком основании материального благополучия. Американцы живут как свиньи, — добавлял он, — хотя и в очень роскошном свиноманере»¹.

Когда Раушнинг спросил его, возможна ли дружба между Германией и Америкой, Гитлер ответил: «О какой дружбе ты говоришь? О дружбе с еврейскими грабителями и толстосумами или с американским народом?» Гитлер, по-видимому, был искренне убежден, что американцы в буквальном смысле слова находятся в подчинении у евреев. Еврейская клика в американском правительстве и пресловутый еврейский контроль над прессой, радио и кино были излюбленными мишенями для гитлеровских насмешек. В 1938 году он назвал Америку страной «еврейских отбросов» и потом часто повторял эту мысль. А политика Соединенных Штатов представляет собой «гнусный, предсмертный бред продажной и изжившей себя системы, которая является позорным пятном в истории этого народа». После этого он пустился в рассуждения об американской истории. «После Гражданской войны, — заявил он, — в которой, вопреки всякой исторической логике и здравому смыслу, Север одержал победу над Югом, американская нация пребывает в состоянии политического упадка. Несмотря на кажущееся процветание экономики и политических учреждений, Америка все глубже и глубже увязает в болоте самоуничтожения».

В лице Америки, утверждал Гитлер, мы имеем пример нации, которая из-за своего расового вырождения лишилась стремления к самосохранению, которое он считал главным стремлением здорового общества. А пример с Гражданской войной демонстрирует привычку Гитлера вводить в политические монологи ссылки на исторические события и использовать их для подтверждения своего толкования современных событий.

---

¹ По мнению Томсена, Гитлер считал американцев такими же тупыми, как и англичан (письмо Томсена автору от 14 июля 1963 г.).

Далее Гитлер сказал: «Прикрываясь разговорами о демократии, страной правят кучка толстосумов... массовая коррупция и продажные законы». Возвращаясь к теме Гражданской войны, он выразил сожаление, что она уничтожила зачатки нового социального порядка, основанного на рабстве и неравенстве. «Но надежда еще не потеряна. В определенных слоях американского среднего класса и среди фермеров еще не угас боевой дух колониальных дней. И мы должны пробудить этот дух. Он еще не погиб окончательно». Гитлер связывает все свои надежды с той ненавистью, которую эти классы якобы питают к неграм и евреям, и заключает, что «только национал-социализм сможет освободить американский народ от правящей клики и вернуть ему средства, способные сделать эту нацию великой». Однако он не уточнял, будет ли возрождение американского народа сопровождаться теми же жестокими мерами, которые применялись немцами для установления нового порядка в Европе.

Единственное, что производило впечатление на Гитлера, — это достижения американской экономики, науки и архитектуры. Что касается архитектуры, то фюрер требовал от посольства в Америке, чтобы оно присылало ему фотографии американских архитектурных сооружений, особенно в Вашингтоне. Хорошо известен его интерес к автомобилям, который заставлял его восхищаться американской автомобильной промышленностью и ее живым символом, Генри Фордом. «Он создавал свои машины для широких масс, — заявил фюрер в интервью «Нью-Йорк таймс» в 1933 году. — Он больше всех сделал для уничтожения классовых различий». «Фольксваген» создавался в подражание Генри Форду¹.

В «Застольных беседах» фюрер признавал, что в области экономики Германия должна многому поучиться у США, и снова заявлял, что массовое производство и снижение цен на автомобили произвели на него особенно сильное впечатление. Но когда Гитлер заговорил о нестабильности

---

¹ Письмо Томсена автору от 14 июля 1963 г. Свое восхищение американской технологией Гитлер выражал уже в «Майн кампф».

американской экономики, его восхищение тут же угасло. В 1932 году он был искренне убежден, что Соединенные Штаты находятся на грани революции, и заявлял, что вызвать в Америке беспорядки, которые перерастут в революцию, — дело совсем не сложное. В 1940 году он высказал мысль, что так называемым благосостоянием в Америке пользуются только капиталисты. Удел же рабочих — нищета и безработица. Восхищение Гитлера не распространялось на сельское хозяйство. Основывая свою оценку на фильме «Гроздь гнева», он в 1943 году сообщил своим генералам, что «американские фермеры измотаны непосильным трудом, не имеют никакого пристанища и бродят по стране в поисках работы».

Помимо американского массового производства и архитектуры, Гитлер, очевидно, одобрял только отделение церкви от государства, закон, ограничивающий въезд в страну, принятый в 1924 году (этот закон он считал попыткой сохранения чистоты нордической расы), незначительное число голосов, подаваемых американцами за коммунистов¹, и огромные размеры страны, которые были для него самым ярким доказательством того, что обширная территория является необходимым условием для национального могущества. В 1943 году он жаловался, что Америка, Восточная Азия и Россия захватили себе целые континенты. Причиной могущества Америки, говорил он своим генералам, «является не только численность населения, но и огромная территория этой страны».

Тем не менее ни массовое производство, ни архитектура, ни обширная территория не смогли перевесить в глазах Гитлера недостатки Америки. В 1941 году он говорил Муссолини: «Я бы ни за что на свете не согласился жить в такой стране, как Соединенные Штаты, где вся жизнь пронизана голым материализмом и где не любят самого высшего проявления человеческого духа — музыки».

На отношение Гитлера к Америке, несомненно, очень сильно повлияло его отношение к президенту Рузвельту,

---

¹ По этому поводу он сказал Додду: «Счастливая страна! Ваш народ, похоже, понимает, что к чему».

которое с течением времени сильно изменилось — от определенного одобрительного интереса до самой горячей ненависти. В своем интервью газете «Нью-Йорк таймс», опубликованном в июле 1933 года, Гитлер сказал: «Я испытываю к мистеру Рузвельту симпатию, поскольку он идет прямо к цели, не обращая внимания на конгресс, лоббистов и бюрократию». Гитлер объявил себя «единственным официальным лицом в Европе, которое способно понять методы и мотивы президента Рузвельта». Президент, по мнению фюрера, действовал исключительно в интересах американского народа, «как оно и должно быть».

Вполне возможно, что в первых мероприятиях Нового курса Рузвельта он усмотрел определенные параллели с политикой национал-социалистов. В 1934 году он послал Рузвельту письмо, в котором искренне восхищался его героическими усилиями по защите интересов американского народа: «Весь немецкий народ с интересом следит за вашей успешной битвой с экономической депрессией». Канцлер был согласен с мнением президента, что в народе должны преобладать такие добродетели, «как верность долгу, готовность к самопожертвованию и строжайшая дисциплина... это — основа немецкой государственной философии»¹.

В 1938 году фюрер заявил послу Вильсону, что с интересом наблюдает за осуществлением Нового курса. Даже в 1940 году он говорил Дж.Д. Муни, представителю компании «Дженерал моторс», что искренне восхищается президентом Соединенных Штатов и был бы очень рад его переизбранию на следующий срок, поскольку Рузвельт, по его мнению, является единственным человеком, способным решить проблемы Америки. Гитлер был уверен, что они с Рузвельтом могли бы в конце концов договориться.

Однако эти заявления противоречат высказываниям Гитлера на совещании 1939 года, где фюрер назвал ФДР

---

¹ Письмо Гитлера к Рузвельту от 28 марта 1934 года. Государственный секретарь Соединенных Штатов Халл вовсе не был в восторге от того, что у Нового курса появились подобные сторонники. Он отмечал, что это послание не было предано гласности.

(Франклина Делано Рузвельта) «новым Вильсоном... поджигателем войны номер один... (который) хотел осчастливить мир, развязав беспрецедентную военную истерию». К 1941 году Гитлер, очевидно, уже соглашался в душе с точкой зрения Колина Росса о том, что все действия Рузвельта проистекают из чувства зависти к диктаторам Европы, которые, в отличие от него, сумели решить проблемы своих стран. Президент, как уверял Гитлер Муссолини, вне всякого сомнения, «одержим чувством зависти». В своей речи от 11 декабря 1941 года, в которой фюрер объявлял Америке войну, он поведал нации, как в нем в течение нескольких лет копился гнев на президента, «весьма недалекого человека, который любит поболтать у огонька, пока солдаты воюют в снегах». Потом Гитлер сравнил свою карьеру с карьерой Рузвельта: «Рузвельт был богат, я беден; Рузвельт во время мировой войны занимался бизнесом, я проливал кровь; Рузвельт спекуляциями нажил миллионы, пока я лежал в госпитале; Рузвельт опирался на поддержку капиталистов, а я — народа».

И только одно было у них общим: «Мы оба приняли страну, находившуюся в состоянии кризиса, до которого довела ее капиталистическая демократия». От критики национал-социализма, с которой выступал Рузвельт, Гитлер просто отмахнулся. «То, что он называет меня гангстером, меня не трогает. Рузвельт не может оскорбить меня, поскольку я считаю его сумасшедшим, как и Вильсона».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что вступление Америки в войну фюрер объяснял манипуляциями Рузвельта. Президенту нужна была война, чтобы отвлечь внимание народа от провала своего Нового курса, «крупнейшей неудачи, которая когда-либо выпадала на долю человека», как выразился Гитлер. Единственно приемлемым решением для Рузвельта стало перенесение внимания народа с внутренней политики на внешнюю. «Но, как только он попытался это сделать, на него навалилась вся эта дьявольская свора евреев, и он поднял вверх руки. Но как это могло случиться? Он начал создавать поводы для недовольства. Он хотел, чтобы где-нибудь в мире, лучше всего в Ев-

ропе, вспыхнул военный конфликт, и тогда нарушение экономических интересов США одной из воюющих сторон дало бы ему повод вступить в войну». После этого Гитлер дал характеристику этапам этого курса. «Особенно подлой» он назвал «карантинную речь» 1937 года. В ней Рузвельт грозил ввести экономические санкции и говорил о «мерах по предотвращению войны». Все предложения Рузвельта, направленные на ослабление напряженности, Гитлер называл «уродливым сочетанием географического и политического невежества». Отказ от политики нейтралитета и признание правительств в изгнании были частью «методического сползания к войне». Таким образом, действия Америки только лишней раз продемонстрировали миру расовый упадок, слабость демократии, еврейские интриги и антинемецкий заговор, который возглавил Франклин Рузвельт. «Он подстрекает народ к войне, фальсифицирует факты, рядится в тогу христианской добродетели и медленно, но верно ведет человечество к войне... Политика Рузвельта, — заключал Гитлер, — это политика мирового господства и диктатуры».

Когда Америка вступила в войну, тон обличительных речей Гитлера стал еще более гневным. Во всех несчастьях, которые обрушились на мир, был, оказывается, виноват один Рузвельт. В застольных разговорах фюрер называет его «лживым еврейским кляузником», «сумасшедшим, который несет на пресс-конференциях внушенный евреями бред»¹.

Фюрер заявил Геббельсу, что считает Рузвельта одним из самых главных врагов цивилизации. Нападение на Пёрл-Харбор («при известии о котором все добропорядочные люди испытали чувство удовлетворения») Гитлер расценил как достойный ответ «на наглые провокации этого безумца». «Не надо понапрасну тратить слова, — писал он в «Фёлькишер беобахтер» позже, в 1942 году, — чтобы опровергнуть лживые заявления этого старого мошенника. Он, несомненно, является главарем всей этой шайки бан-

---

¹ Не пощадил Гитлер и жену президента, назвав ее «самой настоящей негритянкой по внешнему виду».

дитов, с которой мы воюем». И наконец, фюрер предрек президенту США бесславный конец. «На следующий срок его не переизберут, — заявлял он в 1943 году своим генералам, — а через шесть месяцев отдадут под суд... его приемник объявит его преступником. Это произойдет потому, что американцам надо будет свалить на кого-нибудь вину, а свалить-то больше не на кого». Гитлера охватила безумная радость при известии о смерти Рузвельта, он был искренне убежден, что американского президента прибрал Бог, чтобы дать ему возможность в апреле 1945 года победоносно завершить войну («теперь, когда судьба убрала с нашего пути крупнейшего военного преступника всех времен»), и это лучше всего характеризует отношение Гитлера к Рузвельту.

Глава 2

ГИТЛЕР И АМЕРИКА КАК МИРОВАЯ ДЕРЖАВА

Имея такое убогое представление об Америке, мог ли Гитлер допустить, что она способна играть важную роль в мировых делах? Его высказывания об Америке говорят, что он готов был полностью списать ее со счетов. Его заявления по поводу внешней политики этой страны, хотя подчас и противоречат друг другу, полностью отражают его пренебрежительное отношение к Соединенным Штатам. Этим-то и объясняются растерянность и гнев, которые охватили Гитлера, когда он понял, что, вопреки всем его ожиданиям, Америка в годы, предшествовавшие войне, превратилась в очень важный фактор мировой политики.

Америка, по мнению фюрера, стала мировой державой благодаря Первой мировой войне. Однако оценка роли Соединенных Штатов в этой войне с годами претерпела большие изменения — от признания существенного вклада этой страны в победу до полного его отрицания. Сохранилось письмо Гитлера от 1919 года, в котором он заявлял, что Соединенные Штаты, как «страна богачей», просто обязаны были вступить в войну», и утверждал, что

львиная доля заслуг в победе принадлежит именно им. Во «Второй книге»¹ он делает вывод, что именно война превратила Америку в великую державу.

Конечно, он никак не хотел признавать, что вступить в войну Америку заставили соображения нравственности или идеи высокого порядка; не признавал он и тех последствий, которые этот шаг имел для развития военных действий. «Все идеалистические заявления на этот счет со стороны американцев, — писал он в 1923 году, — были лишь смесью лжи и подлогов». Дело заключалось в том, что «великий миролюбивый американский народ» оказался втянутым в войну бунтовщиками и журналистами, которых направляли, разумеется, все те же евреи. Все это было доказано, заявил он в 1939 году, расследованием сенатора Найя.

В 30-х годах Гитлер насмеялся над американской армией. В 1932 году он заявил Раушнингу, что Соединенные Штаты не представляют для противника никакой опасности.

«Американцы вели себя как мальчишки, они бежали под огонь вражеских солдат, как молодые кролики. Американец воевать не умеет. Неполноценность и вырождение этой молодой страны, как называют ее сами американцы, особенно явно проявились в ее военной несостоятельности».

Та же самая мысль повторяется и в застольных разговорах. Основываясь на своем военном опыте, Гитлер уверял слушателей, что никогда не поверит, что американский солдат может «сражаться как герой». В 1941 году он говорил японскому послу Ошима, что американцы в 1918 году совсем не умели воевать. «Да и могут ли люди, поклоняющиеся доллару, стоять до конца?»

Со все возрастающей силой Гитлер обрушивал огонь своей критики на Вильсона, которого считал предшественником Рузвельта в недостойных делах. В 1935 году он назвал четырнадцать пунктов этого президента чистой

---

¹ Так называемая «Вторая книга» была написана Гитлером, вероятно, в 1928 г., но при его жизни никогда не публиковалась. Она была обнаружена после Второй мировой войны.

воды мошенничеством. «Где же сегодня эти четырнадцать пунктов Вильсона?» — спрашивал он. «Идеи президента Соединенных Штатов, — говорил он в 1936 году, — коснулись ушей человечества подобно дуновению весны. Он обещал, что наступят новые времена и мир станет лучше». И все эти идеи были преданы, причем преданы страной, которая, как выразился Гитлер в рейхстаге в январе 1937 года, напала на Германию, помогавшую ей в Войне за независимость. В 1939 году Вильсону досталось и за потерянные Германией колонии. «Против Германии было совершено самое ужасное преступление, которое только можно себе представить... равные права, мир без возмездия, открытая дипломатия, равное право на владение колониями превратились в шантаж, грабеж и вымогательство». В газете «Фёлькишер беобахтер» фюрер вспоминал: «Четыре года наши враги не могли нас победить, пока, наконец, не нашли американского врача, который подсказал им, как обмануть немецкий народ». «История, — заявлял он через месяц после объявления войны Америке, — уже вынесла Вильсону свой приговор, его имя стало символом самого подлого предательства». Все понимали, что эти грозные тирады были направлены не столько против Вильсона, сколько против политики администрации Рузвельта в годы, предшествовавшие Пёрл-Харбору. «Президент Рузвельт поступил бы благородно, — заявил Гитлер в речи перед рейхстагом в 1939 году, — если бы выполнил обещания, данные президентом Вудро Вильсоном». И наконец, в 1943 году он сказал, что с 1918 года «обещания американского президента для немецкого народа весят не больше, чем для американского, — иными словами, ничего». Здесь роль Америки в обеих войнах была конечно же охарактеризована как один большой, непрерывный, коварный заговор.

Так Гитлер оценивал вмешательство Америки в Первую мировую войну. Но какую же роль отводил он ей в период между двумя войнами? В работах Гитлера имеется только одно пространное исследование Соединенных

Штатов как важного фактора международной политики, и содержится оно во «Второй книге»¹.

Во «Второй книге» Гитлер признавал, что Америка, как очень сильная в экономическом отношении страна, играет важную роль в международных отношениях, — правда, эту мысль он больше нигде не повторял. Впрочем, это заявление вовсе не свидетельствует о том, что у Гитлера вдруг пробудился интерес к этой стране, — мысль о значении Америки для международной политики была высказана им, когда он говорил о европейских проблемах и возможных способах их решения. («Никакой пограничной политики, никакой экономической политики, никакой Пан-Европы».)

Гитлер предварил эти рассуждения таким высказыванием: «С возникновением американского союза появилась страна, способная полностью изменить существующее соотношение сил и приоритетов в мире». Утверждая, что ни развитие торговли, ни возвращение к границам 1914 года не смогут решить немецкую проблему, Гитлер заявлял, что никакая чисто экономическая программа развития Германии не сможет сделать ее столь же сильной, как Америка. Борьба за рынки сбыта, от которых зависит развитие торговли, приведет только к одному — столкновению с этой державой. Экономического соревнования с Америкой Германии тоже не выдержать (здесь Гитлер снова приводит в пример автомобильную промышленность), поскольку уникальное сочетание богатой сырьевой базы, современных технологий и бездонного внутреннего рынка позволяет США сохранять низкие цены на машины, что совершенно невозможно в Европе. А это позволяет Америке занимать господствующее положение на всех рынках мира.

Согласно гитлеровской расовой теории, Америка смогла достичь такого могущества в экономическом и политическом отношении только благодаря своему прочному ра-

---

¹ Исследование роли Америки, приводимое в этой книге, — единственное новое добавление к его хорошо известным теориям в области внешней политики. В остальном «Вторая книга» представляет собой изложение идей, высказанных фюрером еще в «Майн кампф», например о необходимости союза с Италией и неизбежности войны с Россией.

совому фундаменту. Но о каком расовом фундаменте можно говорить, если всем известно, что американский народ представляет собой смешение рас? Это противоречие Гитлер разрешает очень просто — существуют разные типы расовых смесей. «Соединенные Штаты, — писал фюрер, — не случайно являются государством, в котором совершаются такие выдающиеся научные открытия, что в них трудно поверить. Старая Европа в результате войны и эмиграции лишилась своей лучшей крови, зато Америка получила молодых, отборных в расовом отношении людей».

Только расовая политика в Европе может исправить это положение. Поэтому между Европой и Америкой развернется не экономическое, политическое или военное соперничество, а борьба за чистоту крови. И Германия должна выиграть эту борьбу, иначе ей придется отказаться от своих претензий на звание великой державы и деградировать до такого состояния, в котором будет забыто даже прошлое величие, и самое большее, на что можно будет надеяться, — это на достижение такого статуса, в котором пребывают сейчас Швейцария и Голландия.

Как же предотвратить подобную катастрофу? Гитлер отвергает идею о создании Европейской федерации, которая смогла бы лишить Америку гегемонии, поскольку такая федерация отдаст предпочтение не качеству людей, а их количеству.

«Мощь Соединенных Штатов основана на богатых землях и отборных в расовом отношении людях. Если бы ее причиной была просто величина территории, или богатство природных ресурсов, или даже соотношение численности населения к площади страны, то Россия представляла бы не меньшую опасность, чем Америка. Недостающим элементом в России является раса. Поэтому единственная опасность, исходящая из России, — это бактерии».

Таким образом, по мнению Гитлера, Европейский союз — это «отрицание качества», поэтому он не сможет избавить народы от американской угрозы. Надежду на спасение дает не федерация, а Европа, подчиненная Германии. Это позволит предотвратить «расовое загрязнение, из-за которого невозможно создать такое сильное в расо-

вом отношении государство, которое смогло бы противостоять Америке. Только народ, понимающий всю важность расовой чистоты, сможет выставить крепкий заслон американской экспансии».

Гитлер утверждал, что, в отличие от Европы, самая чистая расовая порода в Соединенных Штатах состоит из наиболее талантливых и добропорядочных элементов Европы — «нордических элементов, которые присутствуют во всех странах». Поэтому закон, ограничивающий иммиграцию, по мнению Гитлера, был принят потому, «что Америка считает себя нордическо-германским государством, а не государством смешанных рас». Так что, заявлял он, «противопоставление Европе мадыарских, славянских, германских и латинских народов, как противовес государству с доминирующим нордическим элементом, — чистой воды утопия». Провозглашая единственной надеждой Европу, подчиненную Германии, Гитлер заканчивает свое исследование следующими словами: «В отдаленном будущем можно представить себе появление новой организации наций, которая будет состоять из государств высокого расового качества и которая не позволит американскому союзу подчинить себе весь мир. Ибо мне кажется, что существующее ныне господство англичан в мире представляет собой меньшую угрозу, чем господство американцев».

Здесь мы видим классический пример того, с какой виртуозностью Гитлер манипулировал идеями в своих сиюминутных интересах. Следует также отметить, что даже в этом относительно длинном отрывке, где Америка рассматривается как важный фактор международной политики, Гитлера интересуют не проблемы самой страны, а возможность использования ее в качестве риторической фигуры для подтверждения правильности предлагаемого им способа решения европейских проблем.

Через три года фюрер высказывает уже диаметрально противоположные взгляды. Америка больше не представляет для него угрозы. Очевидно, эта теория была ему уже не нужна. И правда, он заявил Герману Раушнингу, что Америка для своего возрождения нуждается в Германии, и добавил: «Эту задачу я возьму на себя». Возрождение немец-

кого влияния представлялось ему основой политической и материальной реконструкции Соединенных Штатов. «Американский народ, — продолжал он, в полном противоречии с теми мыслями, которые были высказаны во «Второй книге», — не является нацией. Это простое сочетание отдельных элементов. У янки слишком материалистический ум, чтобы сплотиться в единую нацию». Он говорил об организации в Америке штурмовых отрядов и молодежных групп, которые смогли бы продолжить «великое государственное дело Джорджа Вашингтона». Гитлер в своем интервью представителю «Хёрст пресс» в 1931 году уже не упоминает об американской угрозе миру, а, наоборот, выражает надежду, что «Америка тоже проникнется симпатией к национал-социализму и поможет устранить ряд причин, вызвавших появление большевизма». Когда в мае 1933 года Рузвельт выступил с призывом ко всем правительствам установить мир во всем мире, Гитлер приветствовал «предложение, согласно которому Соединенные Штаты должны стать гарантом мира в Европе», и назвал его «лучом света». В кругу своих сподвижников он выразил убеждение, что «в нужный момент появится новая Америка, которая окажет нам самую мощную поддержку».

Идеи, высказанные Гитлером в 1928 году, снова всплыли на поверхность, когда он сообщил Отто Штрассеру о своем желании видеть Америку среди своих союзников.

«Интересы Германии требуют сотрудничества с Англией, поскольку речь идет о том, чтобы установить нордическо-германское господство над Европой, а в союзе с нордическо-германской Америкой — и над всем миром».

Эта же мысль была высказана им и в интервью газете «Дейли мейл» в 1937 году. Теперь он говорил уже об англо-германском союзе, который должен был включить в себя 120 миллионов наиболее ценных людей в мире. Он предсказал союз Великобритании, страны, имеющей уникальные колониальные способности и военно-морскую мощь, с одной из самых сильных в военном отношении стран мира.

«Если же он будет расширен включением в него американской нации, то никто в мире не сможет победить этот

союз, созданный для сохранения мира и защиты интересов белых людей».

Когда же дело дошло до обсуждения специфических особенностей американской внешней политики, Гитлер, позабыв о своих экстравагантных идеях, заявил, что надеется, что Соединенные Штаты и дальше будут придерживаться политики изоляционизма. Он сообщил Муссолини, что изоляционизм США — это непреодолимое препятствие для проведения ими «активной внешней политики»¹.

Гитлер заявил итальянскому министру иностранных дел графу Чиано, что, по его мнению, чем сильнее кризис, тем больше вероятность того, что Америка не станет в него вмешиваться. Он уверял Молотова, что Соединенным Штатам нечего искать в Европе, Африке или Азии. Генерал Отт, немецкий посол в Токио, сообщил о своем разговоре с Гитлером, который состоялся у него перед началом войны в Европе. В нем Гитлер подтвердил свою уверенность в том, что Америка никогда не вмешается в эту войну, и отмахнулся от всех предположений посла, что Соединенные Штаты сыграют решающую роль в мировой политике. Уверенность в нейтралитете США естественным образом вытекала из гитлеровской концепции американской нации. Бывший руководитель секретариата министерства иностранных дел объяснял это так: «Гитлер с самого первого дня своего прихода к власти считал, что Соединенные Штаты — это не та страна, которую надо принимать во внимание. Его национал-социалистические советники развивали идею о том, что Соединенные Штаты переживают непреодолимый внутренний кризис и не способны проводить сильную внешнюю политику».

Это позволило Гитлеру и дальше принимать желаемое за действительное.

Более того, законы о нейтралитете, принятые в США с 1935 по 1937 год, показались ему подтверждением его мыслей. Гитлер был уверен, что они свидетельствуют о слабости и растерянности, царящей в американской политической жизни. На совещании, состоявшемся 23 ноября

---

¹ Муссолини совсем не был уверен в этом.

1939 года, он уверял своих коллег, что Америка «по-прежнему не представляет для нас никакой опасности из-за своих законов о нейтралитете». Эти законы, по мнению Гитлера, вполне согласовывались с поведением Америки во время предыдущих военных конфликтов. Это была страна, вмешательство которой решило исход прошлой войны, но которая не воспользовалась своим преимуществом на мирной конференции, а предложила создать Лигу Наций, спокойно отнеслась к провалу этой организации, а теперь делает широкие жесты, хотя ее руки связаны законами о нейтралитете¹.

Придя, таким образом, к заключению, что принять изоляционистский курс Америку заставили внутренние противоречия, Гитлер после этого отвергал все факты, свидетельствующие об обратном, как пропагандистские трюки.

Самым ярким примером этого было пренебрежительное отношение к перевооружению американской армии. Основывая свои оценки, главным образом, на чересчур оптимистических докладах немецкого военного атташе в Вашингтоне, Гитлер уверял Муссолини, что сведения о перевооружении американской армии — это «самая настоящая ложь». В дневниках генерала Гальдера содержится несколько замечаний фюрера, сделанных им осенью 1940 года, о том, что перевооружение в Соединенных Штатах достигнет своего пика не ранее, чем в 1945 году, и что само это перевооружение — это чистой воды блеф. Согласно свидетельству адмирала Дёница, Гитлер посоветовал японскому послу Ошиму не бояться расширения американского флота, поскольку у «Соединенных Штатов просто не хватит моряков на все корабли». На встрече с маршалом Петеном в Монтуаре в октябре 1940 года он насмеялся над американскими объемами производства военных самолетов. В июне 1941 года, в разговоре с Муссолини, он за-

---

¹ В своем письме автору доктор Эрих Кордт высказал предположение, что Гитлер никак не мог понять, почему страна, сыгравшая такую важную роль в прошлом, вдруг решила удалиться со сцены, и сделал из этого вывод, что «внутренние проблемы не позволят Америке снова вступить в войну, если, конечно, на нее саму не будет совершено нападение».

явил, что указанные в американских программах цифры выпуска военных самолетов и кораблей «преувеличены во много раз», и утверждал, что для выполнения подобных программ у Соединенных Штатов не хватит ни людских, ни материальных ресурсов¹.

Пренебрежительное отношение к американскому перевооружению окрасило и его отношение к той помощи, которую Америка оказывала противникам Германии. Гитлер еще до войны прекрасно понимал, что Соединенные Штаты будут оказывать всяческое содействие европейским странам. При обсуждении в 1937 году «расширенного зеленого дела» и его директив (в этом деле рассматривалась вероятность того, что Великобритания объявит Германии войну в случае вторжения немцев в Чехословакию) высказывалась мысль о том, что США немедленно начнут оказывать западным державам массивную экономическую и идеологическую помощь.

Фюрер, как отмечал в своем дневнике Чиано в октябре 1939 года, «прекрасно понимает, что Америка будет активно выступать в защиту дела демократии». В 1941 году Гитлер писал Муссолини, что «за спинами двух великих держав (Великобритании и Советского Союза) прячутся Соединенные Штаты, и они совсем не бездействуют». Однако фюрер был убежден, что американская помощь Англии — на самом деле ширма, прикрывающая имперские амбиции США. Испанский министр иностранных дел Рамон Серрано-Суньер считал, что Гитлер просто одержим этой идеей. Гитлер сказал Молотову в ноябре 1940 года, что Соединенные Штаты собираются отобрать у Британии ее заморские колонии. Рузвельт, добавил он, «хочет урвать у этого разорившегося помещика кое-какие земли, на которые США давно уже положили глаз».

Но хотя Гитлер и понимал, что Америка будет оказывать помощь странам Европы, он никогда не думал, что она сможет стать решающим фактором в войне. Сразу же после начала войны он сообщил Чиано, что его субмари-

---

¹ Позже, однако, эти выводы были смягчены утверждением о том, что американская авиационная промышленность «в данный момент работает на полную мощь».

ны не позволят американским кораблям достичь берегов Британии. В следующем месяце на конференции Гитлер заявил, что помощь, которую Америка оказывает врагам Германии, весьма незначительна. В 1941 году он заверил японского министра иностранных дел Мацуоку, что обе цели Америки — перевооружение своей армии и поддержка Британии — противоречат друг другу и что Германия еще до начала войны внесла в свои расчеты американскую помощь этой стране. Он считал, что военные поставки США станут существенными только к концу 1942 года, но к тому времени размеры немецкого производства превысят размеры этих поставок и сведут на нет весь их эффект. Заявление Америки, что все будет по-другому, Гитлер назвал «ребячеством». Даже в декабре 1943 года он говорил своим генералам, что Америка никогда не сможет восполнить британские потери; в любом случае объемы американских военных поставок все время уменьшаются.

Как же Гитлер оценивал возможность вступления Америки в войну? Эту проблему мы подробнее рассмотрим в других главах, в сочетании с различными аспектами немецкой политики. Однако, учитывая личное мнение Гитлера об Америке, ответ напрашивается сам собой. По заявлениям фюрера, он сначала не допускал и мысли о том, что она способна будет вступить в войну из-за своей слабости и политики нейтралитета. Позже ему пришлось признать, что такая возможность существует, но для Германии она крайне нежелательна. Впрочем, если Америка и вступит в войну, это не будет иметь особого значения. Весной 1938 года, когда его спросили, возможно ли вмешательство Соединенных Штатов в случае начала европейской войны, он полностью отверг такую возможность, заявив, что США «не способны вести войну».

В 1940 году Гитлер заявлял, что Америка в обозримом будущем не осмелится вступить в войну, а позже уверял Молотова, что «американцы не смогут угрожать свободе других стран до 1970 или 1980 года». В январе 1941 года он признавался, что вести войну одновременно с Советским Союзом и Соединенными Штатами «было бы очень труд-

но», и полагал, что нападение на СССР поможет Германии избавиться от опасности войны на два фронта. Однако месяц спустя он уже заявлял, что не видит никакой опасности со стороны Америки, даже если она и вступит в войну. Он хвастался перед Мацуокой в апреле 1941 года, что немецкие приготовления достигли такого размаха, что ни одному американцу не удастся высадиться в Европе, и что в случае начала немецко-американской войны Германия будет вести ее силами своих подводных лодок и люфтваффе, а «немецкий солдат, вне всякого сомнения, гораздо лучше американского».

Даже после начала боевых действий Гитлер, по-видимому, еще плохо понимал, что произошло. Когда Ганс Томсен вернулся из Вашингтона, он был принят Гитлером и выразил свою озабоченность тем, что Америка вступила в коалицию стран — противниц оси. «Но, как обычно, — писал Томсен автору этой книги, — Гитлер разразился в ответ длинной речью, из которой выяснилось, что он все знает лучше всех»¹.

Подобное безразличие к словам своего дипломата, однако, не помешало фюреру высказать несколько злобных замечаний по поводу вступления Америки в коалицию его врагов. Он заявил, что события подтвердили его мысль о том, что США просто ждут момента, когда можно будет урвать у Британии несколько лакомых кусков. Вспомнив о том, что писал в «Майн кампф», он заявил, что между Англией и США в скором времени вспыхнет непримиримая вражда. «Придет день, когда между Англией и Америкой разразится война, и она будет вестись с такой ненавистью, которую даже трудно себе представить. Одной из двух стран придется исчезнуть с мировой арены». Он даже высказал предположение, что в 1942 году «Англия и Германия выступят единым фронтом против Америки».

В конце жизни Гитлер уже не мог сбрасывать со счетов Соединенные Штаты. В его «Завещании» мы находим

---

¹ Томсену показалось, что фюрер, вероятно, верил, что Америку можно будет быстро завоевать, отрезав ее военную промышленность от источников сырья с помощью надводных кораблей военно-морского флота и подводных лодок.

последние размышления об этой стране. Приговорив англичан к смерти «от голода и туберкулеза на их проклятом острове», он обратил свой гнев на Америку.

«В то время как вся Европа — их бывшая праматерь — борется с большевистскими ордами, американцы, направляемые продавшимся евреям Рузвельтом, не придумали ничего лучше, как поставить все свои баснословные богатства на службу этим варварам азиатам, которые намерены задушить Европу».

Его надежды на немецкое возрождение в Америке не оправдались, и он сожалел о том, что в Соединенные Штаты переселились миллионы немцев, которые составляют теперь хребет нации. Эта «утечка германской крови» была, по его мнению, непоправимой ошибкой: «На Восток, и только на Восток должны устремляться взоры нашей расы; сама природа указывает нам этот путь. Сила характера выковывается только в здоровом климате. Перенесите немца в Киев, и он останется настоящим немцем. Перенесите его в Майами, и он станет дегенератом, иными словами, американцем».

На последних страницах «Завещания» он повторяет многие свои ранние идеи. В последний раз вытаскиваются на свет божий привычные козлы отпущения: евреи, пресса, провал Нового курса, махинации проклятого Рузвельта («Пёрл-Харбор пролил бальзам на его душу»). И наконец, объявив себя свободным от предрассудков и уверив потомство, что он был «последней надеждой Европы», Гитлер предсказал войну между Америкой и Россией, войну, в которой европейцам не останется другого выбора, как только принять сторону «большевиков, или продать евреем в Америке, этому колоссу на глиняных ногах». Таковы были последние письменные высказывания фюрера об Америке.

Несмотря на то что Гитлер, без сомнения, во многих случаях говорил об Америке такие вещи, которые должны были произвести наибольший эффект на его слушателей, в его заявлениях прослеживается определенная за-

кономерность. Хорошо видно, что у него не было ясной концепции Соединенных Штатов как нации и мировой державы, которая соответствовала бы реальности. Эта страна, по его личному мнению, не являлась для Германии проблемой, которую нужно решать немедленно. Не считал он ее и решающим фактором мировой политики. Такое отношение имело две причины. Во-первых, в Америке не было тех политических и расовых элементов, без которых, по мнению фюрера, нация не может стать великой. Во-вторых, Америка проводила такую политику, которая почти физически устраняла ее из политического и стратегического мира Гитлера. Этот мир, напомним, включал в себя мечту об обширных территориях и стремление приобрести жизненное пространство на Востоке, безразличие к морской торговле и заморским колониям, ориентацию на Центральную Европу и отсутствие интереса к регионам за пределами Европы. Таким образом, Гитлер никогда не высказывал намерения включать Соединенные Штаты в свои планы и стратегические разработки в качестве цели или самого проекта. Однако это вовсе не говорит о том, что Соединенные Штаты не оказывали никакого влияния на политику Германии (о чем мы поговорим в следующих главах). Но фюрер считал, что Америка не может оказать никакого влияния на судьбу Германии. Поэтому ему было трудно реально оценить значение американской мощи.

Негативное отношение Гитлера к Америке может также осветить некоторые аспекты его политических взглядов более общего характера. Рассмотрим политическое мышление фюрера на трех уровнях. На первом существовали идеи по таким вопросам, как раса, власть, жизненное пространство и большевизм. Эти идеи оставались неизменными до конца его жизни. На втором уровне было применение этих доктрин в европейской политике. Здесь уже было больше вариаций и тактических ходов, но все-таки соблюдалось определенное постоянство, как мы видим на примере его отношения к России, Франции, Англии и Италии. На третьем уровне, охватывавшем мир за пределами Европы, мы находим мало постоянства, ми-

нимум соответствия реальности, даже элемент дискомфорта.

Таким образом, хотя отношение Гитлера к Америке постоянно менялось, из этого нельзя сделать вывод, что у него не было никакой четкой программы внешней политики.

У Гитлера имелась более или менее соответствующая действительности система идей о мировой политике, но только в отношении своего собственного мира, а его миром была Центральная Европа. Эта система не включала в себя на фундаментальном уровне территории вне Европы. Как мы уже убедились на примере Америки, Гитлер знал об этих территориях очень мало, да и то только понаслышке. Его представления об этих регионах профессор Тревор-Роупер сравнил с «гниющими отбросами и старым хламом его озлобленного убогого прошлого». Это была беспорядочная смесь идей, на основе которых Гитлер строил свою политику, когда возникали проблемы, требовавшие немедленного решения, а потом благополучно забывал о них. Даже после вступления Америки в войну его стратегический горизонт почти не расширился. Фюрер не делал никаких попыток перевести свое отношение к этой стране с третьего уровня на второй. Он воспринимал вступление Соединенных Штатов в войну как «неожиданное и неестественное вмешательство в чужие дела». Гитлер, похоже, даже удивился: откуда она вообще взялась, эта Америка?

Когда Луи П. Лохнер, корреспондент Ассошиэйтед Пресс в Берлине, в 1934 году призвал Гитлера обратить внимание на немецко-американские отношения, фюрер отреагировал так: «Он вдруг вспыхнул, как школьник, отвечающий урок, которого он не выучил, а потом недовольно пробормотал что-то вроде того, что у него так много проблем, что просто не было времени заняться Америкой».

Но он так и не нашел для этого времени. А между тем в этом вопросе, как и во многих других, время уже поджимало. Гитлер неожиданно для себя обнаружил, что на него ополчился весь мир, далеко превосходящий границы Цен-

тральной Европы, где он чувствовал себя уверенно и свободно. Ввергнув Европу в войну в 1939 году, он вызвал целую лавину событий, которая привела к тому, что против Германии выступила и Америка, сначала косвенно, а потом и в открытую. Однако весь ход событий был предсказан немецкими дипломатами в Берлине и Вашингтоне, которые пытались убедить фюрера, что со стороны Америки ему грозит опасность. Но фюрер не хотел им верить. Это просто не укладывалось у него в мозгу. Нежелание Гитлера принимать во внимание влияние Америки на немецкую внешнюю политику, вполне объяснимое в свете его отношения к этой стране, стало одной из самых грубых ошибок, которые и привели его к гибели.

Часть вторая

АМЕРИКА И ВИЛЬГЕЛЬМШТРАССЕ

Глава 3

АМЕРИКА И НЕМЕЦКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Мнение Гитлера об Америке и ее роли в мировой политике сложилось не столько на основе отчетов, присылаемых в Берлин немецкими дипломатами, сколько на его собственных политических измышлениях и предположениях. Немецкое посольство в Вашингтоне и профессиональные дипломаты в Берлине в основной своей массе не разделяли презрения и безразличия фюрера к Соединенным Штатам. У них сложилось совершенно другое представление об Америке, на котором они и основывали свои рекомендации о том, как строить с ней отношения. Но разве могли они убедить руководителей нацистского тоталитарного государства в истинности своих выводов? Могло ли мнение дипломатов как-то повлиять на политику, которую определяло лишь мнение самого диктатора? Гитлер мог сколько угодно называть свое министерство иностранных дел «свалкой интеллектуального мусора», а дипломатов — «господами, которые весь день только и делают, что вырезают из газет статьи, а потом снова вклеивают их на прежнее место», но факт остается фактом: несмотря на всю свою неограниченную власть, он не мог отказаться от их услуг и лично заниматься всеми аспектами внешней политики.

Более того, в отношениях со странами, подобными Америке, которые очень мало интересовали Гитлера, роль профессиональных дипломатов возрастала во много раз. К тому же, хотя нам и неизвестно, какие именно депеши

показывались Гитлеру его министрами иностранных дел, дипломаты могли оказывать влияние и по другим каналам, например через Генеральный штаб. Многочисленные утверждения, что сотрудники министерства на Вильгельмштрассе¹ якобы ни на что не способны, сильно преувеличены.

Среди сотрудников Вильгельмштрассе было мало нацистов, хотя в дела министерства иностранных дел часто вмешивались различные партийные учреждения и начальники. Это особенно касалось тех дел, которые были связаны с фольксдойче (людьми немецкого происхождения, жившими за границей). Создание альтернативных министерств иностранных дел (Бюро Риббентропа, Бюро рейхсауссенминистров, а после начала войны и специального вагона министра иностранных дел) создавало, вероятно, большую путаницу в делах, а злополучное назначение министром иностранных дел Риббентропа в 1938 году не вызвало радости ни у немецких, ни у иностранных дипломатов. (Помощник Государственного секретаря США Самнер Уэллс называл его «напыщенным глупцом» и отмечал, что ему «не приходилось до этого встречать более неприятного человека».)

Несмотря на это, основной корпус немецких дипломатов оставался нетронутым, посольства продолжали выполнять свою привычную работу, а сотрудники министерства на Вильгельмштрассе занимались обычным делом. В Берлин и из Берлина поступали депеши, рекомендации и инструкции. Неразбериха, дублирование функций и идеологическое вмешательство, конечно, сильно усложняли жизнь немецких дипломатов, но это не сможет заставить нас поверить в то, что они сидели сложа руки. Ежедневная работа, без которой ни одно государство не может поддерживать отношения с другими странами, продолжалась. Ясно одно — неадекватная реакция немецкого руководства на действия Соединенных Штатов частично была обусловлена тем образом Америки, который сложился у

---

¹ Особенно ценными работниками были секретари фон Бюлов и Вайцеккер. Как утверждал Ламмерс, Риббентроп сознательно утаивал ряд депеш от Гитлера.

дипломатов, и тем представлением о ней, который создал в своем уме Гитлер.

Это расхождение было заметно на самом высоком уровне. Предшественником Риббентропа на посту министра иностранных дел был Константин Фрайхер фон Нейрат. О том, как он относился к Америке, мы не знаем, но он был весьма осмотрительным профессиональным дипломатом, и его отношение к этой стране, скорее всего, было таким же, как у немецких послов в Вашингтоне. То же самое можно сказать и об Эрнсте Вайцеккере, государственном секретаре министерства иностранных дел с 1938 по 1943 год. Он в целом был согласен с оценками и предложениями посольства в Вашингтоне, в чем мы убедимся, изучая доклады этого посольства.

Об отношении к Соединенным Штатам Иохима фон Риббентропа мы знаем гораздо больше, частично потому, что он занимал пост министра иностранных дел в то время, когда Америка занимала в немецкой политике очень важное место, и частично благодаря тому, что он любил составлять многословные, весьма претенциозные записки о положении дел в мире, в которых обязательно фигурировала и Америка. Риббентроп, высокомерный и самодовольный, несомненно, во многом разделял отношение Гитлера к профессиональным дипломатам и, вероятно, получил свои знания о странах мира из тех же дилетантских источников, что и фюрер. (Геринг как-то заметил, что «познания Риббентропа об Англии и Франции ограничиваются английским виски и французским шампанским».) Кроме того, в юности Риббентроп совершил путешествие по Европе и Северной Америке. Его выражения «малая внешняя политика» и «большая внешняя политика» (бывший коллега Риббентропа называл эти определения столь абстрактными и туманными, что совершенно невозможно было понять, чем они отличаются друг от друга) очень напоминают рассуждения Гитлера о тех регионах, к которым Германия не проявляла особого интереса.

Хотя Риббентроп провел в Северной Америке три года перед Первой мировой войной (главным образом в Канаде) и на основе этого заявлял, что хорошо знает Новый Свет,

его взгляды на Соединенные Штаты, которые он высказывал, уже будучи рейхсминистром, не сильно отличаются от взглядов Гитлера. Французский посол в Берлине Андре Франсуа-Понсе называл Риббентропа «еще большим гитлеровцем, чем сам Гитлер»¹.

Риббентроп утверждал, что война началась исключительно по вине Рузвельта, который хотел таким образом отвлечь внимание американцев от провала своего Нового курса. В сентябре 1940 года он говорил Муссолини, а в феврале 1941 года — японскому послу Ошимае, что Рузвельт является самым злейшим врагом стран оси. В разговоре с американским послом Вильсоном он проводил различие между американским народом («который относится к Германии с сочувствием и уважением») и американской прессой, которая, по словам Риббентропа, относилась к Германии «совершенно непонятно». Он искренне верил, что американское общественное мнение поддерживает политику нейтралитета исключительно благодаря усилиям немецкой пропаганды, и называл внешнюю политику Рузвельта «самым большим блефом в мировой истории».

В марте 1941 года он уверял Мацуоку, японского министра иностранных дел, что, хотя американская помощь и вселила в англичан надежды на победу, она еще очень не скоро станет по-настоящему эффективной. Кроме того, Риббентроп называл американское вооружение «старым хламом». Риббентроп в мае 1941 года предупредил американского дипломата Кудайа, что если американцы задумают вторгнуться в Европу, то подвергнутся сокрушительному разгрому («это будет американский Дюнкерк»), и что американский флот и авиация настолько слабы, что не стоит даже и пытаться. Что касается вступления Америки в войну, то Риббентроп в одних случаях признавался, что не знает, в чем заключаются намерения США, а в других проявлял полное безразличие к этому вопросу. Он сказал японскому послу Ошимае, что «хотя американцы и настроены против нацистов, они не захотят пожертвовать свои-

---

¹ Чиано писал, что «если Гитлер чего-нибудь хотел, а видит Бог, что хотел он очень многого, то Риббентроп всегда хотел еще большего».

ми жизнями, чтобы остановить Германию. А даже если и захотят, Германия без труда покончит с любым вмешательством Америки в дела Европы».

Самые развернутые рассуждения Риббентропа по вопросу об американской политике пришлось на встречу с адмиралом Дарланом в апреле 1941 года. Снова признавшись в том, что он плохо представляет себе планы Америки («неужели они думают, что способны вести войну в Европе?»), он принялся объяснять французскому адмиралу, что в политике американцы «ведут себя как дети, а в военных делах — еще хуже». Тем не менее Германии нечего бояться, поскольку ее политическая и экономическая мощь позволит разгромить любого врага. Кроме того, добавил он, если Америка вступит в войну, Япония последует ее примеру, а в этом случае американское вторжение в Европу станет чистым безумием. Американская политика, по утверждению Риббентропа, — это «самый большой и глупейший империализм в мировой истории, и заключается он в том, что Рузвельт постоянно сует нос в дела, которые его совершенно не касаются». Совершенно ясно, что во время бесед со всеми политиками Риббентроп старался направить мысли своих слушателей в том направлении, которое было выгодно ему. Но его отношение к Америке и ее политике почти полностью совпадало с отношением фюрера, — во всяком случае, у нас нет свидетельств о каких-либо крупных разногласиях между Гитлером и его министром иностранных дел.

Что касается организации отношений между Германией и Соединенными Штатами, то американский отдел в министерстве иностранных дел, называвшийся пол IX, занимал положение, соответствовавшее значимости этой страны, а его персонал выполнял свои обычные обязанности. Правда, в его работу изредка вмешивались партийные чиновники, о чем мы поговорим позже¹.

---

¹ Отдел пол IX возглавлял дипломат старой школы, бывший консул в Сен-Луисе Фрайтаг.

В Вашингтоне персонал немецкого посольства состоял из обычного числа чиновников до того момента, когда в 1938 году немецкий посол был отозван в Берлин. После этого активность посольства резко снизилась из-за враждебности общественного мнения и введения правительственных ограничений. Четыре человека, в разное время руководившие миссией в Вашингтоне, высылали в Берлин доклады о положении дел в Америке. Поскольку в следующих главах мы подробнее обсудим эти доклады, то необходимо кратко рассказать обо всех этих четырех фигурах.

На момент прихода к власти в Германии нацистов посольство возглавлял доктор Фридрих Вильгельм фон Притвиц унд Гафрон, дипломат старой школы, служивший в Вашингтоне с 1908 по 1910 год, аристократ, отличавшийся глубокими либеральными убеждениями, и горячий сторонник Веймарской республики. Узнав о перемене власти в Германии, он весьма пессимистически смотрел на развитие Германии и будущее немецко-американских отношений. Вот что он писал в своих мемуарах: «Я не имел ни малейшего желания служить режиму, который должен был принести Германии неимоверные страдания». 11 марта 1933 года Притвиц подал в отставку и ушел с дипломатической службы.

Преемником Притвица стал доктор Ганс Лютер, единственный из всех послов, не имевший опыта дипломатической работы. Назначение Лютера, экономиста по специальности, бывшего канцлера Веймарской республики и президента Рейхсбанка, удивило всех. Почему Гитлер выбрал именно его, так и осталось непонятным. Один писатель, который в то время находился в Берлине, высказал предположение, что «Лютера отправили в Вашингтон, чтобы освободить место президента Рейхсбанка для Ялмара Шахта». С другой стороны, вполне возможно, что, как предположила «Нью-Йорк таймс», назначив послом убежденного консерватора, видного деятеля Веймарской республики, Гитлер хотел показать, что в немецкой внешней политике не будет неожиданных резких перемен хотя бы в отношениях с Соединенными Штатами.

В любом случае назначение Лютера было благосклонно встречено американской прессой, хотя его усиленная публичная защита нацистского режима никому не понравилась. Государственный секретарь Корделл Халл назвал его «очень приятным человеком в личном общении», хотя Рузвельт отмечал «отсутствие гибкости ума, которая весьма затруднит его работу в нашей стране». Джей П. Моффат из Европейской секции Госдепартамента США охарактеризовал его как человека, подверженного «тевтонским взрывам». Мессершмитт, генеральный консул США в Берлине, предупредил Госдепартамент, что доктор Лютер будет «много и красноречиво говорить об отношениях между Германией и Соединенными Штатами, но не сможет сообщить вам, что ему известно; а если бы и мог, то известно ему очень немногое». Плохое знание Лютером политической обстановки отмечал и доктор Ганс Томсен, служивший при нем советником. Политические доклады писали при Лютере в основном его помощники, поскольку он «не очень хорошо разбирался во внешней политике». Несмотря на все свои недостатки и полное отсутствие чувства юмора (говорят, что только французскому министру иностранных дел один раз удалось рассмешить его на публике), Лютер заслужил всяческих похвал от руководства за то, что с достоинством представлял в Америке свою страну, когда его отозвали в Берлин и отправили в отставку с дипломатической службы.

Последним послом был доктор Ганс Генрих Дикхоф, деятельность которого и до и после его кратковременного пребывания в должности посла была связана с немецко-американскими отношениями. Дипломат старой школы, обладавший большим опытом, Дикхоф до Первой мировой войны служил в Танжере, Константинополе, Сантьяго, Лиме и Праге. Во время войны он был кавалерийским офицером. С 1922 по 1927 год он был советником посольства в Вашингтоне, а с 1927 по 1930 год — в Лондоне. До 1937 года Дикхоф занимал различные посты в министерстве, потом до 1943 года был послом по особым поручениям, после чего его перевели в Мадрид, где он оставался до конца войны. Дикхоф был женат на сестре Риббентропа, и его советы,

касавшиеся Америки, могли иметь гораздо больший вес, чем советы других людей. Человек несомненных способностей и обаяния, Дикхоф имел репутацию либерала. Он не был членом нацистской партии, и Риббентроп однажды обвинил его в том, что он не имеет никакого понятия о развитии национал-социализма. На Додда Дикхоф произвел впечатление «либерального немца» и, возможно, самого дружелюбно настроенного высокопоставленного чиновника из всех тех, с которыми приходилось иметь дело посольству. То, что он, несмотря на свои моральные принципы, служил нацистам, объясняется, вероятно, тем, что он хотел пользоваться определенным влиянием или просто чисто человеческой робостью¹.

В целом взгляды Дикхофа на немецко-американские отношения, как видно из его депеш, были скорее умеренными, чем авантюристическими или идеологическими. Его назначение было встречено в США с радостью. Газеты писали о нем как об «обаятельном человеке, хорошо известном и популярном в нашей стране», и как об «одном из самых талантливых немецких дипломатов». Подчеркивалось, что он был в доверительных отношениях с Гитлером, а это было истолковано как признак того, что нацистский режим был искренне заинтересован в улучшении немецко-американских отношений. Но со временем стало ясно, что надежды не оправдались.

Дикхоф, несомненно, был более талантливым дипломатом, чем Лютер, и лучше подходил для налаживания отношений с Америкой. Но сами эти отношения постоянно ухудшались, и 1 ноября 1938 года он высказал Самнеру Уэллсу свои опасения, что разногласия между двумя странами непреодолимы, а его миссия потерпела полный крах. После того как Рузвельт в том же месяце выступил с осуждением немецких погромов в Германии и вызвал посла Вильсона для консультаций, Дикхофу было велено прибыть в Берлин, чтобы объяснить причины «странного отношения американского президента к Германии». Уез-

---

¹ По поводу антинацистской репутации Дикхофа Ширер однажды заметил: «У меня сложилось такое ощущение, что ему просто не хватало смелости».

жая в декабре из Вашингтона, он сомневался в том, что ему удастся вернуться, а через девять месяцев после начала войны в Европе было объявлено, что он больше не придет в Соединенные Штаты.

После этого Дикхоф стал руководителем консультативного Американского комитета и посылал в министерство иностранных дел длинные меморандумы, посвященные отношениям с Америкой. Содержание этих меморандумов будет рассмотрено в следующих главах, однако следует сразу отметить, что их общий тон был очень сдержанным и лишенным идеологического влияния. Дикхоф трезво смотрел на вещи, в особенности на проблему возможного вступления Америки в войну.

Кроме того, Дикхоф в 1941 году написал несколько статей, которые опубликовал в журнале «Монатшефте фюр аусвертиге политик» под псевдонимом Сильванус. Позже они легли в основу книги, опубликованной в 1942 году под названием «О причинах вмешательства Рузвельта в войну». В условиях цензуры и идеологического гнета, царивших в нацистской Германии во время войны, Дикхоф конечно же не мог высказаться до конца откровенно. Тем не менее эта книга интересна тем, что представляет собой откровенные мысли человека, который был, вероятно, самой крупной фигурой в американо-немецких отношениях того времени, а также тем, что в ней в определенной степени отражено официальное мнение по вопросу вступления Америки в войну. В целом же можно сказать, что, хотя книга не выходит за рамки официальной точки зрения, она относительно свободна от идеологических догм, партийных клише и напыщенного социального анализа. В ней отсутствуют поиски заговоров, клевета на американскую администрацию и фантазии о господстве нордического элемента в Америке¹.

Основная идея этой книги высказана в ее первой главе: Америка с конца XIX века под влиянием Англии и американских англофилов «прокладывает дорогу капиталистическому развитию».

---

¹ Евреи, например, упоминаются всего дважды, причем говорится, что они настроены антигермански и проанглийски.

тической экспансии». Эта тенденция привела к тому, что Соединенные Штаты подвергают обструкции любую попытку объединения Европы или Азии. В 30-х годах в этом направлении очень много сделал Рузвельт, который испытывал «всепоглощающую враждебность по отношению к Японии и ненависть к Германии, имеющую давние корни». Таким образом, вся ответственность за разжигание новой войны лежит на нем. Правда, Дикхоф признавал, что выявить мотивы действий Рузвельта было очень трудно. Но с 1937 года он начал осуществлять программу, состоящую из трех пунктов: объединение стран Западного полушария, ликвидация оси и поддержка западных союзников. Умело манипулируя мнением конгрессменов и общества, Рузвельт всячески старается вставлять палки в колеса стран оси¹.

В главе, посвященной немецко-американским отношениям, он утверждал, что раньше между двумя народами существовали самые сердечные отношения, но они были разрушены Англией. Враждебность Америки по отношению к Германии возникла в последние годы XIX века, и причиной тому было именно вмешательство Англии: «Ключ к пониманию немецко-американских отношений находится в Лондоне». Для того чтобы подготовить американское общественное мнение к предстоящей войне с Германией, англичане совместно с англофильской элитой Соединенных Штатов навязали американскому народу искаженное представление о Германии². Рузвельт продолжил политику своих предшественников, и его усилия достигли апогея как раз перед самой войной.

Рузвельт, продолжает Дикхоф, пытался блокировать действия Германии во Франции; аналогичные обструкционистские тенденции выявились и в американской политике по отношению к Японии. Администрация Рузвельта

---

¹ В качестве примеров этой политики Дикхоф приводит отмену законов о нейтралитете, заключение договора об аренде эсминцев и закон о ленд-лизе.

² Главными виновниками этого Дикхоф называет Карнеги и Родеса, Епископальную церковь, Союз англоговорящих людей, газету «Нью-Йорк таймс», Национальную радиовещательную компанию, организацию бойскаутов и Христианский союз молодых людей.

пыталась положить конец экспансии Японии путем военного вмешательства и экономического давления на нее. Переговоры 1941 года были обречены на провал из-за того, что Америка настаивала на том, чтобы Япония вышла из оси, а это было совершенно неприемлемо для Японии. Так Америка оказывала давление в том регионе, «на который у нее не было ни исторических, ни расовых, ни экономических прав». Поэтому Вашингтон должен винить одного себя в том, что Япония решила «разрубить узел», который затянула на ее шее Америка, и напала на ее базу в Пёрл-Харборе¹.

Чтобы помешать объединению Европы, Рузвельт пытался использовать СССР. Рузвельт хотел видеть «Европу разорванной на части, разобщенной и слабой», мечтая сделать ее «пешкой в англосаксонской политической и финансовой игре». «С редким легкомыслием, — заявляет Дикхоф, — Рузвельт развязал войну. Какое ему дело до того, что Европа будет залита кровью? Какое ему дело, если погибнет европейская культура? Разве способен он понять душу европейца? Рука об руку с большевиками Америка Рузвельта стремится поставить Европу на колени».

Эта явно прогерманская книга, чересчур упрощавшая все проблемы, тем не менее свидетельствовала о том, что писал ее человек образованный, который считал, что служит своей стране.

Дикхоф ушел с дипломатической службы в 1945 году, а в 1952-м умер. В некрологе газета «Франкфуртер алгемайне цайтунг» говорила о нем как об «убежденном либерале» и человеке с «неподкупным чувством справедливости», а «Нью-Йорк таймс» менее великодушно описывала его как «щелкающего каблуками представителя немецкого юнкерского класса». Но, поскольку он был наиболее крупной фигурой среди дипломатов, занимавшихся немецко-американскими отношениями, очень трудно судить, каким

---

¹ Признание СССР, строительство военно-морского флота, отсрочка предоставления независимости Филиппинам, «Карантинная речь», отмена в 1939 г. торгового договора, поддержка Китая и эмбарго на вывоз нефти и металлолома — все это было частью политики США.

человеком он был на самом деле. По мнению автора этой книги, Дикхоф был способным дипломатом, реалистично смотревшим на вещи, политиком умеренного толка, который по личным причинам, а также из чувства профессионального долга сумел приспособиться к службе Третьему рейху.

Пока Дикхоф пытался влиять на немецко-американские отношения, находясь в Берлине, посольство в Вашингтоне в течение трех очень напряженных лет — с декабря 1938 по декабрь 1941 года — возглавлял советник доктор Ганс Томсен, который занимал пост поверенного в делах. Томсен, чей предок был выходцем из Норвегии, происходил из знатной гамбургской банкирской семьи. Он также был дипломатом старой школы, служившим сначала в Италии, а потом в министерстве иностранных дел в Берлине. В 1932 году при Франце фон Папене он работал в рейхсканцелярии и служил офицером связи между нею и учреждением на Вильгельмштрассе. Как руководитель протокола на совещаниях кабинета министров сразу же после прихода Гитлера к власти, он был также одним из переводчиков фюрера. В 1936 году он был отправлен в Вашингтон в качестве советника посольства, а после отзыва Дикхофа стал поверенным в делах.

Поскольку отношения между Германией и Америкой были весьма напряженными, особенно после начала войны в Европе, у Томсена не было возможности часто появляться в обществе и обзавестись связями, как это делают все послы. Поэтому о его личных качествах и поступках почти не упоминалось в прессе. Он произнес сравнительно мало речей на публике, а те, которые произнес, были в основном посвящены разъяснению позиции Германии по тому или иному вопросу. Томсена высоко ценил Самнер Уэлльс, который говорил о его работе с Вайцеккером, когда тот в 1940 году посетил США¹.

В целом его доклады были основаны на реальных фактах, сдержанны по тону и посвящены участию Америки в

---

¹ И Уэлльс, и Вайцеккер оба отметили «спокойный, уверенный взгляд Томсена».

войне с Германией. Гитлер в застольных разговорах отзывался о нем доброжелательно. Однако вполне возможно, что признание заслуг Томсена основывалось не на его собственных отчетах, которые фюрер, скорее всего, не читал, как полагают многие, а на докладах военного атташе посольства.

Последним поступком Томсена в качестве поверенного в делах была, конечно, передача в Госдепартамент документа об объявлении войны Соединенным Штатам и закрытие посольства. Через несколько недель после этого он вернулся в Германию через Португалию и был награжден Рыцарским крестом за военные заслуги. 1 мая 1942 года он заявил, что объемы американского производства сильно завышены, но через несколько недель высказал идеи, весьма непривычные для немецкого чиновника того времени. В интервью, которое Томсен дал за пределами Германии, он заявил, что недооценивать мощь Америки очень опасно. После этого он охарактеризовал Рузвельта как «исключительно умного руководителя, обладающего огромной энергией», а его жену — как «женщину большого обаяния и ума, которая делает честь своей стране». После того как журналисты спросили Томсена, почему он говорит совсем не то, что утверждает немецкое руководство, он стал приводить доказательства в защиту своего мнения. Томсена отправили в Стокгольм в качестве посла, где он и служил до самой своей отставки в 1945 году.

И наконец, среди важных фигур немецкого посольства следует отметить военного и авиационного атташе генерала Фридриха фон Беттихера, назначенного на этот пост в апреле 1933 года. Это был первый немецкий военный атташе в Вашингтоне после 1917 года. В Первую мировую войну он служил артиллерийским офицером, получил звание генерала и стал сотрудником Генерального штаба. В 20-х годах он был директором артиллерийского училища и на короткое время приезжал в США в качестве руководителя отдела зарубежных армий немецкого министерства обороны. Прибыв в Нью-Йорк в 1933 году, он яростно отрицал тот факт, что захватить власть нацистам помогла армия, и утверждал, что рейхсвер вообще никогда не вме-

шивается в политику. Но, как мы убедимся в дальнейшем, его собственные доклады из Вашингтона, имевшие ярко выраженную политическую окраску, опровергают это заявление. Все время своего пребывания на посту атташе генерал поддерживал тесные контакты с руководителями американской армии и, согласно одному из отчетов 1941 года, «пользовался в этих кругах уважением». (Томсен писал, что в последние годы существования посольства атташе имел больше возможностей для общения с американскими чиновниками, чем сами дипломаты.) Вернувшись в 1942 году в Германию, Беттихер был принят Гитлером, а потом служил советником по американским делам в ОКВ (Верховном командовании вермахта). В апреле 1945 года он был захвачен солдатами 7-й американской армии и ушел в отставку¹.

Глава 4

НЕМЕЦКИЕ ДИПЛОМАТЫ И АМЕРИКА ПЕРЕД НАЧАЛОМ ВОЙНЫ

По мере укрепления Третьего рейха в Германии и Нового курса в США в 30-х годах, отношение Гитлера к Рузвельту, как мы уже отмечали, становилось все более враждебным и презрительным. Какие же доклады посылало немецкое посольство в Вашингтоне об общественном мнении в Америке о нацистской Германии и ее внутренней и внешней политике? Как представляли себе немецкие дипломаты положение американской нации и какова была политика Рузвельта в отношении Европы в годы, предшествовавшие началу войны? Надо сказать, что в целом представление об Америке, которое складывалось на основе докладов, посылаемых немецкими дипломатами в Берлин, сильно отличалось от той радужной картины, которую рисовали себе лидеры нацистов. Сотрудники посольств вовсе не собирались писать то, чего ждал от них

---

¹ Томсен высказывал предположение, что одним из источников уверенности Беттихера в быстрой победе Германии было общение с американскими офицерами.

Гитлер. Они прекрасно видели, как возрастает враждебность Америки к Третьему рейху. Они сообщали, что американское общественное мнение возмущено внутренней политикой нацистского режима и встревожено его агрессивной внешней политикой. Дипломаты старались убедить правительство, что экономическую мощь и решительное политическое руководство нельзя будет бесконечно сдерживать изоляционистскими настроениями и законами о нейтралитете. Они настаивали на том, что Соединенные Штаты — это сила, которую надо обязательно принимать во внимание.

Согласно докладам, поступавшим в Берлин, реакция американцев на победу национал-социализма с самого начала была отрицательной. Еще в марте 1933 года посол Притвиц писал, что приход нацистов к власти вызвал в США волну возмущения. В том же самом месяце американское посольство в Берлине информировало министерство иностранных дел Германии о тревоге, которую вызвала в США антисемитская политика Германии, а в мае Халл сделал послу Лютеру «полное и прочувственное заявление» по этому вопросу. Эти официальные шаги регулярно подкреплялись докладами о демонстрациях протеста, петициях, публичных осуждениях и резолюциях конгресса. Из этих докладов было хорошо видно, что общественность Америки сильно возмущена положением дел в Германии.

В марте 1934 года посол Лютер сообщил о новых антинацистских манифестациях в Нью-Йорке, включая «показательный суд» над Гитлером по обвинению в убийстве (Лютер назвал этот суд «возмутительнейшим оскорблением»), а позже дал подробный отчет по тем вопросам, по которым между Америкой и Германией возникли трения. Проблема, по его мнению, заключалась не в Германии, а в том, что американцы боятся, что и в их стране победит национал-социализм. Лютер особенно подчеркивал опасения американцев, что Берлин начнет оказывать местным нацистам финансовую помощь. Год спустя ему пришлось признать, что антинемецкая пропа-

ганда в США приобрела такой размах, что они стали одним из основных центров борьбы с нацизмом. Летом 1935 года тон докладов Лютера становится все более и более пессимистическим. Лейтнер, немецкий поверенный в делах, телеграфировал в июле, что возмущение еврейскими погромами, которые произошли в тот месяц в Берлине, «сильно ухудшило отношение к Германии во всех слоях американского общества, даже в тех, которые до этого относились к немцам с симпатией».

К 1938 году доклады посла Дикхофа были полны пессимизма, а заявления Халла, касающиеся широкого круга разногласий, становились все более резкими по тону. Доклады посольства не оставляли никаких сомнений в том, что немецкий антисемитизм, который Халл называл «отвратительным и пугающим», стал причиной многих глубоко укоренившихся предрассудков американского общественного мнения в отношении Третьего рейха. В ноябре произошли новые погромы, во время которых многие евреи лишились жизни и имущества. Они были устроены в отместку за убийство немецкого посла в Париже, якобы убитого евреями. Эти погромы получили название «хрустальной ночи», которая до глубины души шокировала президента Рузвельта («Я с трудом мог поверить, что в наше цивилизованное время возможны такие вещи») и привела к отзыву американского посла из Берлина. Согласно докладом немецкого посольства, известие об этой ночи вызвало сильное возмущение общественного мнения. Дикхоф писал, что в Америке разразилась самая настоящая антинемецкая буря. Мнение посла Вильсона, который передал телеграфом сообщение о событиях в Берлине, заявив при этом, что эти погромы развеяли все надежды на улучшение немецко-американских отношений, подтверждается теперь описанием реакции американского народа на них, присланным Дикхофом из Вашингтона. «Тому, кто не видел, какого накала достигла здесь ненависть к немцам, трудно себе это представить», — телеграфировал он американскому поверенному в делах в Берлине.

Буря, о которой писал Дикхоф, выбросила его из Америки, и он уже больше туда не вернулся. Его преемник,

Ганс Томсен, обнаружил, что даже месяц спустя после событий в Берлине Америка продолжала бурлить от возмущения, и он сделал вывод, что отношения между двумя странами достигли «критической стадии» из-за еврейского вопроса. Фрайтаг из американского отдела, составляя обзор ситуации на основе этих и других докладов, сделал вывод, что «гнев против Германии достиг таких размеров, каких не было даже во время мировой войны». Однако этот взрыв возмущения положил конец периоду, когда сведения о реакции на внутренние дела Германии составляли основное содержание дипломатических депеш. С тех пор в докладах дипломатов все больше и больше места стала занимать внешняя политика.

Соединенные Штаты, в которых изоляционистские настроения и недоверие к результатам мировой войны и Версальскому договору значительно усилились под влиянием постоянного экономического кризиса, не собирались принимать доктрину коллективной безопасности, направленную против возрождения германской мощи. Выход Германии из Лиги Наций, ее перевооружение и милитаризация Рейнской области не казались на другом берегу Атлантики такими уж страшными. Гражданская война в Испании, аншлюс Австрии, захват земель в Чехословакии и даже вторжение в Польшу хотя и вызвали тревогу у американцев, но еще больше усилили стремление сохранять нейтралитет.

Немецкое посольство в Вашингтоне до 1937 года почти ничего не писало о реакции американцев на внешнюю политику Германии. До этого времени реакция была скорее положительной — в ней содержался определенный элемент сочувствия немецким дипломатическим целям, как их понимали граждане США. В мае 1933 года Ялмар Шахт в своем письме из Вашингтона обратил на это внимание Гитлера. «В Америке, — писал он, — многие считают, что международное сообщество относится к Германии несправедливо». Он указывал на то, что некоторые конгрессмены сочувствуют стремлению Германии возратить

свои колонии, а также с пониманием относятся к ее перевооружению. Это подтвердил и Лютер, который телеграфировал, что, несмотря на разнuzданную кампанию критики внутренней политики нацистов, развернутую в прессе, требование Германии, чтобы на международной арене к ней относились как к равной, многие считают справедливым. Определенные круги в Америке с сочувствием относились к действиям Германии в отношении Лиги Наций, а в 1936 году оккупация Рейнской области была встречена в Америке с пониманием. Но Лютер предупреждал, что это понимание будет сохраняться только в том случае, если внешняя политика Германии будет выглядеть как защита своих естественных прав, а не как агрессия.

Но если политика Германии в Европе до захвата Австрии не вызвала у американского общественного мнения особой тревоги, то сотрудничество с Японией порождало сильное беспокойство. Лютер указал на это в апреле 1935 года, а посол Додд обсуждал этот вопрос с министром иностранных дел фон Нейратом в 1936 году, после того как Германия подписала с Японией Антикоминтерновский пакт. В июне Лютер информировал Берлин, что тесные связи Германии с Японией образуют «тень, которая падает с Дальнего Востока на немецко-американские отношения». Когда же к пакту присоединилась Италия, эта тень стала еще гуще — она словно подтверждала наличие мирового фашистского заговора, о котором твердила американская пропаганда.

Более того, к весне 1937 года недоверие американцев ко всей немецкой политике в целом еще больше усилилось. Проблема заключалась в том, что все поступки Германии американское общественное мнение автоматически приписывало ее жажде агрессии. В декабре Дикхоф подробно описал эти настроения в своем отчете за первые девять месяцев службы в качестве посла. По мере оформления оси Берлин—Рим в Америке укреплялась убежденность в существовании международного фашистского заговора. Это сопровождалось, по сообщению посла, изменением отношения американской прессы к событиям — их стали ин-

терпретировать как проявление борьбы демократии и тоталитаризма, свободы и деспотизма, христианства и варварства. Дикхоф предупреждал Берлин о том, что в Америке крепнет убеждение, что главной целью немецкой внешней политики стал экспорт нацизма. Концепция «Нацинтерна» усилилась под влиянием событий, происшедших за последние месяцы как в самой Германии, так и в США. Здесь американцы немецкого происхождения демонстрировали свою солидарность с рейхом и готовность выполнить свои обязательства перед ним.

Итак, до 1938 года американские высказывания по поводу немецкой внешней политики отличались общим характером и были довольно отрывочными; в них сквозила скорее легкая обеспокоенность, чем резкая критика. Но после аншлюса Австрии в марте 1938 года тон изменился: теперь все в один голос твердили о немецкой агрессивности, а отношение к немецкой политике стало враждебным. Дикхоф докладывал, что Госдепартамент испытывал «бессильную ярость», узнав о захвате Австрии. 22 марта он телеграфировал, что аншлюс вызвал «фантастическую реакцию в прессе» — газеты изображали Германию в виде «прусского волка, который напал на стадо австрийских овец».

Когда Гитлер в мае и июне обратил свое внимание на Чехословакию, Дикхоф сообщил, что в Америке растет тревога по поводу агрессивных намерений Германии в этом регионе, а в Англии и Франции усилилась антинемецкая пропаганда. К тому времени, согласно докладам консульства в Чикаго, судетский кризис породил даже на традиционно нейтральном Среднем Западе убеждение в том, что разрыв с Германией неизбежен. Сначала, по докладам дипломатов, мюнхенские договоренности в сентябре были приняты хорошо, но уже к ноябрю Дикхоф сообщил послу Дирксену в Лондоне, что иллюзии начинают рассеиваться. Позже в этом же месяце Дикхоф передал в Берлин, что американцы теперь рассматривают Мюнхен как крупную неудачу английской политики, которая будет иметь решающее значение для мира в Европе.

Недовольство американцев сменилось открытой враждебностью, когда они узнали, что в марте 1939 года немцы оккупировали Прагу¹.

Томсен, сильно встревоженный ярко выраженными антинемецкими настроениями в Соединенных Штатах, в своем мартовском докладе назвал их настоящим «психозом», превосходящим по силе психоз 1917 года. Он предупреждал, что «большинство недалеких американцев, которых очень легко убедить в чем угодно, теперь совершенно искренне считают Германию своим врагом номер один».

Немецкие колониальные претензии и захваты земель в Латинской Америке рассматривались теперь как создание немецких баз для нападения на Панамский канал и сами Соединенные Штаты. Томсен предупреждал, что определенные круги заинтересованы в сохранении враждебного отношения американцев к Германии, поскольку это поможет им в достижении своих собственных целей. В добавление ко всему пренебрежительное отношение Гитлера к предложению Рузвельта о посредничестве, поступившему в том же месяце, привело к тому, что в Америке стало расти убеждение в неотвратимости войны в Европе. Томсен докладывал, что общественное мнение настроено теперь «неизменно пессимистично и недоброжелательно».

Последний месяц мирной жизни был отмечен в Америке покорным ожиданием начала войны и уверенностью в том, что в ее развязывании виновата одна Германия. 8 августа посольство сообщило, что в случае конфликта американское общественное мнение заранее готово свалить всю вину на Германию. Это мнение значительно укрепилось после подписания 21 августа пакта Молотова—Риббентропа. Этот договор, как писал Томсен, привел Госдепартамент в ужас. В Вашингтоне считали, что баланс сил в мире сместился в сторону оси. Томсен предупреждал, что, по мнению американцев, угроза Соединенным Штатам возросла, а это еще больше укрепило решимость Руз-

---

¹ По словам Джея П. Моффата, служившего в европейском отделе Госдепартамента, там долго спорили, стоит ли возвращать американского посла Вильсона в Берлин, но после оккупации Праги все эти споры сразу же прекратились.

вельта помогать демократическим странам в их борьбе против Гитлера. 2 сентября в Берлин были посланы последние замечания, касающиеся отношения американцев к довоенной политике нацистов. В Соединенных Штатах считали, что в своих последних предложениях Польше Германия была неискренней; немецкие объяснения причины войны были полностью отвергнуты; Германию считали единственной виновницей конфликта, а немцев называли несправимо воинственной расой. В заключение Томсен привел заявление, сделанное чиновником Госдепартамента одному немецкому журналисту, — на этот раз, в отличие от 1917 года, «вся нация была единодушна — ваше правительство виновато во всем».

В отчетах дипломатов вырисовывается весьма неприглядная картина Германии, сложившаяся в умах американцев. Но какой представляли себе Америку сами немецкие дипломаты? Конечно, безработица, мощное рабочее движение и заявление Рузвельта о том, что «одна треть нашего народа плохо одета, живет в плохих жилищных условиях и плохо питается», могли стать основанием для докладов о том, что Америка слабая, разделенная на враждебные классы и деморализованная страна, но в немецких дипломатических депешах мы находим совершенно противоположную картину. Конечно, в Германию время от времени отправлялись доклады об экономических трудностях, социальной напряженности, антисемитизме и борьбе рабочих за свои права. Но в целом немецкие дипломаты изображали Америку мощной экономической державой со сплоченным обществом¹. Они писали, что Соединенные Штаты имеют такой вес в международном сообществе, что Германии надо приложить все усилия, чтобы не нажать себе в лице этой страны врага.

Интересно отметить, что немецкая пресса, в отличие от дипломатов, изображала Америку в гораздо более мрач-

¹ «Как раз то, чего нацизм пытается добиться в Германии» (доклад вашингтонского посольства министерству иностранных дел от 14 июля 1937 г.).

ных тонах. В течение 30-х годов газеты Третьего рейха постоянно потчевали своих читателей историями о социальной борьбе, безработице, нищете и всепроникающем влиянии евреев в Америке¹.

Общий тон депешам из Вашингтона задал Лютер в 1935 году, когда заявил, что ни в коем случае нельзя допускать, чтобы «вся огромная экономическая мощь этой страны обрушилась на Германию». В июне этого года он писал, что американцы — отличные работники, в распоряжении которых находятся крупные природные и технические ресурсы. Он предупреждал также о том, что Америка «благодаря самой своей мощи всегда будет решающим фактором в международной политике» и что ни ее удаленность от Европы, ни плохое правительство не смогут снизить значение этого фактора. Он убеждал свое начальство не забывать о том, что судьба Германии в мировой войне была решена именно вмешательством Америки, потому ни в коем случае нельзя допускать, чтобы эта страна снова стала противником Германии. Эти две темы — американская мощь и ее влияние на судьбу немцев — стали лейтмотивом всех посланий Лютера, Дикхофа и Томсена.

Много внимания в переписке министерства иностранных дел с посольством в Вашингтоне уделялось американцам немецкого происхождения и возможности манипулирования ими в интересах Третьего рейха. Лютер более оптимистично, чем его предшественник, смотревший на перспективы развития немецкой культуры, призвал в июне 1935 года американских немцев более активно участвовать в образовательной деятельности, чтобы уменьшить очевидное культурное преимущество англичан в Америке. Он, в частности, предлагал проводить наступательную культурную политику в надежде пробудить энергию выходцев из Германии, живущих в США, и внедрить немецкую культуру в американское общество. Идеи Лютера продемонстрировали, что он совершенно не понимает сущности процессов ассимиляции, затронувших к тому

---

¹ Нейрат говорил Додду, что преувеличения, постоянно встречающиеся в немецких газетах, «ужасно его раздражают».

времени иммигрантов из Германии и других стран. В некоторых берлинских кругах существовала тенденция рассматривать американцев немецкого происхождения как группу людей, живущих совершенно изолированно от других национальностей. Дикхоф не разделял это мнение, как явствует из его доклада в январе 1938 года.

Дикхоф начал с изучения возможности усиления политического влияния американцев немецкого происхождения. Он признавал, что дело очень важное, поскольку все больше и больше американцев отказываются от своих изоляционистских взглядов. Однако в отличие от Лютера он быстро понял, что эта затея не сможет увенчаться успехом. Во-первых, он указывал на то, что немецкая прослойка в американском обществе невелика и успела уже почти полностью ассимилироваться. Поэтому ее никак нельзя сравнивать с немецкой общиной в Трансильвании, Судетах и даже в Бразилии. Говорящих на немецком языке и считающих себя немцами в Америке насчитывается всего четыре-пять миллионов человек¹. В ответ на замечание о том, что нацистская партия в Германии тоже была невелика и тем не менее сумела взять в стране власть, Дикхоф ответил, что «в Соединенных Штатах это совершенно невозможно». В Америке, добавил он, немцы не имеют почти никакого политического влияния².

Во-вторых, немцы в Америке до этого никогда не были так разделены — в стране существовала небольшая группа нацистов, небольшая группа антинацистов и огромная масса людей, которым политика была совершенно безразлична. Поэтому, утверждал он, надежды на достижение единства среди американских немцев можно считать совершенно беспочвенными. На предложение создать хотя бы небольшую армию СС из десяти—двадцати тысяч мо-

---

¹ Такие же цифры привел Герингу и посол Буллитт, который добавил, что если потребуется, то в Америке «хватит деревьев, чтобы развесить на них все пять миллионов американцев, говорящих на немецком языке».

² То же самое писал в своих мемуарах и Притвиц. Он считал, что американцы немецкого происхождения внесли большой вклад в формирование в стране «буржуазных представлений о порядке и законности», но никогда не были политическими лидерами.

лодых людей, «готовых на любые жертвы», Дикхоф саркастически ответил: «Не могу выразить, к каким ужасным последствиям это может привести!» Отряды этих новомодных «рыцарей плаща и шпаги» были бы вполне уместны где-нибудь на Балканах, но никак не в Соединенных Штатах. «Я не знаю никого, кто бы искренне поверил в эту чушь, но я повторяю, что подобные идеи не просто глупы, они очень опасны». Стремление повернуть вспять процессы ассимиляции и попытка создать в Америке тоталитарный режим, предупреждал Дикхоф, вызовут не только яростное сопротивление в народе, но и привлекут внимание правительства и будут тут же подавлены. Он настаивал на том, чтобы все контакты с американскими немцами были прекращены. «Мы должны, — писал он, — полностью от них отказаться».

Следует отметить, что наблюдения немецких дипломатов за американцами немецкого происхождения, а также рекомендации, основанные на них, носили сдержанный характер и по большей части отличались осторожностью и реализмом — двумя «недостатками», которых отнюдь не имели идеологически подкованные бюрократы в Берлине. В результате этого дипломатам приходилось постоянно защищать созданный ими образ Америки от нападков нацистских групп в Германии и в США, которые всячески пытались исказить его в угоду идеологическим догмам.

В Берлине, например, произвела фурор брошюра Рехенберга. Эта книжица, изданная в 1937 году бывшим немецким иммигрантом в США, была озаглавлена «Рузвельт — Америка — опасность». Америка изображалась в ней как страна, задыхающаяся в еврейских тисках, а Рузвельт — как борец за коммунизм. Это творение было послано руководителем канцелярии в министерства пропаганды и иностранных дел с пометкой, что Гитлер «с огромным интересом» ознакомился с ним. Чиновник американского отдела министерства иностранных дел Давидсен ответил, что факты, изложенные в книге, не соответствуют реальности и полностью выдуманы, что обвинения, касающиеся коммунизма в Америке, «бездоказательны и не могут быть доказаны», что общая картина полностью искажена и вводит

читателя в заблуждение, а это может «сильно ухудшить немецко-американские отношения». Его коллега Фрайтаг добавлял, что книга носит однобокий характер, особенно в тех местах, где речь идет о еврейской проблеме. Рузвельт, отмечал он, приводя пример искажения фактов, никак не может нести ответственность за речи таких людей, как Мэйджор Ла Гуардиа.

Посольству в Вашингтоне приходилось отвергать также различные проекты манипуляции общественным мнением и американскими немцами, которые поступали из Берлина. В 1938 году Геринг выступил с предложением репатриировать из Америки всех людей немецкого происхождения, а также выходцев из Германии. Дикхоф отверг его как абсолютно нереальное и потенциально опасное. Кроме того, он просил, чтобы из Берлина больше не присылали людей для совершения турне по Америке и выполнения особых заданий по сбору информации и воздействия на общественное мнение. В 1938 году он не принял предложения Риббентропа, изложенного в письме, начинавшемся со слов «Дорогой Ганс». Министр иностранных дел предлагал организовать несколько турне с лекциями, которые должны были бы прочитать такие немецкие знаменитости, как, например, Ялмар Шахт, целью этих лекций была попытка склонить общественное мнение Америки на сторону нацистов. В своем ответном письме, начинавшемся со слов «Дорогой Иоахим», Дикхоф отверг эту идею. «Здесьняя почва, — писал он, — столь бесплодна, что на ней не прорастет ни единого зернышка».

Уж если лекционные турне не вызвали у посла энтузиазма, то предложение послать в 1938 году бывшего генерального консула в Нью-Йорке в США для встречи с немецкими чиновниками и американскими друзьями Германии, а также для изучения возможности сотрудничества с оппонентами Рузвельта привело его в самый настоящий ужас. Дикхоф яростно протестовал, а само это предложение, очевидно, убедило его в том, что все его доклады так и не сумели развеять туман непонимания истинного положения дел в Америке, окутавший Берлин. Он уже спрашивал раньше, стоит ли присылать статьи, вырезанные из

американских газет, в которых отражалось американское общественное мнение («разве их кто-нибудь читает?»), а теперь жаловался: «К моему мнению никто не прислушивается. Прошу верить моим сведениям — я все-таки знаю эту страну и ее народ».

Без сомнения, больше всего мешали работе посольства пронацистски настроенные друзья новой Германии, объединившиеся позже в Союз американских немцев, и их связи с Берлином. Эта небольшая, но весьма шумная организация очень гордилась, что поддерживает контакт с руководством Третьего рейха. Она, очевидно, преуспела в создании в партийных кругах Берлина сильно преувеличенного представления о своем влиянии, что вовсе не соответствовало действительности, о чем и сообщали дипломаты. Посольству приходилось постоянно доказывать американцам, что этот союз не является выразителем мнения официальных учреждений и лиц Германии. Особую тревогу вызывала деятельность Зарубежной организации, лидер которой любил делать шокирующие заявления: «День Германии где-нибудь в Буэнос-Айресе или Чикаго не менее важен для нас, чем борьба наших братьев на границе». Впрочем, эти заявления носили явно пропагандистский характер и не имели никакой связи с действительностью. Гитлер, который заявил послу Додду, что все заявления о том, что американские немцы имеют обязательства перед Германией, представляют собой «ложь, придуманную евреями» и что он лично бросит в Северное море любого чиновника, которого уличат в том, что он посылает нацистские пропагандистские материалы в США, оказался в 1934 году в очень неприятном положении, когда председатель общества «Штейбен», организации американских немцев в Нью-Йорке, признал, что многие выходцы из Германии, живущие в Америке, являются членами подобных союзов. Фюрер обещал проследить, чтобы директивы, запрещавшие участвовать в них, были ужесточены.

Однако это обещание совсем не успокоило американское посольство в Берлине, которое выразило министерству иностранных дел свою озабоченность тем, что и сам союз, и подобные ему организации контролируются Гер-

манией. Подчеркнув, что американцы традиционно очень болезненно реагируют на связи иммигрантских групп со своей бывшей родиной, дипломаты США потребовали, чтобы Германия порвала все свои связи с американскими немцами. Однако ни это требование, ни телеграммы Дикхофа, в которых указывалось на то, какой вред наносят «глупые и шумные действия» союза и подобных ему организаций, не смогли решить эту проблему.

Что касается настоящих, систематических культурных связей между двумя странами, то при посольстве конечно же существовали обычные агентства пропаганды, а также немецкая информационная библиотека и Трансокеанская служба новостей в Нью-Йорке. Кроме того, время от времени делались попытки с помощью различных средств, описанных выше, оказывать определенное культурное влияние. Следует, однако, отметить, что более реалистично настроенным дипломатам порой удавалось убедить нацистское правительство в том, что некоторые пропагандистские проекты осуществлять не следует. Изданные этим правительством директивы, которые ограничивали контакты немецких граждан и чиновников с американской общественностью, демонстрировали отсутствие реальной заинтересованности нацистов в изменении общественного мнения этой страны в пользу немцев или хотя бы оставляли на это какую-нибудь надежду. Немецкому посольству приходилось работать в условиях, когда американская публика склонна была верить, что руководство рейха разработало программу широкой финансовой поддержки пронацистских организаций в Америке, и эта вера с каждым годом все больше усиливалась.

Глава 5

НЕМЕЦКИЕ ДИПЛОМАТЫ И АМЕРИКАНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Внимательно следя за американской внутренней политикой, немецкие дипломаты в Вашингтоне проявляли конечно же огромный интерес и к ее внешней политике.

Анализируя дипломатические события, происходившие до 1939 года, они в основном заостряли внимание на напряженных отношениях между президентом, который все более и более склонялся к политике вмешательства США в мировые дела, и традиционно нейтрально настроенным обществом и конгрессом. Предупреждения, прозвучавшие в «карантинной речи» в 1937 году, к примеру, были уравновешены Законом о нейтралитете, принятом в том же году. Все это сильно затрудняло прогнозирование внешней политики Америки, в особенности потому, что она была тесно связана с внутренней политикой. Это обязывало министерство иностранных дел внимательно следить за высказываниями Рузвельта и его ближайших советников, посвященными тем или иным событиям в мире.

В депешах в Берлин Государственный секретарь Корделл Халл, которого Дикхоф охарактеризовал как «идеалиста, витающего в облаках», обычно описывался как человек, не разделяющий крайних антинемецких настроений и не участвовавший в их проявлении. Несмотря на умеренность взглядов Халла, Дикхоф к 1938 году убедился, что в Госдепартаменте США существует антинемецкое большинство, возглавляемое Фрэнсисом Сайром, Джорджем Мессершмиттом, помощником Госсекретаря Уэлльсом и Дж.П. Моффатом, руководителем европейского отдела Госдепартамента¹.

В Германии к американскому послу Додду, служившему в Берлине с 1933 по 1938 год, отношение в целом было негативным. Министр иностранных дел Нейрат считал его «идеи такими запутанными, что он сам не мог в них разобратся»².

Додд, который, как он сам признавался, не мог без ужаса смотреть на Гитлера, даже не пытался скрыть свое

---

¹ Самым ярким противником нацистского режима был Мессершмитт, который в 1933 году обрушился на немецкое правительство с яростной критикой.

² Сам Додд писал в своем дневнике: «Совершенно ясно, что в здешних официальных кругах растет ко мне неприязнь».

отношение к нацистскому режиму. Выдающийся историк, исповедовавший высокие идеалы Джефферсона, но не имевший опыта дипломатической работы, он начал свою службу в посольстве, преисполненный самых радужных надежд. Однако его здоровье и дух были сильно подорваны суровой тоталитарной действительностью Третьего рейха. По дневнику Додда заметно, как усиливалось в нем чувство депрессии и изоляции («ничего нельзя сделать», «что я могу поделаться?», «напряжение совершенно непереносимо»)¹.

После антинацистской речи, произнесенной Доддом в Вашингтоне в начале 1938 года, Дикхоф телеграфировал в Берлин, что «Додд облил нас с ног до головы помоями», и выразил протест Госдепартаменту по поводу столь наглого нарушения самых элементарных приличий. Положение Додда сделалось совершенно невыносимым, когда американский поверенный в делах, против его воли, присутствовал в составе дипломатического корпуса на партийном съезде в Нюрнберге в 1937 году. Вскоре после этого Додд подал в отставку.

Бывший французский посол в Берлине Андре Франсуа-Понсе отмечал, что немцам следовало бы сделать выводы из своего опыта общения с Доддом. Признавая, что по складу своего характера этот американец никак не подходил на пост посла, французский дипломат добавлял: «Все равно это был прекрасный человек сильного характера... достойный представитель американского идеализма... Если бы нацисты повнимательнее присмотрелись к его реакции, они смогли бы избежать многих неприятных сюрпризов в будущем». Однако нацисты не извлекли из истории с Доддом никаких уроков, и, когда в январе 1938 года американским послом был назначен опытный дипломат старой школы Хью Вильсон, в немецких дипломатических кругах вздохнули с облегчением. Вильсон ненавидел нацистский режим не меньше Додда, но он все девять месяцев пребывания в Берлине очень умело скрывал свои чув-

---

¹ Рузвельт писал: «Письма Додда нагоняли на меня страшную тоску — таких писем я никогда больше не читал».

ства. Поэтому Риббентроп считал его приятным господином, а Вайцзеккер называл «справедливым и независимым»¹.

И наконец, был еще один американский посол, который, не будучи напрямую вовлечен в немецко-американские отношения, сыграл определенную роль в формировании у немецких дипломатов представления об Америке. Это был Джозеф Кеннеди, американский посол в Лондоне. Герберт Дирксен, его немецкий коллега, в письме Вайцзеккеру в июне 1938 года привел несколько высказываний, которые Кеннеди якобы сделал по поводу отношений Германии и США. По словам Дирксена, на посла произвели большое впечатление многие достижения Гитлера; Кеннеди также выразил понимание немецкой позиции в еврейском вопросе. Он писал, что Кеннеди заверил его, что, если начнется война, симпатии всех американцев будут на стороне немцев. Дирксен, очевидно, поверил словам американского посла о том, что у Рузвельта не складываются отношения с Госдепартаментом. Кеннеди якобы заявил ему, что президент очень «рассудительный» человек и никоим образом не разделяет взглядов представителей крайних антинемецких кругов. Несмотря на то что Дикхоф постоянно предупреждал министерство о том, что Кеннеди «слишком оптимистично» смотрит на немецко-американские отношения, Дирксен настаивал, чтобы Кеннеди съездил в Берлин и встретился с Гитлером. Но этого так и не произошло².

Немцы хорошо понимали, что в 30-х годах главной фигурой в американской внешней политике был конечно же сам Рузвельт. В депешах постоянно встречались такие выражения: «политика Рузвельта», «расчеты Рузвельта», «тактика Рузвельта». В течение всего этого десятилетия президент США все больше и больше внимания уделял

---

¹ По словам одного американского дипломата, Рузвельт к тому времени уже понял, что изменить режим Германии изнутри не удастся, поэтому решил назначить в Берлин посла, прошедшего хорошую дипломатическую школу.

² Кеннеди, по утверждению Дирксена, говорил ему, что из всех дипломатов президент Рузвельт прислушивается к мнению только Вильсона и его самого.

внешней политике, стремясь играть первую скрипку в мировых делах.

Более того, уже с 1934 года немецкие дипломаты в своих депешах начинают подчеркивать, что вся политика Рузвельта носит антинемецкий характер, поскольку он крайне враждебно относится к нацистскому режиму. Лютер в 1937 году телеграфировал, что действия Рузвельта не оставляют никаких сомнений, на чьей стороне он будет в случае начала войны. После разговора с Гилбертом, сотрудником американского посольства, консул Фрайтаг огорченно заметил, что «ни президент, ни миссис Рузвельт не любят Германию». В то же самое время «Нью-Йорк таймс» писала, что в дипломатических кругах Берлина к концу 1937 года Рузвельт считался «главным вдохновителем антинацистского движения», чем-то вроде «вильсоновского ускорителя на спусковом крючке»¹.

Когда Дикхофа попросили прокомментировать заявление Кеннеди о том, что Рузвельт на самом деле не испытывает никакой враждебности к немцам, а просто неправильно информирован, Дикхоф сразу же заявил, что все это не соответствует действительности. Кеннеди был политиком, и его заявления о том, что он лучше знает Рузвельта, были самым обыкновенным политическим ходом. Дикхоф настаивал, что в основе антинемецкой политики Рузвельта лежит его собственная неприязнь к нацистам, а вовсе не дезинформация.

Тем не менее Рузвельта можно назвать умеренным политиком по сравнению с некоторыми другими общественными деятелями Америки, такими как секретарь казначейства Генри Моргентау и секретарь министерства внутренних дел Гарольд Икес. Антинемецкий настрой Икеса отмечал еще в 1934 году Лютер («глубокая неприязнь, самая настоящая ненависть к нам»). В тот год страстные речи Икеса стали причиной нескончаемых нот протеста, кото-

---

¹ На самом деле опасения Рузвельта по поводу политики Германии и Японии были высказаны еще в 1933 году.

рыми немецкий посол засыпал Госдепартамент. Сообщалось, что Гитлера «ужасно раздражали» речи Икеса, а в начале 1939 года он даже упомянул его имя в своем выступлении.

Хотя Томсен и сообщал в сентябре 1938 года, что Рузвельт не делает поспешных шагов и старается выиграть время, курс президента США вызывал такое сильное беспокойство на Вильгельмштрассе, что в ноябре Верман из политического отдела посчитал необходимым составить меморандум на тему «Политические последствия возможного разрыва немецко-американских дипломатических отношений». Это стало бы, писал он, логическим следствием политики Рузвельта. Президент готовит США к войне, и его политика получила всеобщее одобрение народа. Вся страна почти единодушно поддерживает Рузвельта, утверждал Верман, хотя в 1938 году это было еще преувеличением. В 1939 году антинемецкие настроения президента еще больше усилились («патологическая ненависть»). В марте Томсен предупредил, что целью Рузвельта является уничтожение нацистской Германии и нового порядка в Европе.

Доктрина президента «о мерах по предотвращению войны», по мнению Томсена, была простым камуфляжем, призванным замаскировать развязывание экономической войны, перевооружение армии и проникновение в Латинскую Америку. Рузвельт, конечно, был реалистом и хорошо понимал, какие серьезные проблемы возникнут в случае начала войны. Но он пришел к убеждению, что победа Германии приведет к «позору и унижению Америки», поэтому стремился не к сохранению мира, а к схватке между тоталитаризмом и демократией. В этой схватке европейские демократические страны, по его мнению, должны были стать первой линией американской обороны. Основой новой мировой роли США стало увеличение добычи полезных ископаемых и расширение производства, проведение военных маневров, возобновление усилий, направленных на отмену законов о нейтралитете, и разработка плана экономической, а не военной поддержки союзников. Все эти меры активно пропагандировались в США. Генеральный консул в Сан-Франциско Видеман подтвер-

дил этот аспект внешней политики Рузвельта, сообщив в Берлин высказывание влиятельного журналиста Карла фон Виганда: «Рузвельт — самый опасный враг Гитлера. Он борется за победу демократии с таким же фанатичным идеализмом, с каким фюрер борется за победу национал-социализма. Британия и Франция больше уже не тащат за собой Америку. Теперь Америка толкает их в бой».

Новое представление Рузвельта о роли Америки в мире отразилось в обращениях президента США к диктаторам Европы, которые он сделал до войны. Томсен телеграфировал, что апрельское послание 1939 года, в котором Рузвельт предлагал Германии дать обещание не нападать на определенные страны, получило огромную популярность среди всех слоев американского общества. Это был, по мнению Томсена, еще один шаг на пути к «ослаблению и изоляции тоталитарных государств», цели, которую поставил перед собой Рузвельт. Обращение должно было также заставить Гитлера и Муссолини раскрыть свои карты, после чего он сделался бы в глазах своего народа и народов всех стран борцом за мир. Дикхоф в Берлине высказал свою точку зрения по этому вопросу. Он предупредил Вайцеккера, что Рузвельт может последовать примеру Вильсона, то есть сначала отказаться от своих прав, а потом ввести в ту или иную страну экспедиционный корпус.

Резкий, полный презрения ответ Гитлера на обращение американского президента вызвал, как сообщали американские газеты, «пессимистическую реакцию и только усилил ненависть к немцам». В народе росло убеждение, что войны избежать не удастся. Последние обращения Рузвельта в августе 1939 года, направленные на спасение мира, в самих США были признаны поверхностными, а Томсен назвал их отчаянными попытками изолировать Германию. В немецких газетах употреблялись еще более крепкие выражения¹.

¹ Муссолини, любивший насмехаться над физическим недостатком Рузвельта, заявил, что эти обращения являются «результатом его полиомиелита».

Так сложилось впечатление об американском президенте как о решительном и упорном политике с глубокими демократическими и антинацистскими убеждениями, ставшем лидером антитоталитарного фронта. Искусный политик, он был ограничен в своих действиях политической реальностью, но инициатива в американской внешней политике, без сомнения, принадлежала ему. Внешняя политика, как выразился Томсен, была «тесно связана с личностью Рузвельта».

Разумеется, немецкие дипломаты изучали не только действия Рузвельта и его коллег, но и тенденции внешней политики США в целом. Очень важной была проблема нейтралитета. Следует отметить, что в депешах немецких послов никогда не содержалось излишне оптимистичной информации об американском нейтралитете или иллюзий о том, что к его сохранению стремится весь народ, или о том, что Америка будет придерживаться политики изоляционизма при любых обстоятельствах. Скорее всего, дипломаты даже недооценивали стремление американцев сохранять нейтралитет. В любом случае депеши посольства никак не подтверждали сложившееся в Германии убеждение о том, что американский изоляционизм является непреодолимым барьером для вступления Америки в европейскую войну. Эту идею навязывала народу Германии нацистская пресса.

Согласно анализу посольства в Вашингтоне, изоляционистские настроения были окрашены воспоминаниями о прошедшей войне. Этим чувствам не давало угаснуть расследование сенатора Найя о роли промышленности того времени и некоторые ревизионистские книги, рассказывавшие о подлинных причинах вступления Америки в войну в 1917 году. Но хотя все это и усиливало стремление американцев сохранять нейтралитет, Лютер утверждал, что оно также усиливало убеждение людей в неизбежности новой войны в Европе, а также понимание того, что Америке в конце концов придется в нее вмешаться. Более того, хотя участие США в новой войне расценивалось как совершен-

но невозможное, Лютер предупреждал, что это мнение при определенных обстоятельствах «может измениться за одну ночь», особенно если в дело вмешается Япония.

Дикхоф в декабре 1937 года предложил провести большую дискуссию об изоляционистских настроениях в Америке. Он начал с заявления о том, что в настоящее время взгляды сторонников нейтралитета разделяет большинство населения Соединенных Штатов и что это играет на руку Германии. Однако он предупредил, что не стоит путать изоляционизм с дружескими чувствами по отношению к Германии. Он отмечал, что многие изоляционисты относятся к этой стране очень плохо. «Мы не должны, — говорил он, — обманываться на этот счет». И если изоляционистов что-то разозлит, они могут обратить свой гнев против Германии. Он очень четко выразил свою основную мысль: «Мы не должны рассчитывать на то, что Америка будет вечно сохранять нейтралитет».

Европейский кризис 1938 года нанес серьезный удар по изоляционистским настроениям американцев — они начали понимать, что сохранение нейтралитета играет на руку агрессору. После аншлюса Австрии Дикхоф предупреждал: «Будет найден предлог для вмешательства Америки». Томсен посчитал необходимым сообщить, что ряды изоляционистов по всей Америке быстро рedeют, за исключением Среднего Запада, где вмешательство в чужие дела до сих пор считается недопустимым¹.

Более того, продолжал он, пропаганда духовной мобилизации, умело направляемая правительством, оказывает свое влияние на умы людей. Опасаясь нарушения равновесия сил в мире и возможного сокращения мировой торговли, Томсен заявлял, что американцы никогда добровольно не уступят власть тоталитарным державам. Что касается возможного активного вмешательства Америки в войну, поверенный в делах высказал предположение, что это будет зависеть от того, станут ли тоталитарные державы терпеть поражение или побеждать. Американцы были

---

¹ Немецкая пресса часто заявляла: «Настоящие американцы живут только на Среднем Западе».

против вступления в войну из-за страха перед СССР, высоких налогов и, наконец, из опасения, что влияние армии возрастет. Однако в августе 1938 года Дикхоф предупредил, что если Германия введет свои войска в Чехословакию, Соединенные Штаты выступят на стороне союзников. «Я считаю своим долгом особо подчеркнуть это», — писал он.

Сдержанное одобрение американского изоляционизма отразилось в анализе американских законов о нейтралитете, принятых с 1935 по 1937 год. Их часто рассматривали в Европе и самих США как прочные барьеры против любого вмешательства Америки в международные дела. Однако в отчетах немецких послов их никогда таковыми не считали. С самого начала сотрудники немецкого посольства придерживались мнения, что эти законы были с большой неохотой подписаны президентом под давлением общественного мнения. Но, как мы уже видели, американское общественное мнение было изменчиво, а президент был очень искусным политиком. Во время обсуждения этих законов Лютер отмечал, что публика аплодирует им, а администрация принимает с неохотой и что Рузвельт настаивает на расширении прав президента и настроен продолжать борьбу за то, чтобы ему была предоставлена большая свобода действий. Томсен был уверен, что, «если разразится война, Рузвельт поступит так, как считает нужным»¹.

Из всех обстоятельств, которые могли повлиять на американскую политику, самым главным была судьба Великобритании в случае начала войны. Не было, пожалуй, ни одной депеши, в которой не затрагивалась бы тема англо-американских отношений. Лютер уже в 1937 году не сомневался, что «Соединенные Штаты всегда будут на стороне Англии». По его мнению, англо-американская солидарность была особенно крепка на Дальнем Востоке, а немецкое посольство в Лондоне постоянно сообщало об усилении англо-американских связей в этом регионе. На Вильгельмштрассе государственный секретарь Вайцеккер

---

¹ Рузвельт писал: «Я не хочу принимать законы, которые заранее предписывают, что мы не должны делать в случае войны, и не позволяют нам пустить в ход все наше влияние, чтобы избежать ее».

записал свое предсказание, сделанное в октябре 1937 года, о том, что политика США будет пассивной до тех пор, пока дело не коснется Великобритании. В тот же момент, писал он, «вся мощь США будет брошена на британскую чашу весов».

Во время судетского кризиса англо-американские отношения стали еще более тесными. Посол Вильсон в мае 1938 года сообщил Риббентропу о том, что Англия поддерживает Чехословакию, а «за спиной Англии стоит вся мощь Америки». Томсен в августе сообщил, какой будет реакция на победу Германии над Британией, и предсказал немедленное вступление Америки в войну, если немцы вторгнутся в Англию. В феврале, говоря о решимости Рузвельта во что бы то ни стало предотвратить новый Мюнхен, Томсен заявил, что «меры по предотвращению войны», на которые ссылался Рузвельт, могут смениться чем-нибудь более существенным, как только Германия объявит о начале военных действий против Британии и Франции.

Два месяца спустя Томсен представил доклад на тему «Внешняя политика Соединенных Штатов в случае англо-немецкой войны». В нем он утверждал, что вступление Америки в войну отныне надо считать неизбежным. Общественное мнение в случае войны потребует, чтобы странам демократии была оказана вся возможная помощь, невзирая на последствия. А это будет означать, что в распоряжение союзников будет предоставлена вся экономическая и финансовая мощь Америки при, вероятно, весьма незначительной военной.

Анализируя американские намерения, Томсен предсказывал, что Рузвельт придет на помощь союзникам с «полным моральным правом, создав условия для вступления в войну на их стороне и точно рассчитав время этого вступления». Раннее вмешательство Америки в войну, предупреждал Томсен, будет иметь определенные последствия: во-первых, оно нанесет ощутимый удар по боевому духу солдат оси, а во-вторых, подаст пример другим нейтральным странам, которые, возможно, тоже решат вступить в коалицию, направленную против оси. Нет никаких причин надеяться, что в случае англо-немецкого конф-

ликта Америка воздержится от вступления в войну. Она сделает это с целью уничтожения Германии. И снова тревога Томсена была преувеличена, но, возможно, он сделал это преднамеренно¹.

Но если нападение на Великобританию, по мнению немецких дипломатов, могло стать поводом к американскому вмешательству в войну, то Японию они считали препятствием на пути этого вмешательства. Как мы уже отмечали, Лютер в 1935 году считал политику США на Дальнем Востоке более агрессивной, чем в других регионах. Это объяснялось тем, что Соединенные Штаты имели в Тихоокеанском регионе свои интересы — оттуда к ним поступало сырье, в Китай были вложены американские капиталы, а Филиппины находились под защитой США. В 1939 году Томсен сообщил, что, согласно информации, полученной от одного японского дипломата, в случае начала англо-японской войны Англии будет отказано в американской помощи. Позже Томсен утверждал, что если разразится война в Европе, то Япония будет представлять угрозу американскому западному флангу. Япония, таким образом, была непредсказуемым фактором, а поскольку США не могут на нее напасть, то американская политика, считал Томсен, должна заключаться в том, чтобы всеми силами предотвратить нападение этой страны на США.

В своем майском докладе, предсказав вмешательство Америки в войну, Томсен называл Японию единственной надеждой Германии, поскольку только эта страна может помешать этому. Если Япония воспользуется войной в Европе, чтобы расширить свои владения, то участие Америки в европейском конфликте станет весьма проблематичным. В июне Томсен представил в министерство иностранных дел подробный отчет об американской политике на Дальнем Востоке и о том, какие последствия она может иметь для Германии. Американская политика в этом регионе была направлена на установление нормальных отношений с Японией. Причиной этого, по мнению Томсена, было

---

¹ Немецкий посол в Лондоне сообщил Галифаксу, что, по его мнению, США вмешаются в англо-немецкую войну не в течение месяца после ее начала, а через два дня.

стремление обезопасить крупные капиталовложения США в этом регионе. Он высказал предположение, что, если Япония нападет на американские владения на Тихом океане, то США, вероятно, не станут воевать, надеясь сохранить статус-кво. Поскольку для американцев нет ничего хуже немецко-японского военного союза, то Америка постарается избежать столкновения с Японией. Таким образом, главной целью пакта, заключенного в сентябре 1940 года между Германией, Италией и Японией, было устранение Америки, а Гитлер часто выражал уверенность, что американцы испугаются войны на двух океанах сразу. Выводы Томсена, не совсем верные, но сделанные под влиянием возвращения американского флота на Тихий океан в апреле 1939 года, вероятно, оказали определенное влияние на Гитлера.

Третьим регионом американских дипломатических интересов, о котором много говорилось, была Латинская Америка. Администрация Рузвельта была сильно обеспокоена проникновением Германии в страны этого региона, и в докладах немецких дипломатов не содержалось ничего утешительного. В целом их депеши подчеркивали сильные антинемецкие настроения в этих странах, которые постоянно подпитывались американской пропагандой, коммерческим давлением и контролем за службами новостей. Американская политика здесь была направлена на то, чтобы в случае войны ни о каком нейтралитете со стороны южноамериканских стран не могло быть и речи. Претворяя в жизнь политику добрососедских отношений, провозглашенную Рузвельтом, американцы стремились создать в Западном полушарии антинемецкий блок. «Соединенные Штаты уже сражаются с нами в Латинской Америке», — писал Томсен. Панамериканские переговоры в Буэнос-Айресе в декабре 1936 года и в Лиме в 1938 году предоставили Рузвельту прекрасную возможность захватить лидерство в этом полушарии. Более того, США передали Бразилии в аренду шесть своих эсминцев — этот факт немецкий военно-морской атташе рассматривал как символ того «ужасающего давления», которое Соединенные Штаты оказывают на страны Южной Америки. В ре-

зультате Верман в Берлине выразил уверенность, что к концу 1938 года пан-Америка превратится в «постоянно усиливающийся идеологический блок», и эту же мысль в беседе с послом Аргентины повторил и сам Гитлер.

Нам осталось теперь рассмотреть военную политику Америки. Неужели она действительно была настолько агрессивна, что позволила бы Соединенным Штатам вступить в войну? А если быть более конкретным, то верили ли немецкие дипломаты в то, что Америка захочет, а главное, сможет воевать с Германией? Ответ на этот вопрос мы находим в докладах немецкого военного атташе генерала Фридриха фон Беттихера, которые с 1939 года стали весьма содержательными, а после начала войны в Европе приобрели огромное значение. Генерал очень сильно сомневался в возможности военного вмешательства Америки в европейскую войну. Он основывал свои выводы на личных контактах с американскими военными, которых еще в 1937 году называл осторожными и влиятельными людьми, сочувствующими Германии.

12 января 1939 года военный атташе и его военно-морской коллега адмирал Роберт Витгефт-Эмден составили доклад о планах Рузвельта по перевооружению американской армии, который назвали «оборонительным по своей сути». Американские военно-воздушные силы были сосредоточены на огромной территории — в самих США, на Аляске, Гавайях, в Пуэрто-Рико и в районе Панамского канала. В целом, как сообщали атташе, запросы в настоящее время «снизились в результате весьма необычной и провокационной кампании по перевооружению, которая проводилась в течение последних недель» и победы сторонников стратегической умеренности¹.

Получив запрос из Берлина, сможет ли американский экспедиционный корпус высадиться в Европе в случае войны, Томсен телеграфировал, что для подготовки тако-

---

¹ Тем не менее Дикхоф выражал беспокойство по поводу перевооружения американского флота.

го корпуса потребуется не менее семи месяцев, что в руководстве вооруженными силами по этому вопросу нет согласия и что военно-морской флот США не сможет вести боевые действия в Атлантике, поскольку неизвестно, как поведет себя Япония. Однако он подчеркнул, что эти выводы верны только для сегодняшнего дня. О том, какова будет ситуация через полгода, писал он, «неизвестно никому».

За неделю до начала войны Беттихер утверждал, что недостаток обученного персонала и другие факторы не позволят Америке в течение целого года проводить какие-нибудь военные операции за пределами своей территории. После этого он пустился в рассуждения о различиях между политиками и представителями прессы, которые находятся под влиянием евреев, и военными, которые «лицетворяют собой все то хорошее, что есть в Америке». (Подобные рассуждения очень скоро сделались любимым коньком Беттихера.) Поэтому мирные предложения Рузвельта, заявлял он, вводя в свой доклад политический комментарий, который с тех пор всегда присутствует в его депешах, можно считать маскировкой личной слабости президента и стремлением выиграть время. Аналогичным образом можно игнорировать и американские военные маневры, поскольку это всего лишь неуклюжая попытка оказать влияние на японцев и жителей Латинской Америки. Интересно отметить, что в тот же самый день (25 августа 1939 года) военно-морской атташе передал в Берлин гораздо более реалистичный доклад о степени готовности военно-морского флота США к войне. Он сообщил своему руководству, что флот скоро будет полностью готов к боевым действиям, а все недостающее можно будет быстро восполнить.

Томсен в своей последней предвоенной депеше, датированной 28 августа, соглашался с мнением Беттихера о том, что Америка в течение года не сможет послать в Европу свои войска. Однако он предупреждал, что если Англия окажется на грани поражения, то Америка обязательно придет к ней на помощь. Он писал, что Рузвельт надеется, что приближающаяся война примет затяжной

характер, а это даст ему время подготовиться, и что в любом случае Соединенные Штаты будут оказывать союзникам большую экономическую помощь, посылая в Европу «в неограниченных количествах» сырье и технику.

Таким образом, накануне войны немецкие политики имели подробную картину Америки, которую дипломаты создавали своими докладами в течение шести лет. Мы не знаем, какая часть сведений, содержащихся в них, дошла до Гитлера и его коллег. В любом случае трудно поверить, чтобы враждебное отношение американцев к Германии оказало какое-нибудь влияние на фюрера. Мало обращали внимания лидеры Третьего рейха и на сообщения об экономической мощи Америки, о популярности Рузвельта и его отношении к Германии. Гитлер, очевидно, предпочитал не думать об эфемерности американского нейтралитета и в предвоенные годы не собирался изменять своего мнения по этому вопросу. Он допускал, как мы уже убедились, возможность американской военной помощи странам демократии, но не верил в прямое военное вмешательство Америки — оно казалось ему совершенно невыносимым. Риббентроп, вероятно, передавал фюреру только те сведения из депеш, которые касались Японии, ставшей, как мы еще увидим, исключительно важным фактором немецкой политики на Дальнем Востоке. В целом Гитлер принял решение начать войну в Европе без оглядки на Америку. Но по мере того как территория, на которой полыхала война, расширялась (с 1939 по 1941 год), он уже не мог с такой легкостью отмахиваться от мнения дипломатов, продолжавших сообщать в Берлин сведения об Америке.

Немецкие дипломаты в Вашингтоне выполняли свою работу добросовестно и ответственно. И не их вина, что те сведения, которые они сообщали, в предвоенные годы почти не учитывались лидерами Третьего рейха в процессе принятия решений. Эту ситуацию хорошо понимал государственный секретарь Вайцзеккер, написавший Дикхофу, который выразил опасения, что его постоянные предуп-

реждения только раздражают руководство, следующее: «Ваши предупреждения о том, как опасно предаваться иллюзиям в вопросе о действиях Америки в случае мирового конфликта, очень нужны. Не будет никакого вреда, если вы и впредь будете подчеркивать эту мысль».

Глава 6

НЕМЕЦКИЕ ДИПЛОМАТЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АМЕРИКИ В ПЕРИОД МЕЖДУ НАПАДЕНИЕМ НА ПОЛЬШУ И ПЁРЛ-ХАРБОР

Когда германские войска захватили многие страны Европы и положение Британии стало отчаянным, администрация Рузвельта, несмотря на протесты изоляционистов, предприняла несколько решительных антинемецких шагов. Отмена эмбарго на вывоз оружия и создание морских боевых зон осенью 1939 года показали всему миру, что США выступают на стороне военно-морских держав, то есть союзников. Оккупация Германией стран Центральной Европы, Франции и Скандинавии, а также вступление весной 1940 года в войну Италии создали для Британии невыносимое напряжение, которое Рузвельт решил ослабить. Словесные обещания были подкреплены увеличивающейся с каждым днем экономической и военной помощью. Крупным событием стал англо-американский обмен эсминцами на базах Карибского моря в сентябре 1940 года. Принятый в марте 1941 года закон о ленд-лизе, захват кораблей и грузов стран оси, провозглашение «неограниченного чрезвычайного положения в стране» в мае и усиление битвы за Атлантику в месяцы, предшествовавшие Пёрл-Харбору, не могли не сказаться на дальнейшем развитии немецко-американских отношений.

Немецкое посольство, которое по-прежнему возглавлял поверенный в делах Ганс Томсен, вынуждено было сообщать в Берлин о столь драматичном развитии событий и работать в атмосфере крайней враждебности и оче-

видного остракизма. Нацистская пропаганда и деятельность нацистской партии в Америке стали совершенно невозможны, а немецкое министерство пропаганды как раз в это время предложило проводить еженедельно радиопередачу под названием «Час Геббельса»¹. Более привычной и весьма обременительной помехой для деятельности дипломатов в эти годы были военный шпионаж и саботаж, организованные ОКВ. Впрочем, эти меры оказались неумелыми и малоэффективными (Томсен назвал их «топорной работой»).

Томсен охарактеризовал отношение американцев к войне прямо и без оговорок. «Они хотят, чтобы Британия победила, а мы проиграли», — писал он. Если союзники будут разбиты, весь американский народ потребует, чтобы США вступили в войну. В то же самое время, сообщал Томсен, люди начинают верить, что победа Германии поставит под угрозу и саму Америку. Антинемецкая пропаганда изображала Германию как идеологического, политического и экономического врага, стремившегося к мировому господству. Если Англия будет завоевана, постоянно внушали американцам газеты, Соединенные Штаты будут вынуждены создать свою собственную оборонительную линию в Атлантике, а Британия будет продолжать сражаться с Германией из Канады. В начале 1940 года Томсен признавал, что он не в силах изменить отношение американцев к немцам, поскольку не оказывает на американское общественное мнение почти никакого влияния.

Марш немецких войск по Европе ликвидировал все надежды на благоприятную реакцию американского общества. Вторжение в Скандинавию сразу же вызвало волну сочувствия к датчанам и норвежцам, которая ослабила изоляционистский настрой среди американцев скандинавского происхождения на Среднем Западе. Агитаторам, призывавшим к вступлению Америки в войну, стало гораздо легче работать. И хотя большая часть населения все еще придерживалась изоляционистских взглядов, которые про-

---

¹ Вайцеккер так отозвался о «Часе Геббельса»: услышав голос Геббельса, американцы «тут же выключают радио».

поведовали республиканцы, а деятельность администрации сдерживала проблема Тихого океана и медленные темпы перевооружения, Томсен высказал мысль, что ненависть к Германии так сильна, что американцы больше не жалеют, что в 1917 году их страна вступила в мировую войну. Вторжение в страны Центральной Европы, сообщал он, «так сильно сузило моральное и политическое поле нашего воздействия на американцев, что только канатоходец сумел бы в таких условиях удерживать равновесие». В июне, когда капитулировала Франция, Томсен писал о том, что ряды изоляционистов быстро тают и что антинемецкие настроения заражают все более широкие слои населения. Когда же в войну вступила Италия, гнев американцев достиг небывалой силы. Тем не менее он все еще не был уверен в том, что даже такая сильная волна возмущения заставит американцев признать вступление Америки в войну необходимым. Что же касается отношения американцев к любой форме помощи Англии — экономической, политической и финансовой, — то оно было предельно ясным.

Три аспекта немецкой политики убедили американское общественное мнение в том, что немецкая угроза действительно существует: подписание договора Берлин—Рим—Токио; немецкое проникновение в Латинскую Америку и нападение немецких подводных лодок на американские суда. Томсен сообщал, что пакт влил свежую кровь в идею мирового заговора, которую столь усердно вбивала в голову людей администрация США Рузвельта. Президент получил теперь возможность настаивать на создании блока, который стал бы противовесом этому заговору. Более того, прекрасно понимая, что перспектива войны на два фронта страшит общественное мнение, администрация сосредоточила свои усилия на подрыве единства стран оси.

Второй областью, где немецкая политика затрагивала интересы США, была Латинская Америка. Немецкое проникновение и влияние в этом регионе вызывали серьезную тревогу у администрации США, особенно в районе Панамского канала. Генеральный консул в Сан-Францис-

ко полагал, что для успокоения американского общественного мнения Гитлер и Муссолини должны выступить с совместной декларацией о признании прав США в Западном полушарии, чтобы «лишить их паруса попутного ветра». Летом и осенью 1941 года этот вопрос был поднят снова, причем во всех беспорядках и бунтах в Латинской Америке обвиняли теперь Германию. Этот вопрос достиг своей кульминации в октябре, когда в одной нью-йоркской газете была опубликована карта с изображением территорий, которые Германия намеревается захватить в Латинской Америке. Эту карту Рузвельт использовал для подтверждения своих заявлений о том, что немецкая деятельность в Западном полушарии носит захватнический характер. Томсен назвал эту карту «подделкой»¹.

И наконец, нападения на американские суда в Атлантике, по сообщениям Томсена, только усилили уверенность в существовании немецкой угрозы. Администрация Рузвельта использовала случаи с эсминцами «Грир» и «Кирни» и потопление корабля «Рюбен Джеймс» осенью 1941 года для того, чтобы еще сильнее настроить общественное мнение против немцев. Поверенный в делах писал, что американцы «очень озлоблены на нас».

Как и перед войной, дипломаты считали главной особенностью американской политики ярко выраженное главенство Рузвельта. Его антинемецкий настрой они характеризовали теперь как «страшную ярость». Дикхоф в Берлине составил анализ мотивов президента, подчеркнув его англофилию, непомерное честолюбие как компенсацию физического недуга, потребность в голосах евреев и скрытое восхищение Гитлером. Все это привело к тому, что Рузвельт стал искренне считать себя спасителем мира от «немецкой угрозы»².

---

¹ Риббентроп назвал ее «абсурдной, очень грубо сработанной фальшивкой».

² Ряд публицистов в Берлине называли жену президента Рузвельта «одной из самых ярких поджигательниц войны, воплощением испорченной американской женщины».

Победа Рузвельта на выборах 1940 года, в которой, впрочем, Томсен не сомневался, назначение на должность руководителей военного и военно-морского департаментов Генри Стимсона и Фрэнка Нокса, сторонников вступления Америки в войну (оба они тут же были причислены немецкой пропагандой к компании поджигателей войны, куда уже входили Моргентау и Икес), и особенно объявление состояния неограниченного чрезвычайного положения в мае 1941 года произвели на Томсена огромное впечатление. Он понял, что президент настроен очень решительно.

Узнав о провозглашении чрезвычайного положения, Риббентроп затребовал подробную информацию о том, какие последствия оно будет иметь для Америки. Министр иностранных дел Германии также телеграфировал в Рим и Токио, чтобы привлечь внимание союзников к тому, что возникла реальная опасность вступления США в войну, и предложить им составить совместный ответ Рузвельту на введение в его стране чрезвычайного положения.

Открытые письма, которые Рузвельт отправил Гитлеру и Муссолини, а также прибытие специальных посланников президента рассматривались в Германии и Италии не как беспристрастные попытки посредничества, а скорее как партизанские вылазки, направленные на раскол оси. Самым ярким примером этого был визит помощника Государственного секретаря США Самнера Уэллса в Берлин в феврале 1940 года. Томсен считал эту и другие инициативы Рузвельта следствием его непонимания причин войны, опасений, что, пока США будут к ней готовиться, она перекинется на другие регионы. Сдержанные по тону монологи Уэллса в Берлине не дали руководству Германии реального представления о политике Рузвельта в отношении их страны. Уэлльс сообщил лишь об общей заинтересованности президента в мирном урегулировании в Европе. Он не сказал Вайцзеккеру, что Соединенные Штаты не могут остаться безучастными к стремлению нацистов уничтожить цивилизацию в ходе мировой войны, да его слова никого и не интересовали¹.

---

¹ Существует много доказательств того, что миссию Уэллса никто на Вильгельмштрассе не рассматривал всерьез.

Берлину был гораздо интереснее вопрос о помощи, которую Америка оказывала союзникам. В Германии с возмущением отмечали постепенную отмену законов о нейтралитете, которую еще до войны предсказывали немецкие дипломаты. Они прекрасно понимали, что отмена эмбарго на оружие и намерение Рузвельта обойти то, что осталось от этих законов, совершенно неизбежны. Нейтралитет сменился состоянием невоины, которое очень легко могло стать состоянием войны, если Рузвельту удастся отменить эти законы. Тогда Соединенные Штаты, предупреждал Томсен, смогут передавать свои грузы непосредственно союзникам, в военных зонах разрешено будет судоходство, причем на военных кораблях, а торговые суда Америки будут вооружены. Таким образом, все ресурсы и транспортные средства будут использованы для снабжения союзников. Кроме того, в открытом море возрастет вероятность военных столкновений. Когда в ноябре 1941 года законы о нейтралитете были полностью отменены («мы не позволим Гитлеру указывать нам, в каких водах Мирового океана должны плавать наши суда»), Томсен написал, что Рузвельт обладает «драконовской властью», чтобы вести необъявленную войну.

К лету 1940 года Томсен пришел к убеждению, что отказ от нейтралитета, а также от других законов и заявлений создал де-факто союз между Америкой и Англией. И все американские действия следует оценивать в контексте этого союза. Самым ярким примером англо-американской солидарности стало подписание соглашения об обмене нескольких старых американских эсминцев на определенные права на Британских базах в Западном полушарии. 9 сентября, когда эти предложения были приняты, Томсен смог только заявить, что вся эта операция свидетельствует о твердой решимости Рузвельта, о его стремлении действовать окольными путями и полном безразличии к советам конгрессменов и военных. В октябре Томсен заявил, что он не сомневается, что условия сделки будут выполнены полностью, поскольку президент употребит для этого всю свою власть Верховного главнокомандующего американскими вооруженными силами.

В 1941 году еще одним звеном в цепи, связавшей Америку с Британией, стал закон о ленд-лизе. Томсен, помимо этого, увидел в нем попытку отвлечь внимание американцев от провала Нового курса, а также символ решимости Рузвельта двигаться прямым путем к мировому господству. Дикхоф назвал этот закон полной победой президента, плоды которой будут им использованы до конца¹.

Депеши, а также комментарии Вильгельмштрассе в течение всего 1941 года свидетельствовали о том, что отношения между Англией и Америкой становятся все крепче. Визиты Гарри Хопкинса в январе и июле, использование американских верфей для ремонта британских кораблей, вооружение торговых судов и весь комплекс вопросов, связанных с американскими конвоями, воспринимался немецкими дипломатами очень серьезно. Невзирая на неспособность американского военно-морского флота присутствовать во всех районах Атлантики и колебания администрации по вопросу о конвоях, Томсен понимал, что все эти шаги вместе с принятием американским флотом обязательства защищать Исландию демонстрировали готовность Америки «передать все имеющиеся суда в распоряжение Британии».

Томсен понимал, что англо-американский союз был закреплен встречей в сентябре Рузвельта и Черчилля и подписанием Атлантической хартии. Он считал, что Черчилль пытался убедить Рузвельта немедленно вступить в войну, а если он этого не сделает, то все последствия поражения Англии падут на него².

Поверенный в делах описывал хартию как договор, воспринятый американским народом с сочувствием, и назвал его «международным новым курсом». Однако эта хартия была гораздо более серьезным шагом, и Томсен предупреждал, что американское военное участие становится все более и более заметным. Японский посол сообщил Вайцзеккеру, что задачей хартии было втянуть Со-

---

¹ В качестве примера Томсен сообщил в Берлин, что британские суда ремонтируются на американских верфях в первую очередь.

² Томсен был уверен, что Рузвельт хорошо понимал, что Черчилль в данном случае блефует.

единенные Штаты в войну без ее объявления. И наконец, по англо-американскому договору, согласно докладом в октябре и ноябре 1941 года, Америка начала снабжать английские войска в Африке и на Ближнем Востоке. Кроме этого, был разработан «генеральный план», по которому в обмен на помощь, поступающую по ленд-лизу, американцы получают право участвовать в планировании и проведении военных операций англичан.

Но интересы Соединенных Штатов ограничивались в Европе не одной только Англией. Согласно отчетам немецких дипломатов, прекращение боевых действий во Франции ни в коей мере не уменьшило заинтересованности Америки в том, чтобы эта страна продолжала вести борьбу против стран оси. Томсен из Вашингтона сообщал, что администрация намерена всячески мешать Германии и поддерживать Англию в ее французской политике. Англичан беспокоило, как бы французский флот и колонии не попали в руки немцев, и путем дипломатического давления они пытались предотвратить это. В конце 1940 года Дикхоф писал, что назначение адмирала Лихи американским послом в Виши является подтверждением того, что Рузвельт намерен создавать серьезные помехи франко-немецкому сотрудничеству. В 1941 году Абец, немецкий представитель во Франции, полагал, что роль Америки во франко-немецких отношениях столь сильна, что Франции в конце концов придется выбирать, на чью сторону встать — Америки или Европы.

Американская политика в Испании, как сообщали немецкие дипломаты, заключалась в том, чтобы путем дипломатического давления заставить ее сохранить нейтралитет. Предупредив, что Испания в ее нынешнем ослабленном состоянии легко может поддаться нажиму союзников, немецкий посол в Мадриде писал в декабре 1940 года, что американцы в обмен на поставки продуктов пытаются добиться от Испании обещания не выступать на стороне оси. В марте посол сообщал, что генерал Уильям Донован из Управления стратегических служб США встретился с испанским министром иностранных дел и пытался убедить его в том, что страны оси ждет поражение в войне. В апре-

ле отмечались аналогичные шаги в этом направлении, предпринятые американским послом Уэдделом.

Что касается других регионов Европы, то Томсен сообщал, что американская помощь Советскому Союзу после нападения на него Германии в июне 1941 года невелика по размерам. С другой стороны, от немецких дипломатов не укрылась американская активность на Балканах. Они сообщали в Берлин, что американская политика в Европе заключается в борьбе с Германией путем массовой помощи Великобритании и в создании постоянных помех Германии на континенте с помощью различных видов давления — дипломатического и экономического.

Политика Соединенных Штатов в Африке также характеризовалась как сдерживание немецкой экспансии. Здесь влияние Америки проявлялось во французских владениях, особенно в Марокко и Дакаре, а также на испанских и португальских островах. Томсен указал на открытие американских консульств на Азорских островах и на опасения американцев, что Германия будет использовать Дакар для нападения на Латинскую Америку и британские колонии в Африке. В июле 1941 года в министерство иностранных дел поступил целый ряд депеш, сообщающих о том, что Рузвельт намеревается захватить Дакар и острова Зеленого Мыса¹ в течение нескольких недель. Это намерение, вкуче с проникновением Соединенных Штатов в Исландию, Томсен рассматривал не только как часть поддержки Англии, но и стремление оказаться на передовых позициях в случае ее поражения.

В депеше из Лиссабона описывался американский план по занятию позиций в Атлантике, Латинской Америке, в Западной и Северной Африке в качестве подготовки для открытия военных действий. Сюда входили база бомбардировщиков в Бразилии, база снабжения в Северной Африке, на Азорских островах, влияние на Средиземноморье

---

¹ Рузвельт писал о том, что на португальских островах, возможно, будут размещены «американские силы обороны для защиты этих островов».

из Дакара и Марокко, а также оккупация Гренландии и Исландии для оказания помощи Англии¹.

Этот доклад очень встревожил Риббентропа, и он срочно телеграфировал в Лиссабон, запросив подробности. В сентябре Дикхоф предупредил министерство о шагах Соединенных Штатов во Французской Экваториальной Африке и назвал политику Америки «вероломной», поскольку она поддерживала отношения с Петеном во Франции и де Голлем в Северной Африке.

В Западном полушарии дела у немецкой дипломатии шли из рук вон плохо. Претворение в жизнь инициатив Рузвельта теперь сильно ускорилось, поскольку Америка стремилась объединить своих северных и южных соседей в экономический и военный блок. Провозглашение в сентябре 1939 года панамериканской зоны безопасности и декларация Рузвельта—Маккензи Кинга «Об американско-канадском военном сотрудничестве», подписанная годом позже, рассматривались как создание фундамента для достижения этой цели. С осени 1940 года Америка делает упор на осуществление совместных военных проектов. В марте 1941 года посольство Германии в Вашингтоне, а также посольства южноамериканских стран сообщили о намерении объединить территорию «от Аляски до Панамы в единый военный блок». Государства к югу от него должны были попасть под военный контроль Соединенных Штатов.

Но Рузвельт не только крепил единство этого блока, он также стремился расширить его границы. Осенью 1940 года Томсен прислал доклад об американских интересах в Гренландии и Исландии и предсказал, что они будут захвачены, возможно, даже при поддержке Британского флота. Захват этих островов был частью американско-канадского оборонительного соглашения. Когда американцы заключили с датским министром в Вашингтоне соглашение о том, что Соединенные Штаты берут на себя защиту Гренландии, Томсен охарактеризовал этот шаг как дипломатический ответный удар на успехи войск оси на Балканах, поддерж-

---

¹ Черчилль информировал британское министерство иностранных дел, что если эти острова окажутся в опасности, то Рузвельт захватит их — он «держит для этого мощные силы».

ку боевого духа британских войск и как реакцию на немецкую блокаду Исландии.

Когда американцы взяли под свою защиту Исландию, согласно доктрине Монро (чтобы «ледяной рукой выбить надежду из сердец гитлеровских солдат»), Томсен встревожился. Он представил в своем докладе этот шаг как доказательство энергичного и умелого руководства Рузвельта, с помощью которого сумел убедить общественное мнение одобрить все его слова и дела. Мотивами этого поступка, утверждал Томсен, было стремление освободить британские войска, взять морские пути в Исландию под защиту Америки, усилить волю Британии к сопротивлению, напугать Японию и спровоцировать Германию на начало военных действий. Последний пункт особенно беспокоил Томсена. Он понимал, что общественное мнение Америки уже практически подготовлено к «случайному» инциденту между Америкой и Германией, который «теперь уже можно считать неизбежным».

Через три дня опасения Томсена только усилились. Он предупредил свое руководство, что, согласно надежному источнику, потопление американских судов, идущих в Исландию, приведет к разрыву дипломатических отношений. Более того, он считал, что последствия захвата Соединенными Штатами Исландии будут еще более грозными. Ссылаясь на заявления лидера республиканцев Уэнделла Уилки и военно-морского секретаря Фрэнка Нокса, Томсен теперь рассматривал Исландию как возможный плацдарм для вторжения в Норвегию. И правда, как уже отмечалось раньше, Исландию, в контексте американских интересов в Африке и на португальских островах, можно было рассматривать как часть плана подготовки «передовых позиций на случай поражения Англии». В сентябре Нокс заявил, что все суда всех стран, везущие ленд-лизские грузы, будут пользоваться защитой военно-морского флота США до самой Исландии. По мнению Томсена, это свидетельствовало о решимости Америки проводить свою атлантическую политику, ибо, по словам Моррисона, «кто владеет Исландией — держит оружие, направленное на Англию, Америку и Канаду».

Как мы уже говорили, в предвоенные годы немецкие дипломаты были убеждены, что одним из ключей к американской дипломатической политике является Тихий океан. Еще до заключения договора Берлин—Рим—Токио в сентябре 1940 года считалось, что США взяли на себя задачу «оказания помощи западным державам на Дальнем Востоке и энергичного расширения сфер своих интересов». Когда в том же самом месяце администрация Рузвельта ввела эмбарго на вывоз металлолома в Японию, поверенный в делах охарактеризовал этот шаг как еще одно звено во все удлиняющейся цепи ответных ударов в адрес японцев. Американское общественное мнение, уже давно враждебно настроенное против них, с радостью приветствовало этот шаг.

В 1941 году в Германии растет беспокойство по поводу японо-американских отношений. В чем оно проявлялось, как японцы реагировали и как относились к политике США, а также каким образом Германия пыталась повлиять на ход отношений между этими странами, будет подробно описано в других главах. Здесь мы ограничимся только тем, что расскажем, какую характеристику американской политике в отношении Японии давали немецкие дипломаты в докладах, поступающих в течение 1941 года из Вашингтона и Токио.

В Соединенных Штатах очень сильно возросло недоверие народа к Японии, а решимость правительства положить конец японской экспансии, несмотря на определенные успокаивающие жесты, все время усиливалась. Немецкие дипломаты в Америке и Японии внимательно следили за переговорами между Государственным секретарем Халлом и японским послом адмиралом Номурой, которые начались в Вашингтоне в феврале 1941 года. Томсен телеграфировал о своей озабоченности реакцией Номуры на прощупывание американцами японских намерений в случае, если Соединенные Штаты вступят в войну с Германией. Посол Отт сообщил из Токио, что политика Америки заключается в том, чтобы «сделать пакт недействительным и нейтрализовать Японию на все время войны». Дикхоф утверждал, что Рузвельт абсолют-

но неискренен в своих попытках примирения с Японией. Его главная задача, по мнению Дикхофа, — тянуть время и расколоть ось. Он заявлял, что американцы считают участие Японии в оси блефом и хотят разоблачить его.

Американское давление на Японию в отношении ее связей с Германией также принимало формы попыток убедить японцев, что появление американских конвоев в Атлантике не составляют казус федерис для пакта. Это давление в июле было дополнено возобновлением экономических санкций. Американцы решили применить тактику завинчивания гаек — чем тише будут вести себя японцы и меньше зависеть от оси, тем меньше будет санкций, и наоборот. Целью этого, как указывал Томсен, было стремление ограничить политику Японии пределами Тихоокеанского региона. Более того, сообщал Томсен, американцы были убеждены, что их меры устрашения работают¹.

Дикхоф утверждал, что переговоры Халла и Номуры, возобновившиеся 8 августа, были тем необходимым алиби, в котором так нуждался Рузвельт. Он объяснил, что Рузвельту будет легче вести войну против Японии, чем против Германии, и видел в переговорах дилемму для рейха — если они приведут к успеху, то американцы обезопасят свой тихоокеанский фланг, если же они окончатся провалом, то это будет прекрасным предлогом для развязывания войны на Тихом океане. Ни одна из этих альтернатив не устраивала Германию.

2 октября Отт телеграфировал, что переговоры, которые могли привести только к временному урегулированию, потерпели провал. Причиной этого стало требование американцев вывести японские войска из Китая. Томсен пришел к тому же самому выводу и предупредил, что Рузвельт хочет заставить Германию совершить акт агрессии, чтобы освободить Японию от обязательства вступить в немецко-американскую войну. Приезд на переговоры в ноябре специального министра Курусу сопровождался, по

---

¹ Америка ввела следующие санкции против Японии: эмбарго на оружие — 14 декабря 1937 г., эмбарго на промышленные товары — 20 декабря 1939 г., на сырье — 2 июля 1939 г., на металлолом — 30 сентября 1940 г.

словам Томсена «разнузданной кампанией» в прессе по дискредитации оси. Газеты сделали все, чтобы внушить американцам мысль, что любое соглашение с Японией пойдет только на пользу Германии. На следующий день переговоры зашли в тупик. События развивались стремительно. Томсен 27 ноября телеграфировал, что американо-японские отношения неожиданно вступили в «критическую фазу», поскольку Халл выступил с самым настоящим ультиматумом.

1 декабря Томсен заявлял, что американцы просто тянут время и стараются запугать Японию, хотя Рузвельт хочет избежать войны на Тихом океане, поскольку это не в интересах союзников. 3 декабря он сообщал, что атмосфера до того накалилась, что вполне возможно военное столкновение.

Он докладывал, что японцы готовы разорвать дипломатические отношения и напасть, вероятно, на Таиланд. 4 декабря, за три дня до Пёрл-Харбора, Томсен писал, что японо-американские отношения «балансируют на лезвии ножа».

Многое в описанных событиях имело отношение и к Германии. Состояние немецко-американских отношений как таковых, возможность их разрыва и вопрос о вступлении Америки в войну самым непосредственным образом касались Германии, и Берлин постоянно получал необходимую информацию по этим вопросам от своих дипломатов. Томсен в целом хорошо понимал, что мешает Америке вступить в войну: ее неподготовленность, тихоокеанская проблема, противодействие общественного мнения и быстрые победы Германии. Тем не менее, несмотря на все эти препятствия, в докладах из Вашингтона и других столиц возможность вмешательства Соединенных Штатов никоим образом не исключалась. В июне 1940 года Томсен передал в министерство иностранных дел заявление Рузвельта о том, что, если союзники будут разбиты, Соединенные Штаты будут «милы, вежливы и великодушны по отношению к Германии в течение двух

лет», а тем временем будут усиливать свою военную мощь, чего бы это им ни стоило. Но при этом Рузвельт добавил, что прямое или косвенное нападение на любую страну Западного полушария автоматически приведет к войне, независимо от состояния американских вооруженных сил. «У меня, — отмечал Томсен, — нет никаких сомнений в искренности этих заявлений». Хотя Рузвельт прекратил все разговоры о вступлении Америки в войну резким «об этом не может быть и речи», Томсен вовсе не был уверен, что дело на этом и закончится. Наоборот, он охарактеризовал статью в «Хёрст пресс», обсуждавшую возможности вступления Америки в войну до начала 1941 года, «не лишенной основания». Поверенный в делах предупреждал, что, хотя положение в Тихоокеанском регионе вызывает у администрации Рузвельта все большую тревогу, Берлин должен знать, что Америка пойдет на все, чтобы помочь Британии нанести урон Германии, вооружиться, а «потом заставить нас сделать соответствующие выводы». Рузвельт как-то сказал британскому послу лорду Лотиану, что «только случай может заставить нас вступить в войну», но эти слова не слишком-то успокаивали, поскольку, по мнению Томсена, почва для случайных столкновений в открытом море была уже подготовлена. С июня по декабрь 1940 года в Берлин из посольств в европейских и латиноамериканских странах пришло не менее пятнадцати телеграмм, в которых указывалось на то, как опасно вступление в войну Америки. Судя по меморандуму Вермана, составленному в Берлине, на Вильгельмштрассе воспринимали эту возможность очень серьезно.

В первые месяцы 1941 года доклады, приходившие из Вашингтона, были посвящены тем проблемам, с которыми столкнулась администрация Рузвельта в связи с этим вопросом. В мае Томсен сообщал, что американцы намерены проводить двоякую политику по отношению к Германии. Во-первых, они хотят положить конец немецкому господству на море. Но сделать это было непросто, поскольку американская линия сопротивления была отодвинута от берегов Европы к линии, шедшей от Гренландии

через Исландию к Азорским островам и островам Зеленого Мыса. Томсен увидел в этом одно: мысль о высадке экспедиционного корпуса была оставлена. Вторым аспектом американской политики, по мнению поверенного, была помощь в сопровождении грузов, доставляемых в Англию с новых передовых позиций. Однако Томсен был уверен, что американская неподготовленность не позволит Рузвельту вмешаться в войну, если Германия не захватит Даккар или группу островов в Восточной Атлантике. В том же самом месяце Дикхоф высказал свои сомнения в том, что Америка не вступит в войну. Он считал «несомненным» тот факт, что американский режим готовится вступить в нее и, преодолев определенные внутренние трудности, не замедлит это сделать.

Весной 1941 года доклады Томсена о политике Америки по отношению к Германии становятся все более пессимистичными. Захват судов оси в американских портах и блокирование фондов оси в американских банках показали ему, что враждебное отношение к его стране не изменилось. Когда в июне Соединенные Штаты приказали закрыть немецкие консульства, Томсен телеграфировал, что хотя сам Рузвельт и не желает разрывать отношения между их странами, этот шаг доказал его готовность «без колебаний принять последствия своей политики и сделать Германию ответственной за разрыв отношений». К июлю поверенный писал, что администрация Рузвельта настроена решительно — она желает начать «войну с Германией как можно скорее», поводом для нее, скорее всего, станет провокация американского военно-морского флота. Он утверждал, что формального объявления войны не будет, поскольку в этом нет нужды. Главная трудность, с которой столкнулся Рузвельт, — это увеличение объемов поставок для спасения союзников.

Томсен в своих докладах сообщал не только о возможности войны между Америкой и Германией, но и о трудностях и проблемах, которые могут воспрепятствовать этому. В дипломатических депешах, поступавших со всего мира, звучали более тревожные ноты. Посол в Будапеште, например, писал, что чиновник Государственного

департамента США уверял венгерского посла в Вашингтоне, что Америка «намерена вступить в войну и разгромить Гитлера, даже если для этого потребуется превратить Европу в руины и независимо от того, падет Англия или нет». Это было в апреле, а пять месяцев спустя посол в Лиссабоне предсказывал, что вступление Америки в войну произойдет «на следующей неделе». Было много и других примеров. В разговорах с японскими и итальянскими дипломатами в Берлине выяснилось, что американцы хотят сделать так, чтобы первый выстрел был за Германией, а разведка сообщала о том, что американские войска будут вводиться в бой по частям.

На фоне этих докладов резко выделялись легкомысленно-оптимистичные сообщения военного атташе в Вашингтоне, посвященные этому вопросу. Кроме того, сведения, полученные по дипломатическим каналам, надо было увязать с действиями Америки. На Вильгельмштрассе, по-видимому, больше верили докладам Томсена, чем сообщениям, поступавшим из других источников, и меморандумы министерства иностранных дел подтверждают это.

Рекомендации, которые давали дипломаты в Берлине и Вашингтоне относительно того, как должна реагировать Германия на политику США в вопросе участия в войне, совпадали. Почти все без исключения меморандумы советовали проявлять сдержанность и избегать всего того, что могло бы обострить и без того напряженные отношения между двумя странами.

Государственный секретарь Вайцеккер в записке, написанной им после начала войны в Европе, требовал прилагать все усилия для того, чтобы Америка по-прежнему оставалась нейтральной. Для достижения этой цели он предложил, чтобы немецкий посол вернулся в Вашингтон и внимательно следил за развитием событий, а также защищал немецкие интересы в Западном полушарии. (Риббентроп в ответ на это нацарапал на полях его записки слово *ausgeschlossen*, что означало «об этом не может быть и речи».) Вайцеккер выступал против

любого демарша по поводу отмены Рузвельтом законов о нейтралитете, поскольку это все равно не принесло бы никакой пользы и могло бы быть истолковано как вмешательство во внутренние дела. Он предлагал выступить с декларацией о том, что Германия не собирается воевать с США и что война на море будет вестись в соответствии с международными законами.

Томсен тоже очень настороженно относился к тому, что можно было бы принять за вмешательство во внутренние дела Америки. Немецкая пропаганда, по его мнению, должна ограничиться общими фразами об уважении доктрины Монро и, возможно, высказываниями о бесполезности Первой мировой войны. Зато публичного одобрения изоляционистов, нападений на президента и даже усиленной критики британцев следовало во что бы то ни стало избегать.

Дикхофа особенно беспокоило, как бы американцы не спровоцировали Германию на нанесение первого удара. Свой большой меморандум, составленный в 1941 году, он посвятил вопросу о том, что необходимо сделать, чтобы не допустить американского вмешательства в войну. Единственное, что могло спасти от этого Германию, — ее быстрые, сокрушительные победы, которые сделали бы вмешательство Америки в войну ненужным. В любом случае немцы должны относиться к американцам спокойно, сохранять уверенность в себе и не забывать о своей силе. Он предупреждал, что не следует совершать такие действия или произносить слова, которые подкрепляли бы миф о «немецкой угрозе» для Америки. Американцы, писал он, — это самые непредсказуемые люди на свете. Их «невероятно легко привести в состояние, в котором они перестают трезво соображать». Президент — большой мастер подобных манипуляций, но даже ему нужен для этого подходящий материал. И «если мы будем сохранять ледяное спокойствие, — в заключение писал Дикхоф, — Рузвельту не удастся втянуть нас в войну».

Но к началу апреля Томсен понимал, что этот совет уже устарел. И он и Дикхоф постоянно предостерегали министерство иностранных дел от дипломатических кон-

трударов и всего того, что может осложнить отношения между двумя странами¹.

Не ослабляя своей позиции, Томсен понимал, что инциденты с судами в Атлантике настоятельно требовали, чтобы Германия вела себя более сдержанно, и депеши и меморандумы на эту тему шли в Берлин до того самого дня, когда японцы напали на Пёрл-Харбор.

Таким образом, общее содержание депеш из Вашингтона осталось в критический период, предшествовавший вступлению Америки в войну, тем же самым, что и в предвоенные годы. К сожалению, дипломатическая почта, приходившая в Берлин, содержала и другие доклады из посольства, обычно помеченные грифом «совершенно секретно». Эти доклады часто находились в совершеннейшем противоречии с анализом и советами Томсена и Дикхофа.

Глава 7

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ АМЕРИКЕ ГЕНЕРАЛА ФОН БЕТТИХЕРА

В то время как дипломаты передавали в Берлин трезвое описание событий, происходящих в США, и давали продуманные рекомендации, военный и авиационный атташе генерал Фридрих фон Беттихер рисовал в своих донесениях совсем другую картину. Мы уже кратко останавливались на его предвоенных докладах. Беттихер считал, что его работа не должна ограничиваться только военными вопросами, и любил порассуждать об американской политике в целом. Основывая свои выводы на совершенно уникальных, по его мнению, отношениях с высшими американскими военными чинами, Беттихер делил страну на два лагеря: трезвомыслящий, умеренный, патриотично настроенный прогерманский «Генеральный штаб» с одной стороны, и политики, которых вместе с прессой контро-

---

¹ Однако немецкие консулы не всегда следовали этому совету. В июне 1940 г., например, консул в Новом Орлеане произвел фурор своим заявлением о том, что Германия не забудет, что, «пока она боролась за свое существование, Америка помогала ее врагам».

лируют евреи и поджигатели войны, — с другой. Основываясь на этом странном представлении, он считал, что о вмешательстве Америки в войну не может быть и речи, и даже если такое и случится, то не может быть повернуто вспять победное шествие Германии по миру. Объемистые доклады Беттихера вызывали у Томсена отчаяние, у Дикхофа — раздражение, у Вайцзеккера — подозрение, а у Гитлера — восхищение.

Мы уже упоминали о том, что в предвоенные годы генерал отмечал сильное умиротворяющее влияние американского «Генерального штаба» на Рузвельта и Госдепартамент¹.

Впрочем, Беттихер начал подробно информировать свое руководство о военных лидерах США уже после начала войны. Он с радостью сообщал, что все они сторонники оборонительной, а не наступательной войны. Проблемы Тихоокеанского региона и совершеннейшая неготовность Америки к войне исключали для них любую военную операцию в Европе. Никто не знал, что на уме у Японии, и потому Америка вынуждена была создавать «глубоко эшелонированную оборону» в районе Тихого океана.

Это сопровождалось отправкой бомбардировщиков в Манилу, усилением военно-морского флота и авиации в Пёрл-Харборе, сосредоточением военно-морских сил в Калифорнии и увеличением гарнизона в Панаме. По донесениям Беттихера, для защиты самих США были созданы мобильные сухопутные войска. Интересы промышленности полностью подчинили себе оборонительную политику. Поскольку влияние «Генерального штаба», отличавшегося осторожностью, все больше перевешивало влияние политиков, то перевооружение в первую очередь должно было

---

¹ Доклады Беттихера, подписанные Томсеном, обычно отсылались в «Генеральный штаб» и Госдепартамент, а копии — в министерство иностранных дел. Мы будем называть их «беттихер». Генерал использовал немецкое слово *Generalstab*, однако ни организация, выполнявшая в Америке функции этого органа, ни военные традиции этой страны не имели ничего общего с немецкими.

затронуть силы обороны, а не экспедиционный корпус. Укрепление обороны страны «Генеральный штаб» считал более важной задачей, чем военную помощь союзникам. Беттихер был уверен, что Америка ни в материальном, ни в психологическом плане не готова к военной интервенции, в какой бы форме она ни осуществлялась. Более того, генерал обнаружил, что военные круги Америки «понимают действия Германии». Это выгодно отличалось от «лютой ненависти Госдепартамента и импульсивной политики Рузвельта». Таким образом, еще до 1940 года выяснилось, какой представлял себе Америку Беттихер.

Проходили месяцы, полные напряжения, а выводы генерала оставались незыблемыми. Возьмем, к примеру, производство самолетов. В апреле 1940 года Беттихер сообщил в Берлин о том, что США обещали поставить союзникам самолеты. Он считал, что это будет сделано для того, чтобы поднять их боевой дух и избавиться от безработицы в стране. Беттихер полагал, что в настоящее время промышленность не сможет резко увеличить производство самолетов, а потребности в них для обороны Америки смогут быть удовлетворены не раньше лета 1941 года. Он сообщал также, что американские генералы выступают против любых операций за пределами Западного полушария. Так, по словам генерала, «Генеральный штаб снова продемонстрировал свою объективность на фоне всеобщей политической травли».

В мае Беттихер был уверен, что командование американской армии оказывает на решения Рузвельта не меньшее влияние, чем чиновники Госдепартамента. Поэтому он решил, что вступления Америки в войну можно не опасаться, если, конечно, не возникнет прямая угроза Западному полушарию. Заявления о том, что США вступят в войну, если возникнет угроза поражения Англии, были охарактеризованы им как «пропагандистский лозунг». Беттихер признавал, что американцев очень беспокоит, как обстоят дела в океане, но это был Тихий, а не Атлантический океан. И хотя сами военные предупреждали о том, что, если Гитлер захватит страны Центральной Европы, престижу Германии будет нанесен большой урон, ат-

таше полагал, что причин для тревоги нет, поскольку даже американцы скандинавского происхождения не слишком рассердились на Германию за ее вторжение в Норвегию. «Здесьние жители, — радостно писал он, — отнеслись к этому с пониманием».

Атташе всегда подчеркивал, что в Америке идет постоянная борьба между политиками и военными. Он сообщал, что генералы играют «ведущую роль» во внешней политике, хотя и признавал, что влияние «политических болтунов нельзя ни в коем случае списывать со счетов». К примеру, среди руководителей американской армии и флота никто не верил в победу союзников. Только плутократы сохраняли надежду. Причиной того, что американские военные не сомневаются в победе Германии, Беттихер считал личное присутствие Гитлера на фронте и тот факт, что в Америке в открытую сравнивают фюрера с Джорджем Вашингтоном. Более того, американцы только начинают прозревать, поскольку они, к сожалению, находятся под сильным влиянием пропаганды, не сообщающей им всей правды. Эти благоприятные тенденции были «предвестниками пробуждения нового мышления», которое уже появилось в армии и народе, но не в прессе.

Однако пробуждение народа вызвало тревогу среди «еврейских мастеров закулисных махинаций» (это было одно из самых любимых выражений генерала), и, чтобы одурачить американский народ, они пустили в ход два пропагандистских трюка: во-первых, миф о немецкой «угрозе», нависшей над Азорскими островами, Гренландией, Бермудами и Латинской Америкой, а во-вторых, стали раздувать шпиономанию. Все это, однако, ни к чему не привело, поскольку только «Генеральный штаб» смотрит на вещи объективно, а народ никогда не пойдет против своих военных руководителей. Трудно было придумать лучшее подтверждение мифу Гитлера о том, как народ, защищая интересы своей страны, сплачивается вокруг военных и отвергает измышления еврейско-плутократической прессы и политиков.

24 мая Берлин получил новые подробности о положении дел в Америке в изложении Беттихера. Описывая то,

что любил называть «столь ценным для нас американским элементом», он чуть не лопается от радости. Американские военные писатели очень эффектно насмеялись над английской пропагандой по поводу ее сообщений о слабости немецкой армии, и развитие событий привело к тому, что мнение военных стало преобладать над мнением политиков. В приведенном ниже отрывке Беттихер, чуть ли не впадая в лирический тон, пишет: «Кажется, в Америке повеяло свежим ветром немецкого духа с полей сражений во Франции и Бельгии. Люди уже примирились с мыслью о поражении союзников; ходят слухи о том, что немцы захватили английский флот. Особые надежды вселяет тот факт, что деловые круги Америки обсуждают, что нужно будет сделать после победы Германии. Если их интересы от этого не пострадают, то заправлять делами в стране будут они. Если же будут затронуты их интересы, то верх возьмут евреи и масоны. Таково мышление американцев», — в заключение писал генерал.

События июня никак не повлияли на убеждения атташе. Вступлению в войну Италии, писал он, уже вынесен в военных кругах приговор, поэтому волноваться по поводу того, как прореагирует на это Америка, не стоит. Не поколебала оптимизма генерала и речь Рузвельта о перевооружении армии, произнесенная в том же месяце. Подобными «громогласными и помпезными заявлениями» администрация Рузвельта пытается запугать страны оси, рассчитывая на то, что дипломатические миссии в Вашингтоне сообщат своим правительствам о неизбежности вмешательства Америки в войну.

Во время предвыборной кампании летом того же года Беттихер был очень расстроен заявлениями администрации. В августе он с возмущением писал, что «ключевые позиции в американских военных силах заняли теперь еврейские элементы». Генерал Джон Першинг, например, стал «марионеткой в руках Рузвельта, иными словами, евреев». Першинга Беттихер сравнил с «богато одаренным [полковником Чарльзом] Шмитбергом». Приняв подобный курс, администрация теперь создает «милитаризованное государство с Рузвельтом в качестве диктато-

ра во главе». Однако договор о передаче в аренду эсминцев его ничуть не беспокоил. Это не должно тревожить Германию, поскольку Соединенным Штатам «еще долго идти» по пути подготовки к войне. Все это было просто уловкой, чтобы успокоить англичан. Ведь Рузвельт в конце концов не сдержал своих прошлых обещаний о помощи, а конгресс и военно-морской флот были против передачи эсминцев в аренду.

Когда же, вопреки предсказаниям Беттихера, сделка свершилась, атташе от комментариев воздержался.

В конце 1939 и в начале 1940 года депеши Беттихера стали гораздо менее оптимистичными по тону. В них уже появилось некоторое беспокойство по поводу активной экспансионистской политики Америки, особенно в районе Карибского моря и в Африке. В середине августа он привлек внимание начальства к американским действиям, которые касались французских владений в Западном полушарии и включали в себя подготовку американских десантных войск. Зловещим предзнаменованием, по мнению генерала, стало создание американского консульства в Дакаре, что свидетельствовало об американских интересах в этом регионе.

Главная цель американской политики, писал Беттихер в сентябре, заключается в том, чтобы найти дипломатическое или военное решение тихоокеанской проблемы, если это будет возможно, то с помощью британского флота. «Вашингтон командует, а Лондон выполняет», — заявил он. Переговоры, касающиеся Сингапура, Порт-Артура и тихоокеанских баз, имели целью устрашение Японии, а также подготовку операций в Атлантике. Все это, объяснял он, «позволит освободить моря для крупномасштабной империалистической политики в Атлантике». Ее цель заключается в том, чтобы распространить американское влияние на Западную Африку, контролировать коммуникации между Латинской Америкой и Европой, обеспечить себе базы в Атлантике и укрепить союз с Канадой. Подобное барахтанье в других регионах,

в заключение писал генерал, представляло собой нечто вроде односторонней доктрины Монро, которая лучше всего характеризует «безграничное самодовольство американцев».

Кроме того, служба атташе прислала в Берлин свое первое предупреждение (два других были посланы в июле и ноябре 1941 года), в котором, в противовес обычным заявлениям атташе, были высоко оценены размах и качество американских военных приготовлений¹.

Возможно, это было вызвано тем, что доклады атташе, поступившие в начале лета, подверглись критике из-за того, что он недооценил значение сделки с эсминцами или из-за разочаровывающе сильной оборонительной линии, которую кандидат от республиканцев занял в своей предвыборной борьбе. Впрочем, вполне возможно, что эти доклады писал не Беттихер, а его более трезвомыслящий помощник, военно-воздушный атташе Редель².

В любом случае к октябрю доклады атташе снова обрели свой прежний тон. В депеше, озаглавленной «О влиянии пакта оси на американскую оборонительную политику», он утверждал, что этот пакт подтвердил опасения вооруженных сил, что Соединенные Штаты потерпят поражение в войне, если их политика не будет приведена в соответствие с военной мощью. Пакт создал для американской политики дилемму. Введение эмбарго, направленного на устранение Японии, было со стороны людей «с душами мелких лавочников» совершенно бессмысленным, поскольку Япония все равно продолжает вооружаться, получая для этого сырье из других регионов Тихого океана. Эмбарго в первую очередь нанесло удар по экономике самих США. Пакт убедил «Генеральный штаб», что Америке гораздо выгоднее победа стран оси, чем их поражение, писал теперь генерал Беттихер.

---

¹ В июльском и ноябрьском докладах комментариев по поводу американской мощи очень краток и тонет в потоке сообщений, общее содержание которых создавало совершенно противоположное впечатление.

² Такое объяснение дал автору доктор Томсен во время нашего разговора в Гамбурге 8 ноября 1963 г. Томсен также отметил, что Беттихера невозможно было ни в чем переубедить.

Генерал считал американскую политику гигантским блефом, и это убеждение росло в нем с каждым днем. К примеру, американцы пытались создать впечатление, что если Япония не уступит их требованиям, то американский флот нанесет по ней удар. Чтобы подкрепить это заявление, во флот были призваны резервисты, Китаю дана ссуда, а газеты писали о превосходстве американского флота над японским и о возможном отзыве американцев из Японии.

Весь этот грандиозный розыгрыш, каким считал его атташе, должен был быть подкреплён заявлениями в прессе о том, что Англия окажет Америке помощь. Естественно, военные все это отвергли. Дело в том, сообщал атташе, что в правительстве США нет единства и оно думает теперь о том, как спасти свое лицо, поскольку для того, чтобы американский флот смог противостоять Японии, ему нужно по меньшей мере два года подготовки.

В своей последней депеше 1940 года Беттихер снова подчеркнул, что американская военная промышленность не справляется с возложенными на нее задачами. Несмотря на энергичные усилия и «диктаторские» указы, она может производить снаряды, самолеты и моторы лишь в очень ограниченном количестве, поскольку на заводах не хватает оборудования и квалифицированных рабочих. Поэтому атташе не сомневался в том, что США придется умерить свои аппетиты, и отмечал, что на исходе года между генералами и политиками возникли напряженные отношения. «Эти две силы действуют в диаметрально противоположных направлениях, и каждая из них хочет определять судьбу Америки».

Новый год принес Беттихеру мало нового. Все более усиливающаяся напряженность, казалось, подтверждала его правоту. Рузвельт не представлял себе, какими медленными темпами будет идти мобилизация Америки, а отвлечение внимания на проблемы Тихоокеанского региона исключало любую возможность повторения 1917 года. Поэтому Германия не должна обращать внимания на «пу-

стую болтовню» Рузвельта, поскольку «он всегда говорит об одном и том же». В последующие месяцы генерал выслал в Берлин несколько общих обзоров американской политики, в которых содержался один и тот же вывод: Америка не сможет вмешаться в войну и не вмешается в нее, какой бы амбициозной и империалистической ни была ее политика. В мае атташе заявил, что Америка стремится взять под контроль Атлантику, Гренландию и португальские острова, а также водное пространство между Западной Африкой и Бразилией, западное побережье Африки и Индийский океан. Американцы могут попытаться захватить Сингапур, ограничить действия японцев и перерезать все основные торговые пути в Тихом океане. Однако, писал он, это ни в коем случае не повлияет на планы Германии, если ей удастся достичь быстрой победы. «Эта война, — писал он, — представляет собой бег наперегонки со временем».

В июне он писал, что США «отчаянно» пытаются избежать войны из-за угрозы со стороны Японии, своей неготовности и проблем с судостроением. Он заявил, что антивоенная фракция полностью взяла верх, а это разрушит все планы Рузвельта. 6 июля он сообщил, что «мастера закулисных махинаций», сгруппировавшиеся вокруг Рузвельта, выражали надежду, что Англия будет продолжать борьбу до тех пор, пока США не вступят в войну и без особых усилий не завершат разгром обескровленной оси. Однако победы фюрера и стойкость японцев разрушили все эти беспочвенные иллюзии. «Стратегам с примитивными мозгами» (еще одно любимое выражение генерала) придется теперь пересмотреть свои планы и подготовиться к тяжелой борьбе, которую они, конечно, не выдержат. «Они бредут в тумане, — говорил атташе, — находясь во власти газетных клише и самообольщения». Вот что происходит тогда, когда политики вмешиваются в дела военных. Правда, он не отмечал, что происходит с военными атташе, когда они вмешиваются в политику.

В дополнение к своим длинным общим комментариям Беттихер сообщал и о частных случаях американской политики в 1941 году. В этих вопросах особенно ясно прояви-

лось его расхождение во мнениях с Томсенom и Дикхофом. В феврале его внимание привлек проект о ленд-лизе. Это был конечно же проект все тех же «еврейских мастеров закулисных махинаций», который встретил у руководителей армии отпор. Единственной целью ленд-лиза, по мнению Беттихера, было освобождение Рузвельта от ограничений, налагаемых законами Америки. Атташе признавал, что в США развернулась бурная деятельность — составляются списки, оцениваются объемы поставок, англо-американское сотрудничество развивается полным ходом. Однако сама программа и вся связанная с ней деятельность, уверял он Берлин, не должны вызывать тревоги. В ходе выполнения программы ленд-лиза Америка столкнется с серьезными проблемами, поскольку эта программа нанесет ущерб ее собственной обороне. Кроме того, никто не знает, где разместить грузы, предназначенные для Англии, и на чем их перевозить. Таким образом, «все это блеф и маскировка, а правда об американских планах изложена в моих докладах», — уверял он свое начальство.

Когда же программа поставок по ленд-лизу начала осуществляться, Беттихер снова не увидел причин для беспокойства. Хотя самонадеянные американцы видят теперь себя в качестве арбитров всего мира, все это лишь широкие жесты, направленные на то, чтобы убедить весь мир в том, что Америка неминуемо вступит в войну. Но, снова повторял Беттихер, они забыли, что сейчас не 1917, а 1941 год. Хозяином Европы стала Германия, а это лишает Америку фронта для сражений. У нее нет мощного воздушного флота, а потери судов будут слишком большими. Американские самолеты «безнадежно устарели», а союз стран оси — несокрушим.

Конечно же Беттихер признавал возможность того, что Рузвельт, находясь под влиянием евреев, совершит ошибку и в ответ на потопление американских судов немецкими подлодками создаст фактор X. Однако «трезвомыслящий Генеральный штаб», естественно, реально воспринимает события, в отличие от руководства флота, которое, очевидно, решило присоединиться к силам зла, согласно схеме, существовавшей в мозгу Беттихера. Только в армии можно

найти «спокойных и впечатляющих личностей», которых Германия должна ценить¹.

Так, ленд-лиз был назван им весной 1941 года «простым трюком», «обманным жестом» и «признанием своей слабости»; сами эти поставки никоим образом не смогут повлиять на ход войны.

Противоречия в американской политике в 1941 году стали еще более острыми. Самое главное из них — это обещание Америки помочь Англии, которое она не в состоянии будет выполнить. «Ни маневры, ни зажигательные речи президента, ни заявления так называемых экспертов», по мнению Беттихера, не могли разрешить эту дилемму, а также спасти американцев от других затруднительных положений, в которые попадала администрация Рузвельта из-за нежелания принимать во внимание реальное положение дел в экономической и военной сферах. Поэтому чем больше говорит Рузвельт о Гренландии, Азорах, Дакаре и других регионах, чем больше он грозит использовать конвои и другие провокационные меры, тем сильнее демонстрирует всем свою слабость. Жесты Рузвельта и его слова вообще не надо принимать во внимание, советовал Беттихер, поскольку все это «чистой воды блеф и грубое преувеличение своих сил».

В последний год своей работы в посольстве Беттихер все больше и больше верил генералам. Он считал, что теперь «наша главная задача» заключается в том, чтобы подчинить их своему влиянию и всячески поощрять их стремление к сохранению нейтралитета. В мае он сообщал о своем успехе на этом поприще. Под влиянием Линдберга и «кружка Гувера» военные руководители сумели замедлить перевооружение армии и заставить Рузвельта пересмотреть свои самые далеко идущие планы. Поджигатели войны, писал он, вынуждены были отступить, а «умный, спокойный Генеральный штаб» одержал верх. И этого удалось достичь вопреки стараниям военного секретаря

---

¹ Подобная характеристика руководства флота, как сторонника вступления в войну, в противовес нейтральной армии, встречается и в депеше, пришедшей в Берлин из Лиссабона. Посол в Португалии цитирует в ней слова американского военного атташе в Лиссабоне.

Стимсона («рузвельтовского подхалима») и империалистическим настроениям, царившим среди руководства флота, «которое не жалело усилий, чтобы подстегнуть общественное мнение»¹.

Он совершенно спокойно относился к инцидентам с американскими судами в Атлантике, случившимся в 1941 году. Ни потопление «Робина Мура», ни нападение на «Гриер» ничуть его не встревожили. Он просто не допускал мысли, что это могло быть сделано преднамеренно или что эти инциденты могли заставить Америку вступить в войну, — по его мнению, она была слишком слаба, а в обществе не было единства по этому вопросу. Теперь он уже был уверен, что угрозы для Африки и португальских островов со стороны американского военно-морского флота тоже не существует, поскольку флот этот очень слаб.

Объявление чрезвычайного положения в стране, по мнению атташе, было сделано для того, чтобы всем стало ясно, что Рузвельт — великий лидер, но вся речь президента показалась ему «переполненной тревогой», поскольку Америка не могла бороться против стран оси. Она только лишний раз доказала, что инициатива принадлежит Германии. Он не собирался менять своего мнения по поводу американского военного потенциала, поскольку об ускорении перевооружения армии «не могло быть и речи». Речь президента, таким образом, «была не демонстрацией американской силы, а признанием серьезных трудностей, с которыми столкнулись англичане» и которые Соединенные Штаты не в силах устранить. И наконец, заявления о том, что Америка должна выйти на передовые позиции, были отброшены как «простые газетные штампы»².

Беттихер приветствовал начало войны с Россией, поскольку сложившаяся ситуация усилит противоречия в американской политике. Рузвельт может обещать Советам

---

¹ Муссолини тоже упражнялся в насмешках над американским военно-морским флотом того времени, назвав его в разговоре с Риббентропом «дилетантским» и «годным разве только для спортивных состязаний. Как и вся британская армия», — добавил он.

² Муссолини прокомментировал введение чрезвычайного положения со своим обычным цинизмом: «Ни одной страной еще не управлял паралитик». -

«манну небесную», но ничего не сможет сделать. К октябрю «стратеги с примитивными мозгами» и клика Рузвельта обманулись в своей надежде, что Россия устоит, в то время как военные, считавшие немецкое нашествие «генеральным планом немецкого господства и солдатской непобедимости», оказались правы.

Японо-американские отношения тоже не остались без внимания атташе. Здесь для него все было просто: американский флот был дислоцирован в двух океанах, но даже если он и соединится в одно целое, ему все равно не удастся разгромить японский флот. Поскольку дилемма, с которой столкнулись американцы на Тихом океане, была «неразрешима», Япония и страны оси могли действовать как им заблагорассудится, не оглядываясь на Америку. «Япония, — писал атташе в октябре, — может делать на Дальнем Востоке все, что захочет, не опасаясь военного вмешательства США». Он опасался только одного: что Япония испугается американских жестов, которые, по его мнению, являлись чистым блефом.

Беттихер был глубоко убежден, что Америка не только хочет, но просто вынуждена искать соглашения с Японией, чтобы выиграть время для создания флота на двух океанах. Более того, он настаивал на своем мнении, что Америка никогда не сможет стать «арсеналом демократии», поскольку у нее нет доступа к дальневосточному сырью. Поэтому между «Океанией и США идет война нервов». Атташе был убежден, что, если Япония не нападет на Филиппины, Америка не вступит в войну, предпочитая проводить свою испытанную политику блефа и запугивания. Думая, что японцы не понимают этого, он решил просветить их и, как сообщал в докладе, сумел убедить японского военного атташе в том, что американская политика «блестит только с фасада». И наконец 15 ноября Беттихер предупредил Берлин, что не стоит верить слухам о том, что если переговоры Халла и Курусу потерпят провал, то начнется война. Генерал даже заявил, что его очень «позабавил» подобный блеф, поскольку «все мы уже два года знаем, что Америка не может вести боевых действий на Тихом океане».

Верный своей политике истолкования любого американского шага или поступка как признака слабости и раскола нации, Беттихер не придавал особого значения встрече Рузвельта и Черчилля в августе 1941 года. Она в лучшем случае продлит войну, но никак не сможет повлиять на ее исход, считал он. Согласно удивительной логике генерала, встреча на самом деле «только лишний раз продемонстрировала англо-американскую военную слабость», а также сделала попытку скрыть тот факт, что Германия уже выиграла гонку со временем. Таким образом, Атлантическая хартия явилась самым обыкновенным «брюзжанием, похвальбой, болтовней и подстрекательством».

В последние несколько недель перед началом японо-американской войны Беттихер почти полностью утратил чувство реальности. Американская военная поддержка вторжения Британии на континент будет тут же блокирована вооруженными силами. О такой аванюре раньше 1944 года и думать нечего. Уверенность атташе в том, что эти страны не способны на крупные военные операции, и убежденность в победе Германии стали теперь влиять и на более отвлеченные вопросы, вызывая у него опасения по поводу американской политики, направленной против стран оси. Повсюду растет уверенность, что с Россией покончено, что Япония успешно блокирует американскую политику, что американская промышленность никогда не сможет догнать немецкую. На англо-американские отношения, по мнению атташе, оказывают «огромное влияние немецкие победы», а в докладах, посвященных американским контрмерам на Тихом океане, эти меры назывались «бессмысленными и фантастическими». Рассматривая возможность вступления Америки в войну, Беттихер уверял Берлин в том, что «об этом не может быть и речи».

Однако, оценивая доклады генерала, нельзя утверждать, что все его взгляды были эксцентричными и далекими от реальности. Веру атташе в быструю победу Германии, на которой он строил свои умозаключения, широко разделяли в те времена и в Вашингтоне. Халл, например, сомневался в способности англичан устоять перед немцами. В-вопросе о конвоях существовали значительные раз-

ногласия, а промышленность, выполняя заказы в рамках ленд-лиза, столкнулась с большими трудностями. Более того, генерал испытывал постоянное опасение по поводу присутствия американцев в Восточном полушарии, и его предупреждения были не менее настоятельными, чем предупреждения Томсена по поводу германских злых умыслов или того, что принималось за злой умысел в Латинской Америке. Томсен и Беттихер не сильно отличались в своей оценке японского фактора, а недооценка изоляционистских настроений в Америке, четко проявлявшаяся в докладах дипломатов, частично сглаживалась наблюдениями Беттихера.

И все-таки общее впечатление от этих многочисленных, длинных и повторяющих друг друга депеш остается прежним: это — ярчайший пример преувеличения осторожности в политике, и в особенности влияния американских военных руководителей на администрацию президента, а также грубой недооценки американского промышленного потенциала в сочетании с почти легкомысленным игнорированием того влияния, которое вступление Америки в войну могло оказать на Германию. Картина Соединенных Штатов, которая вырисовывалась из докладов Беттихера, не соответствовала реальности, была наивной и с точки зрения планирования политики сильно искаженной.

Однако генерал фон Беттихер не сомневался в точности своих докладов. В мае 1940 года он писал, что «благодаря моим связям я всегда посылал исчерпывающие доклады, в которых никто не смог бы найти ни единой грубой ошибки». В письме руководителю немецкого Генерального штаба Беттихер «лично» заявлял, что «я никогда не переоценивал своей деятельности, но да будет мне позволено сообщить, что мои депеши никогда не нуждались в исправлении». По его мнению, доклады были не только точными, но и уникальными. Другие дипломаты в Вашингтоне не смогли разглядеть лживости американской политики и в своей наивности верили в возможность влияния Америки на ход войны. Это особенно касалось, писал он в марте 1941 года, советского и японского послов. Их проблема заключалась в отсутствии широкого взгляда на вещи. «С ка-

кой легкостью, — писал он по другому поводу, — даже военно-морские, военные и авиационные атташе посольств верят американской пропаганде, рассказывающей нам сказки об объемах американского промышленного производства. Какие же неточные сведения получают их правительства!»

Вайцеккер, Дикхоф и Томсен не разделяли энтузиазма атташе. Прочитав бойкое описание американской реакции на вторжение Германии в Скандинавию, данное Беттихером, Вайцеккер написал Томсену о своих сомнениях по поводу того, что немецкая агрессия была столь радостно воспринята в Америке. «Я прошу Вас снова протудировать газеты и проследить, чтобы доклады атташе вермахта во всех тех случаях, когда они затрагивают вопросы политики, были дополнены вашими выводами». Томсен в своем ответе пишет о «гармоничных отношениях, полных доверия», которые сложились у него с Беттихером, но которые, однако, не исключают расхождений во мнениях. Генерал, добавлял он, «исключительно чувствительный человек», и следует иметь в виду, что он очень высоко ценит свои источники информации и полагает, что военные оказывают огромное влияние на американскую политику. Поэтому его телеграммы отражают лишь настроения некоторых высших армейских чинов, а не других, более влиятельных людей. «Я пытаюсь, — добавлял он, — противостоять этому».

Предварив свое сообщение этими довольно расплывчатыми замечаниями, Томсен переходит к сути дела. С начала войны Беттихер решил, что значение его миссии резко возросло. «Он стал вести себя как генерал, командующий крупным соединением», — писал Томсен. По случаю сорокалетия своей службы он получил поздравительную телеграмму лично от фюрера и решил, что его деятельность в качестве атташе высоко оценена в правительственных кругах. «Именно поэтому, я полагаю, генерал фон Беттихер стал относиться ко мне как к человеку, стоящему ниже его по званию».

Однако после этого обмена письмами Беттихер не угомонился — он по-прежнему заполнял отчеты своими со-

ображениями по вопросам политики. Год спустя, в апреле 1941 года, Вайцеккер жаловался Томсену, что атташе вермахта продолжает затрагивать в своих депешах политические темы и к тому же неоправданно засекречивает их. Государственный секретарь удивлялся, почему Томсен не мог «по-дружески» убедить генерала не превышать своих полномочий¹.

Беттихер отреагировал на «дружеский» совет Томсена так: он напомнил сотрудникам министерства, что действуют по инструкциям, данным ему самим фюрером².

В мае, поскольку генерал по-прежнему занимался политикой, в дело вмешался Риббентроп. Он напомнил Томсену, что политические отчеты должен составлять только он, как глава миссии, в то время как Беттихер не имеет на это никакого права³.

Но если Томсен понимал, что в отношении Беттихера надо вести себя осторожно, то Дикхоф в Берлине был менее сдержанным в критике атташе. В нескольких меморандумах он разгромил интерпретацию событий, которую давал генерал. В январе 1941 года он назвал «ошибочным» заявление Беттихера о том, что вступление Америки в войну не окажет на ее ход никакого влияния. Бывший посол предупреждал, что если Америка вмешается, то Рузвельт получит в свои руки безграничную власть и контроль над мобилизацией промышленности. И тогда, несмотря на то что какая-то часть вооружения будет производиться для ее обороны, поставки в Англию сильно возрастут, и проблемы, связанные с Тихим океаном, никак не смогут этому помешать. Более того, Рузвельт будет опираться на поддержку Южной Америки, а вступление Соединенных Штатов

---

¹ Беттихер почти всегда ставил на своих отчетах гриф «совершенно секретно», даже если в них содержалась самая обыкновенная, доступная всем информация, а поскольку его депеши были очень многословными, то шифровальщикам посольства приходилось трудиться не покладая рук.

² Томсен рассказал автору, что открытый разрыв отношений с атташе, вероятно, и стал причиной его отъезда из Вашингтона и еще более ухудшил и без того напряженные отношения между Германией и Соединенными Штатами.

³ Впрочем, есть свидетельства того, что Риббентроп не всегда был недоволен отчетами генерала, по крайней мере, он разделял презрительное отношение атташе к американской мощи.

тов в войну породит в нейтральных странах сомнения в способности Германии ее выиграть. Дикхоф был уверен, что можно будет заключить мир с Англией, но мира с Англией и США немцам не видать никогда.

Бывший посол был абсолютно не согласен с интерпретацией ленд-лиза, представленной Беттихером, а в июне Дикхоф категорически отверг его мысль о том, что «Генеральный штаб» оказывает какое-либо влияние на американскую политику или на Рузвельта. Он добавил, что вопрос о подготовленности Америки к войне имеет второстепенное значение, как показал опыт 1917 года. В июле он критиковал атташе за то, что он придает слишком большое значение влиянию военных. Беттихер в своих докладах представил совершенно искаженную картину, утверждал Дикхоф, поскольку генералам приходится «следовать за Рузвельтом», а вовсе не наоборот.

В своем письме автору этой книги Беттихер отрицал тот факт, что его отчеты имели политическую окраску. «Мне приходилось затрагивать политику только тогда, когда она касалась военных вопросов. Ответственность за освещение всех политических вопросов лежала на соответствующих служащих посольства». Тем не менее другие изученные после войны документы подтверждают, что к докладам атташе на Вильгельмштрассе относились с подозрением. Давая показания в суде над дипломатами, который состоялся в 1949 году, Верман утверждал, что он не доверял депешам атташе и считал, что они дают искаженную картину. Кордт в своих мемуарах дал этим депешам такую же оценку, а Вайцеккер, выступая в свою защиту, заявил, что, хотя доклады Беттихера и регистрировались, он считал, что они написаны «отвратительным языком» и внушали недоверие из-за содержащихся в них «преувеличений».

Трудно сказать, какое влияние эти доклады оказывали на военных. Вайцеккер писал Томсену, что информацию Беттихера «особенно ценил» генерал Гальдер, хотя в дневниках самого Гальдера об этом не говорится ни слова. Сведения, полученные от Беттихера, время от времени заносились в немецкие военно-морские дневники, и они могли оказать определенное влияние на взгляды не-

мецких адмиралов в отношении США. Мы обсудим этот вопрос в других главах. Вильям Ширер вспоминает, что некоторые сотрудники ОКВ высказывали в беседах с ним сомнения по поводу достоверности данных Беттихера. Подобные сомнения имелись и у одного из членов Главного имперского управления безопасности.

Тем не менее и язык, и содержание докладов атташе вполне соответствовали взглядам Гитлера и Риббентропа. Хорошо известно, что фюрер читал только то, что соответствовало его представлениям, и подчиненные старались не показывать ему то, что противоречило его взглядам, поэтому можно предположить, что доклады Беттихера попадали в руки рейхсканцлера. И наше предположение имеет подтверждение. Есть свидетельства того, что фантазии Беттихера легли в основу представления Гитлера о Соединенных Штатах и его политики в их отношении. Мы уже упоминали о том, что и сам Беттихер, и Томсен подтверждали это. Вальтер Танненберг, бывший первый секретарь посольства в Вашингтоне, показал во время послевоенного допроса, что Риббентроп не давал фюреру читать депеши Томсена, зато генерал Кейтель знакомил его с докладами Беттихера. Кордт подтверждал, что Гитлер читал телеграммы атташе «с огромным интересом». Вайцеккер во время суда над дипломатами утверждал, что «самым опасным в этих докладах, тревожившим нас больше всего, было то, что их любили читать Гитлер и Риббентроп». И наконец, Гитлер лично выразил свое одобрение деятельности атташе, приняв его сразу же после возвращения из США в январе 1942 года и приветствуя словами: «Вы вели себя очень храбро. Ваши доклады нас не раздражали».

Мы не можем судить о том, какое воздействие оказали доклады дипломатов, пока не обсудим, как Соединенные Штаты влияли на политику Германии. Пока мы можем признать лишь то, что Риббентроп в общих чертах был знаком с той картиной Америки, которая вырисовывалась из депеш Томсена, Дикхофа и других. Гитлер, по-видимому, вынужден был в годы войны проявлять к Америке го-

раздо больший интерес, чем до войны, хотя и делал это против своей воли. Но он не принадлежал к числу людей, которые отказываются от своих предрассудков, поэтому не приходится сомневаться, что его представления о намерениях и возможностях Америки были результатом мысленного отбора, в процессе которого многое отвергалось. Об этом говорят его собственные заявления и, как мы еще увидим, та политика, которую он проводил. Тем не менее реальная мощь Америки должна была в последние годы жизни Гитлера, хотя бы изредка, разгонять туман его ложных представлений о ней.

Именно экономика Америки и ее растущая военная мощь, ее непримиримая враждебность к нацистской Германии, ее решимость приложить все усилия, чтобы под руководством Рузвельта не допустить завоевания Европы и Англии, — именно с той Америкой, картину которой создавали немецкие дипломаты в 30-х годах, столкнулся фюрер в декабре 1941 года, а вовсе не с той далекой, слабой, гнивающей и не готовой к войне страной, образ которой он создал в своем мозгу и который разделяли Риббентроп и Беттихер. Но даже до начала военных действий, по мере того как война с Англией затягивалась, Гитлер, если бы захотел, мог бы составить себе реальное представление о Соединенных Штатах. Если бы он оторвал голову от карт Советского Союза, то увидел бы, что Соединенные Штаты уже стали важным фактором в немецкой военной политике и что этот фактор вторгся в его политический мир. Но ни его недоверие к сотрудникам министерства иностранных дел, ни самоуверенные заявления перед теми, кто слушал его, не могли изменить реальность. Попытки Гитлера не обращать внимания на Америку приводили к неадекватной реакции Германии на те или иные ее шаги. Гитлер продолжал колебаться между мифом и реальностью, и из-за этого немецкая реакция на политику Америки была полна противоречий и в конечном счете оказалась губительной.

Часть третья

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И НЕМЕЦКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Глава 8

АМЕРИКА И КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГИТЛЕРА

Итак, мы убедились, что отношение Гитлера к Америке отражало его политические допущения и стратегические ограничения. Его убежденность в том, что могущество страны должно строиться на расовом и культурном фундаменте, исключаящем либеральную демократию; его мышление «пехотинца», которое так возмущало Эрнста Ганфштенгля; его уверенность в том, что все немецкие проблемы можно решить только путем захвата жизненного пространства в Восточной Европе, и его стремление концентрироваться только на сиюминутных проблемах Европы — все это проявилось в его презрительных высказываниях о США. Как показала жизнь, дипломатические депеши никак не влияли на мнение фюрера. Но это еще не все. После 1939 года Гитлеру пришлось вести войну, и, несмотря на привычку заниматься самообманом, ему постоянно надо было оценивать противостоящие силы. В эти силы входили, пусть не напрямую, но зато постоянно, и Соединенные Штаты, а точное представление об этой стране можно было получить только из докладов дипломатов.

В своей европейской крепости, окруженной старыми, хорошо знакомыми политическими и стратегическими факторами, Гитлер чувствовал себя в относительной безо-

пасности и не боялся американской угрозы. В стратегических планах фюрера Америка почти не упоминается. Он сконцентрировался на своей идее *Drang nach Osten* (поход на Восток), будучи уверенным, что завоевание России чудесным образом разрешит все остальные проблемы, включая подчинение своей воле непонятных для него британцев и наглых американцев. Это была гонка между неизбежным завоеванием России и стойкостью англосаксонского блока. Мечтая о дне своей окончательной победы, Гитлер проводил арьергардные сдерживающие операции в Атлантике, а с помощью своего союзника Японии — в Тихом океане. Его политика в этих регионах была различной. В Атлантике, которая, по его мнению, почти не имела никакой связи с операцией в России (планом «Барбаросса»), он вел себя осторожно. Япония же находилась на восточном фланге России, и здесь он был готов пойти на риск. Но операции в обоих этих регионах все больше и больше привязывали Гитлера к США, стране, которая, по его мнению, вообще не должна была участвовать в мировой политике.

Внешняя политика Гитлера основывалась на двух взаимоисключающих факторах: элементах строгого планирования и надежде на случай. Большая часть его планов касалась Европы — здесь он рассчитывал получить то, что ему нужно. Континентальные установки Гитлера служили для него стандартом, по которому он оценивал даже те факторы, которые находились за пределами Европы и которыми манипулировал в своей политике. Свидетельства этому будут приведены в следующих главах, где мы рассмотрим военно-морскую и дальневосточную политику фюрера, то есть те области, в которых Гитлер в своих стратегических планах должен был учитывать политику США. Но оказывала ли Америка непосредственное влияние на немецкую континентальную политику? В предыдущих главах мы уже говорили, что в начале своей карьеры Гитлер раздумывал о роли США в европейской политике, а в 1939 году одобрительно отнесся к предложениям Рузвель-

та по разоружению, «приветствуя вмешательство Соединенных Штатов в европейскую политику в качестве гаранта мира»¹.

Однако позже он нигде уже больше об этом не говорил и, несмотря на предупреждения своих послов в Вашингтоне, решил, что Америка всегда будет придерживаться политики нейтралитета. Таким образом, и Гитлер, и его дипломаты понимали, какое фактическое и потенциальное влияние могут оказывать США на политику Европы, но по различным причинам в тот период времени этой стране не придавали особого значения.

О том, что Гитлер следил за внешней политикой США, говорит тот факт, что фюрер и его помощники время от времени использовали ее для оправдания действий Германии. Примерами этого были критика Версальского договора («ни одному вождю племени сиу никогда не навязывали более позорного мира») и «предательства» четырнадцати пунктов, отказ от признания Маньчжурии и выход из Лиги Наций².

Позже, во время судетского кризиса, Гитлер в своих публичных выступлениях и личных беседах использовал доктрину Монро для оправдания своей политики («Мы, немцы, придерживаемся аналогичной доктрины в Европе»). Более того, американская политика «недопущения войны», выразившаяся в помощи Британии, рассматривалась как пример, которому ради Германии должна последовать Япония в своих отношениях со странами Запада³.

Оправдание немецкой политики с помощью сомнительных ссылок на действия других стран было, как известно, одним из излюбленных пропагандистских трюков фюрера⁴.

---

¹ Эти идеи мы находим в речи Гитлера, произнесенной 16 мая 1933 г.

² «Я решил последовать примеру США», — заявил Гитлер в речи, произнесенной 28 апреля 1939 г., коснувшись вопроса о членстве в Лиге Наций.

³ Уэллсу было заявлено, что Германия считает Восточную Европу своей Мексикой.

⁴ В своей речи 12 сентября он сравнил немцев, живущих в Судетской области, с палестинскими арабами.

Мы уже успели убедиться, что Гитлер хорошо знал о речах Рузвельта, касающихся ситуации в Европе, и его различных предложениях о способах решения возникших проблем, но реагировал на них таким образом, что всем становилось ясно, что он не принимает американского президента всерьез. Предложения Рузвельта о созыве конференции для решения судетского кризиса никак не повлияли на Гитлера и на дальнейший ход событий. Посол Вильсон записал в октябре в своем дневнике, что у него сложилось впечатление, будто первое послание Рузвельта привлекло внимание Гитлера к могуществу и силе США, но потом «если быть честным, то я не верю, что второе послание оказало какое-либо влияние на ход событий». Согласно французским источникам, первой реакцией Гитлера на призывы Рузвельта в апреле 1939 года было вообще не отвечать на обращение «этого презренного создания». Но он все-таки ответил, не потрудившись даже скрыть свое презрение («При всем моем уважении к заботе господина Рузвельта о проблемах и нуждах других стран...»).

Если верить Риббентропу, последние предложения Рузвельта, поступившие в августе 1939 года, заставили Гитлера изменить сроки нападения на Польшу, и Вильсон вспоминал, как «рассержен» был за это Гитлер на президента. Но хотя некоторые предполагали, что он уже в 1938 году опасался участия Америки в войне против Германии, нет никаких доказательств тому, что Гитлер в своих планах европейской войны учитывал американский фактор в предвоенные годы и в недели, предшествовавшие ее началу.

В конце сентября 1939 года Гитлер понял, что Великобритания связывает все свои надежды с американской помощью. В марте 1940 года он жаловался американскому бизнесмену Муни, что не может заключить мир из-за того, что Англия не желает дать нам надежду воспользоваться помощью других стран, «например Соединенных Штатов». Значение этого фактора сначала принижалось из-за уверенности фюрера в том, что он сумеет быстро завоевать всю Европу, а затем поставит Англию на колени, прежде

чем американская помощь станет по-настоящему эффективной. Потом все эти цели отошли на второй план, к ним Гитлер надеялся вернуться после завершения операции «Барбаросса». В любом случае укреплявшийся англо-американский союз не рассматривался как исключительно континентальная проблема; мы поговорим о нем позже в связи с военно-морской политикой Германии и отношениями с Японией.

Что касается других регионов Европы, то мы уже видели, что министерство иностранных дел Германии хорошо понимало, как сильно влияние Америки в Европе, особенно во Франции, Испании и на Балканах, а также в Африке. Гитлер тоже время от времени упоминал о влиянии США в этих регионах, но, повторяю, это влияние, по его мнению, было вещью второстепенной. Например, в мае 1941 года в беседе с адмиралом Дарланом он выразил опасение, что американский империализм заставит Францию уступить свои африканские колонии Соединенным Штатам. Предотвратить это сможет только сама Франция, подчеркивал он. Вальтер Шелленберг утверждал, что Гитлер рассуждал о возможных операциях в Африке и на испанских и португальских островах еще до начала войны. Испанский министр иностранных дел Серрано-Суньер обнаружил, что Гитлер очень обеспокоен возможными действиями Америки в этом регионе, а в июле 1941 года фюрер заметил, что «если США займут испанские и португальские острова, я вторгнусь в Испанию и пошлю танковые и пехотные дивизии в Северную Африку».

Хотя нападение на Советский Союз представляет собой возвращение к первоначальным целям Гитлера, переход к активным действиям после английского тупика и конечное звено в цепи господства на континенте, есть определенные свидетельства того, что на решение оккупировать Россию в определенной степени повлиял и американский фактор. 8 января 1941 года Гитлер сообщил своим адмиралам, что «если Россия падет, то это сильно облегчит положение Японии и, наоборот, значительно увеличит опасность войны для США». В начале вторжения он сказал Муссолини, что после разгрома России у

Америки поубавится желания вступать в войну. В ходе наступления на Москву, Гитлер, как отмечают свидетели, заявлял, что «победоносное завершение кампании на Восточном фронте окажет благоприятное влияние на всю ситуацию и, возможно, также на политику США».

Но если бы Америка оказывала непосредственное сильное влияние на ход немецких операций в Европе до 1942 года, то следовало бы ожидать, что она постоянно упоминалась бы в военных планах, директивах, меморандумах и дневниках. Однако изучение источников вовсе не подтверждает этого, во всяком случае, в отношении авиации и армии. Нам известны лишь некоторые высказывания Геринга, связанные с послевоенной авиационной мощью Америки. У посла Вильсона сложилось впечатление, что шеф люфтваффе отдавал должное американскому авиационному потенциалу.

Некоторое подтверждение обеспокоенности Геринга можно найти в странном деле американского нефтяного магната В.Р. Дэвиса. Как оказалось, Дэвис, человек с большими амбициями и связями среди американских политиков, с 1939 по 1941 год активно помогал немецкому военно-морскому флоту получать нефть из Мексики, еще до того, как Соединенные Штаты и Германия оказались в состоянии войны. За время своей деятельности он в сентябре 1939 года несколько раз встречался с Герингом. Вполне возможно, что он в тот период виделся и с Гитлером. О чем он беседовал с рейхсмаршалом, никто не знает, но Дэвис, очевидно, предполагал, что Рузвельт выступит посредником в случае европейской войны. Согласно докладу, который он предоставил помощнику Государственного секретаря Адольфу Берле, Геринг, которого Дэвис считал реальным правителем Германии, проявил большой интерес к урегулированию, спонсируемому Соединенными Штатами и основанному на возвращении Германии того, что она потеряла по Версальскому договору, и установлению «нового экономического порядка». Геринга, по мнению Дэвиса, очень беспокоило, какую

роль будет в будущем играть Америка на Европейском континенте. Однако доклад не произвел на Госдепартамент никакого впечатления, и из этого ничего не вышло. С другой стороны, когда один из руководителей Главного имперского управления безопасности (РСХА) Вальтер Шелленберг заговорил о возможности американского присутствия в Европе, шеф люфтваффе посоветовал ему обратиться к психиатру.

После войны Шелленберг утверждал, что в Германии очень опасались проникновения американских шпионов в ряды военной разведки европейских стран. Он приводил в пример адмирала Канариса, шефа военной контрразведки, который «постоянно говорил об этом». Йодль после войны тоже утверждал, что «Америка долгое время занимала особое положение», но ни в его дневнике, ни в его стратегических предложениях об этом ничего не говорится.

В других военных источниках Америка упоминается очень редко. Во время сделки с эсминцами Гальдер записал в дневнике, что «стремление Америки купить Британию становится все более очевидным». Он записал также несколько замечаний, о которых мы поговорим позже, о том, что договор оси был направлен против США. В том же самом месяце, августе 1940 года, высшее командование армии сделало запрос руководству военно-морского флота, существует ли опасность высадки американских войск в Западной Африке, а в мае 1941 года, в связи с разработкой планов операции «Изабелла» (оккупации Португалии), в директиве ОКВ упоминался возможный захват Испании британскими войсками для того, чтобы компенсировать потери на Балканах и создать «США благоприятные условия для вступления в войну». Генерал Варлимонт, заместитель генерала Йодля в ОКВ, безуспешно пытался в ноябре 1940 года развивать франко-немецкое военное сотрудничество, надеясь избежать войны с Россией и «повлиять на Соединенные Штаты в нашу пользу». Но все эти отрывочные, случайные упоминания Америки только лишней раз подчеркивают, что США в 1941 году не являлись фактором немецкой сухопутной и воздушной страте-

гии на Европейском континенте. Полковник Хоссбах, вспоминая более важные совещания, на которых Гитлер обсуждал с военным командованием долгосрочные планы, подтверждает: на них не было произнесено «ни одного слова о реальной военной и политической ситуации в Соединенных Штатах и об их намерениях».

Однако был один генерал, который с самого начала хорошо понимал, какую опасность представляет для Германии Америка. Это был Людвиг Бек, руководивший Генеральным штабом армии до своей отставки, в 1938 году. Выступая против планов решения судетского вопроса силой, Бек весной и летом 1938 года написал несколько очень резких и пессимистических по тону меморандумов, в которых предсказывал, что если Германия пойдет по пути «национал-социалистических авантюр», то ее ждут неисчислимыя беды. Главным в мрачном анализе Бека было предположение о том, что в случае нападения на Чехословакию против Германии выступят не только Англия и Франция, но и Америка. Он также утверждал, что США уже сейчас являются членом потенциальной антигерманской коалиции. 5 мая в записке, озаглавленной «Наблюдения по поводу современного военного и политического положения Германии», он напоминал, что во время прошлой мировой войны Америка служила для Англии и Франции базой снабжения, и выражал сомнения в том, что Германия сможет выдержать длительную войну, даже если роль США ограничится только снабжением ее врагов сырьем и продовольствием.

Три недели спустя Бек выразился еще откровеннее. «Германии, — писал он, — противостоит сегодня коалиция Чехословакии, Франции, Англии и Америки, и сотрудничество этих стран уже сейчас гораздо более тесное, чем в 1914 году». В своем «завещании» в июле и августе Бек снова вернулся к этой теме. Америка уже сейчас является поставщиком определенных видов вооружения для Англии. Он предсказывал, что США в случае войны будут поставлять в Англию все, что ей будет нужно, дополнив экономическую помощь пропагандистской и политической поддержкой. Американское общественное

мнение уже подготовлено к этому, предупреждал он, а экономика страны сейчас в двадцать раз мощнее, чем в 1914 году. В заключение он писал:

«Если Америка бросит весь свой огромный военный потенциал на чашу весов Англии и Франции (что, к сожалению, вполне возможно), то военная мощь, направленная против Германии, особенно в случае длительной войны, возрастет в такой мере, что Германии нечего будет ей противопоставить».

Мы не знаем, читал ли Гитлер все эти записки целиком, хотя он конечно же знал о точке зрения Бека. Однако фюрер не ценил ни самого Бека, ни его мнение и на совещании 10 августа 1938 года дал ясно понять своим военным советникам, что, невзирая на пораженческие настроения Генерального штаба, он будет осуществлять свои планы. Об Америке не было сказано ни слова, а неделю спустя последовала отставка Бека¹.

Легко понять, почему Америка так редко учитывалась в континентальных планах рейха. Мы уже говорили о том, что Гитлер испытывал глубочайшее презрение к американским военным и полностью разделял взгляды Беттихера на военную промышленность США. Ранее мы уже видели, что Гитлер с течением времени стал рассматривать вступление Америки в Первую мировую войну как фарс, перевооружение американской армии как «чистой воды надувательство», а сведения об объемах производства «гигантским преувеличением». По мере того как Германия усиливала свою континентальную крепость, Гитлер стал считать военное вторжение Америки в Европу совершенно невозможным, и, по его мнению, без своего военного присутствия США не могли играть в Европе никакой роли. Существует масса доказательств того, что взгляды фюрера разделяли и высшие руководители нацистской партии. Министр иностранных дел заявил в ноябре 1940 года Молотову, что вступление Америки в войну «не имеет для Германии никакого значения», по-

---

¹ Гитлер очень редко принимал Бека, и контакта между ними не было. Бек в июле 1944 года принял участие в заговоре против Гитлера и после его провала покончил жизнь самоубийством.

скольку «Германия и Италия никогда не позволят англосаксам высадиться на европейском берегу». Таким образом, любая попытка вторжения с самого начала была обречена на провал. Американскому посетителю Риббентроп охарактеризовал американское вторжение в Европу как «комедийную катастрофу», как «совершенно смешотворное», «абсолютно безумное» предприятие. Геббельс, Гесс и другие высказывали аналогичное мнение¹.

Поэтому трудно избавиться от мысли, что, хотя в Берлине и признавали влияние Америки на Европейский континент, важным политическим и военным фактором его не считали. При составлении своих планов немецкие политики и военные могли учитывать Америку при определении сроков своих действий или ссылаться на ее пример, но она всегда являлась для них второстепенным фактором. Только тогда, когда континентальные операции стали зависеть от положения дел на море, а также из соображений помощи своему союзнику на Дальнем Востоке, Гитлер начал, и то против своей воли, оглядываться на Соединенные Штаты.

Что касается Европы, то, когда, несмотря на уверенность Гитлера, Америка все же вступила в войну, в ОКВ все оказались в полной растерянности, что, впрочем, вовсе не удивительно. На следующий день после нападения японцев на Пёрл-Харбор генерал Йодль позвонил своему заместителю Варлимонту и потребовал у него информацию о том, какова вероятность американского вмешательства в европейскую войну. Варлимонт ответил, что «мы до этого никогда даже не рассматривали возможности войны с Соединенными Штатами и поэтому не имеем никаких данных, на основе которых можно было бы составить подобный прогноз». Ответ Йодля («попробуйте все-таки что-нибудь сделать») породил у Варлимонта такой комментарий: «Только после этого, и никак не раньше, начали мы разрабатывать стратегию немецких действий против Америки».

---

¹ Японцы были убеждены, что немцы совершенно не опасались вступления в войну Америки.

Глава 9

ГИТЛЕР И НЕМЕЦКИЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ

Европейский конфликт за годы, прошедшие с момента вторжения немцев в Польшу до нападения японцев на Пёрл-Харбор, перерос постепенно в мировую войну. Гитлер не смог ограничить боевые операции знакомым ему театром военных действий. Главной причиной того, что война перекинулась на те районы, которые он очень плохо знал — Атлантический океан и Дальний Восток, — стало вступление в нее Америки.

Политика Германии в отношении США и ее военно-морская политика с 1939 по 1941 год представляет собой борьбу Гитлера за то, чтобы избежать осложнений, которые принес бы с собой столь неожиданный поворот событий. Он был уверен, что битва за Атлантику — это всего лишь операция сдерживания, в то время как на самом деле она стала главной ареной боевых действий, в чем безуспешно пытались убедить фюрера его же собственные адмиралы.

Для характеристики фона, на котором разворачивались все эти события, мы должны кратко рассмотреть три основных фактора, действовавшие в годы, предшествовавшие началу мировой войны: личное отношение Гитлера к военно-морскому флоту, немецкую морскую традицию, которую унаследовал фюрер, придя к власти, а также планы и подготовительные меры, осуществленные военно-морским флотом Германии к 1939 году.

Гитлер, как мы уже писали раньше, не был поклонником военного флота. Он считал старый флот открытого моря, воевавший в Первую мировую войну, «парадным соединением», «романтической игрушкой» и «мишенью для вражеских артиллерийских учений». Его боязнь моря и дискомфорт, который он испытывал, когда при нем говорили о морской политике, отмечал не только Ганфштенгль. Командующий подводным флотом Германии Карл Дёниц писал, что «для Гитлера война на море была чем-то страшным и непонятным». А фюрер сам однажды признался: «На суше — я герой, на море — я трус».

Гитлер считал, что роль флота — вспомогательная и заключается в поддержке операций на суше. Впервые встретившись с командующим немецким флотом адмиралом Эрихом Редером, он дал ему ясно понять это. «Роль флота, — заявил Гитлер Редеру, — заключается в рамках его ответственности перед европейской континентальной политикой». Семь лет спустя он придерживался той же точки зрения и на совещании руководителей флота заявил, что «только решение всех наших проблем на суше позволит нам выполнить свои задачи в воздухе и на море». Эту точку зрения не следует считать сбалансированным взглядом на взаимоотношения между сухопутными и морскими силами. Адмирал Редер писал, а другие поддерживали его мнение, что Гитлер «плохо понимал опосредованный характер воздействия морских сил и то давление, которое он мог оказать на врага на суше в случае благоприятного географического положения». Гитлера, по словам адмирала, интересовало только одно: «сравнительные данные о скорости, размерах, вооружении и огневой мощи кораблей». На основе этого он и делал свои теоретические заключения. Он совершенно не понимал таких элементов морской стратегии, как наличие базы флота, зависимость от доступности портов, от союзников и географического положения».

Однако не следует думать, что Гитлер совсем ничего не знал о морском флоте и не разбирался в морской тактике. Он проявлял большой интерес к техническому оснащению кораблей, понимал значение морской блокады, а отдельные критические высказывания фюрера по поводу чрезмерного увлечения коммерческим рейдерством являются весьма дельными. Дело заключается в том, что он часто не был способен понять роли морского флота, проблем, стоящих перед его адмиралами, или проявить стойкий интерес к условиям функционирования своего флота и его возможностям. Он искренне признавался Дёницу, что не имеет «общего представления об этих вещах и чувствует себя в этих вопросах неуверенно».

Следует также отметить, что интерес Гитлера к флоту, и без того не слишком большой, в различное время то уси-

ливался, то опять ослабевал, в зависимости от того, с кем он готовился воевать. Пока целью его завоеваний были Франция и Советский Союз, он мог позволить себе не обращать внимания на флот и следовать своим континентальным устремлениям. Когда же в 1938 году Гитлер понял, что его врагом стала Англия, он вынужден был признать, что война с ней означает войну на море. То, что он понял это, мы докажем чуть позже.

Безразличие Гитлера к морскому флоту частично происходило из его огромного интереса к картам. Даже случайный взгляд на положение Германии на карте подскажет любому человеку, что военно-морские амбиции немцев лишены всякой почвы, и Гитлер, как мы знаем, не имел подобных амбиций. Адмирал Редер был не первым человеком, кто заметил, что природа дала Англии огромные преимущества перед Германией для развития флота. «Не сделав ни единого выстрела, — писал Редер, — она отрезала нас почти полностью от всех наших морских коммуникаций». Но, несмотря на это, а может быть, благодаря тому, что немецкий военно-морской флот был несколько искусственным образованием, немцы уделяли ему очень много внимания.

Стратегическое наследие, которое деятели прошлого передали гитлеровским флотоводцам, было противоречивым и не совсем ясным. Мечты о превращении Германии в могучую морскую державу, способную использовать свой флот в стратегических операциях, в ходе которых он мог бы навязывать свою инициативу врагу и добиваться полного господства на море, разбивались о географическую реальность и численное превосходство британского флота. Сам адмирал фон Тирпиц, главная фигура, ассоциирующаяся с океанскими амбициями Германии в эпоху императора Вильгельма, оказался вовлеченным в военно-морское соперничество с Англией, в котором он не мог победить. Поэтому ему пришлось умерить свои аппетиты и ограничиться флотом, способным нанести достаточно мощный удар по врагу для того, чтобы предотвратить нападение, продемонстрировав, что победа достанется ценой невозполнимых потерь. Это была так называемая «теория риска»: сред-

ство предотвращения войны политическим путем, которую нельзя выиграть из-за недостатка сил.

Опыт Первой мировой войны не помог прояснить ситуацию и создать фундаментальную стратегическую теорию на будущее. Впрочем, в 20-х годах в кругах военных моряков усиленно критиковали и изучали все эти проблемы. Были выдвинуты предложения резкого сокращения сферы деятельности флота и отказа от доктрины стратегических ударов немецкого флота в открытом море. В 1926 году появился меморандум капитана Вегенера, который предлагал вместо этого привести первоначальные амбициозные планы Тирпица в соответствие с требованиями сегодняшнего дня. Критикуя операции немецкого военно-морского флота в Первую мировую войну, Вегенер назвал свою теорию господства на море «господством на коммуникациях». Один из авторов уверяет нас, что книга Вегенера была «военно-морской библией» Гитлера, а сам Вегенер сделался его неофициальным тайным советчиком в делах флота.

Гитлер остановился на этой идее, но среди теоретиков флота разрабатывалась совершенно новая концепция будущих немецких ВМС. В 30-х годах предлагалось вообще отказаться от идеи флота как военного соединения и превратить все его корабли в коммерческие рейдеры. Сторонником этой концепции был капитан Вальдейер-Гарц. В своей статье «Флот будущего», опубликованной в 1936 году, он предлагал отказаться от идеи господства на коммуникациях и заняться экономической войной, которая должна стать основой современной военно-морской стратегии. Он предсказывал, что в будущем главная задача немецкого флота будет заключаться в нападении на торговые суда противника и защите своих, а не в полном уничтожении вражеского военно-морского флота. Это потребует широкого рассредоточения кораблей немецкого ВМФ на торговых линиях семи морей, в результате чего различия между торговым и военным судном должны будут исчезнуть.

В 30-х годах эта концепция, очевидно, пользовалась большой популярностью у верховного командования ВМФ. Адмирал Ассман, официальный историк верховно-

го командования флота (ОКМ), к примеру, настаивал на том, что надо, наконец, признать, что господство на море принадлежит Англии, и свести все военно-морские операции к стремлению потопить как можно больше торговых судов (война тоннажа). Именно в ходе осуществления торговой войны, начавшейся после 1939 года, немецкой военно-морской политике пришлось учитывать роль США. Однако, как мы убедимся позже, Гитлер не разделял взглядов ОКМ на политику в Атлантике, и корень этих разногласий лежит, вероятно, в неспособности фюрера до конца понять взгляды своих адмиралов на военно-морское будущее Германии. В свете этого можно предположить, что, несмотря на то что Гитлер признавал британское господство на море, подобный ограниченный, коммерческий взгляд не был близок его стратегическому мышлению. Скорее всего, подчинение военных задач экономическим, отсутствие в планах ОКМ решающих битв или крупных ударов по флоту врага, а также ограничение действий флота одной лишь поддержкой операций на суше имели в глазах фюрера весьма сомнительный характер. Но самое главное то, что все эти концепции появились на фоне глубокого безразличия Гитлера к флоту, и его интересы распространялись на более крупные и важные цели. Для его адмиралов эти идеи конечно же имели более важное значение.

Военно-морская политика Германии в период с 1933 по 1939 год основывалась на ожиданиях, связанных с англо-немецкими отношениями. Согласно Редеру, Гитлер в 1933 году выразил свое искреннее желание избегать «осложнений с Англией». Поэтому развитие флота определялось не идеей соперничества с Британией, а лишь тем объемом, «которого требовала континентальная европейская политика». Стремление Гитлера достичь соглашения с Англией путем признания ее превосходства на море нашло яркое отражение в англо-немецком военно-морском договоре 1935 года, по которому размер немецкого ВМФ должен был быть равен одной трети британского флота, а в июле 1937 года были приняты и качественные ограничения.

Нет сомнений в том, что Гитлер придавал этим соглашениям очень большое значение, а все возражения со стороны руководства флота отменялись им под предлогом того, что понимание между Англией и Германией важнее флотских амбиций.

И хотя Гитлер уже с ноября 1937 года включил Англию в число «ненавистных противников Германии», он в том же 1937 году подтвердил свое твердое намерение жить в мире с Италией, Японией и Англией и продолжал заявлять, что в намерения Германии не входит «оспаривать положение Англии на морях, соответствующее ее мировым интересам». Поэтому следует отметить, что до мая 1938 года планы военно-морского командования строились на основе предполагаемого столкновения с Францией, Россией и Чехословакией и главной задачей считалось строительство флота в пределах тех ограничений, которые предусматривались двумя договорами с Англией. Однако после «кризиса в выходные дни» в мае 1938 года, во время которого Гитлер почувствовал себя униженным чехами и англичанами, предпринявшими демарш в их защиту, он объявил о своем намерении «сокрушить» Чехословакию. Вероятно, именно после этого кризиса Гитлер в душе изменил свое отношение к Англии, что, в свою очередь, отразилось на немецком флоте.

Верховному командованию военно-морского флота (ОКМ) было приказано разработать план строительства такого флота, который был необходим для изменившейся внешней политики Германии. Внимание теперь переключалось с небольшого флота для специализированных рейдовых операций на сбалансированный флот, способный решать стратегические задачи, но создать который можно было только в течение нескольких лет. Редер в своих мемуарах пишет, что Гитлер «заверил меня, что флот потребуются ему не раньше, чем в 1944 году» и что фюрер «и предположить не мог», что очень скоро Германии придется воевать с Англией. Когда в апреле 1938 года был заложен линкор «Тирпиц», Гитлер еще раз заверил Редера в том, что немецкому флоту не придется воевать с английским. В своих показаниях на Нюрнбергском процессе Редер утверж-

дал, что эта же мысль была повторена и 22 августа 1939 года. Дёниц подтвердил высказывание Редера о том, что немецкому флоту не сообщили, кто станет его противником¹.

Тем не менее командование флота к тому времени уже думало о том, что в конце концов ему придется столкнуться с Англией. В марте 1938 года Редер в речи перед немецкими судостроителями, произнесенной по поводу новой программы флота, заявил, что ее цель — создать «необходимые мощные средства, в которых он [Гитлер] нуждается для выполнения своих внешнеполитических задач». Он назвал главными противниками Францию и Англию и упомянул, что Россия и «большое число заморских государств» (Соединенные Штаты?) тоже могут быть вовлечены в военные действия.

С такими врагами у руководства немецкого флота не могло быть иллюзий о том, каков был бы результат новой Ютландской битвы, если бы она состоялась в ближайшее время. Это обстоятельство и породило увлечение концепцией капитана Вальдейер-Гарца о господстве на коммуникациях. Редеру нужен был временный флот, который нападал бы на британские коммуникации — это могли делать как надводные корабли, так и подводные лодки, заставляя врага распылять свои силы. Но он был заинтересован и в создании сбалансированного военно-морского флота, который в конечном счете мог бы потягаться силами с самим британским флотом. Находясь в плену иллюзий, что до 1944 года еще далеко, Редер и его коллеги разработали план «Зебра», или План-З строительства флота, способного не только вести войну на коммуникациях и завоевать господство на море, но и стать «действующим флотом». Крупные корабли, включая авианосцы и особенно карманные линкоры, поддерживаемые крейсерами и эсминцами, а также подводными лодками, должны были обеспечить к 1945 году полномасштабную воздушную, надводную и подводную войну против британских коммерческих судов, а также

---

¹ И все это утверждалось, несмотря на то что тон речи, которую Гитлер произнес по случаю закладки линкора, был настолько воинственным, что фюрер в последний момент сам велел отменить ее трансляцию по радио.

проведение диверсионных операций против британского военного флота. В октябре 1938 года Гитлер потребовал от Редера, чтобы «каждый корабль, построенный нами, был сильнее соответствующего ему английского корабля».

В январе 1939 года Гитлер одобрил план Редера, но отверг его предложение по немедленному усилению флота на случай, если война разразится раньше, чем они рассчитывают¹.

Тем не менее к тому времени флот занимал уже большое место в расчетах Гитлера. В меморандуме, составленном для комиссара, отвечавшего за выполнение четырехлетнего плана, фюрер потребовал, чтобы «расширение флота, о котором я распорядился, стало приоритетным направлением среди всех прочих, включая и вооружение двух других родов войск вермахта». Следующий шаг был сделан в апреле 1939 года, когда Гитлер отказался выполнять условия англо-немецкого военно-морского договора, отвечая на требования Рузвельта предоставить гарантии, что Германия не будет совершать новых актов агрессии. В том же апреле, одновременно с составлением плана «Белое дело» (ликвидации Польши), флоту было приказано подготовиться к возможным действиям против британских судов. Впрочем, Редера это не сильно встревожило. В меморандуме, составленном в следующем месяце, он писал, что это была предосторожность, которую «ни в коем случае не следует считать предвестницей вооруженного столкновения с оппонентом на Западе».

Тем не менее флот начал свое развертывание, и министерство иностранных дел было очень встревожено (причем не в последний раз) тем, что ОКМ готовилось к проведению неограниченной подводной войны после начала боевых действий. На главных британских морских путях должны были действовать субмарины, а карманные линкоры предполагалось использовать для нанесения независимых друг от друга ударов в Северной и Южной Атлантике. Остальные силы флота оставались в резерве.

---

¹ Мартиенсен высказал предположение, что Гитлер относился к Редеру как к простому техническому советнику.

4 августа были изданы оперативные приказы, которые содержали анализ политической ситуации, составленный ОКМ: в случае войны Англия и Франция станут противниками Германии, какую позицию займет СССР, неизвестно, и только Испания и Япония будут относиться к Германии благожелательно. Об Америке не упоминалось вообще. В случае войны предлагалось по возможности избегать контактов с военными кораблями противника. Что касается нарушения коммуникаций и уничтожения вражеских торговых кораблей, то этого надо было добиваться любыми возможными средствами, соблюдая, однако, закон о призах и уважение к нейтральным странам. Эти общие принципы были подтверждены в директиве № 1 от 31 августа, и цель Плана-3 была официально изменена — в течение шести—восьми лет флот должен был превратиться в мобильную ударную силу. В настоящее время он должен был оказывать поддержку немецкой военной операции в Польше и защищать побережье Германии.

Мы не знаем, были ли Редер и его коллеги сильно удивлены, когда разразилась война, но нет никаких сомнений в том, что немецкий флот в сентябре 1939 года был совершенно не готов к выполнению поставленных перед ним задач и что высшее морское командование охватило уныние. «Подводный флот еще слишком слаб, чтобы оказать решающее влияние на ход войны. Надводный флот может только показать, что немецкие моряки знают, как умереть с честью»¹.

Неготовность флота к войне объяснялась ограничениями Версальского договора, скромными возможностями немецких верфей, а также тем, что на создание армии требуется гораздо меньше времени, а Гитлер торопился начать войну. Однако главная причина, вероятно, заключается в том, что Гитлера интересовали только операции на

---

¹ Однако у нас нет никаких доказательств того, что командование флотом представляло Гитлеру ситуацию в столь мрачных, пессимистичных тонах. На 1 сентября 1939 г. немецкий флот имел два старых линкора, три линейных крейсера, три карманных линкора, восемь крейсеров, двадцать два эсминца и пятьдесят семь подводных лодок, из которых значительное число было непригодно для плавания в открытом море.

суше и он сделал создание флота приоритетным направлением развития только перед самым началом войны.

Следует отметить, что в немецком довоенном военноморском планировании США вообще отсутствуют. Что бы ни думали по этому поводу немецкие адмиралы, в меморандумах, планах и директивах, посвященных вопросам флота, Америка как возможный противник никогда не упоминалась, за исключением весьма туманной ссылки Редера на «большое число заморских государств» в речи, произнесенной им в 1938 году перед кораблестроителями. А между тем в плане рассредоточенной атаки на коммуникационные линии дальнего фланга Британии, который Гитлер своим поспешным развязыванием войны навязал флоту, таилась опасность конфликта с Америкой на просторах Атлантического океана. После того как Британия решила продолжать сражаться, надежды на то, что с ней можно будет договориться и тем самым быстро завершить войну, рухнули. И теперь уже ни предпочтение, отдаваемое Гитлером сухопутным войскам, ни его нежелание принимать во внимание военно-морской фактор, а также страны, находящиеся за пределами Европы, не могли спасти его от столкновения с державой, которую он раньше сбрасывал со счетов, в тех условиях и регионах мира, которые его совершенно не привлекали.

Глава 10

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И НЕМЕЦКАЯ ВОЕННО-МОРСКАЯ ПОЛИТИКА

Сухопутные предрассудки Гитлера, сыгравшие свою роль в неготовности флота к войне, сохранились и после ее начала — он уделял почти все свое внимание операциям на континенте и нуждам армии и авиации, с помощью которых надеялся добиться победы. В своем стремлении уступить Британии господство на море в качестве желаемого дополнения к немецкой мощи на суше Гитлер не мог понять, как указывал Хинсли, одной простой вещи — именно сильный морской флот помог бы ему установить

господство в Европе, о котором он так мечтал. Тем не менее устойчивые предрассудки Гитлера в отношении флота усиливались теперь еще одним фактором, из-за которого он вынужден был сдерживать пыл своих адмиралов. Этим новым фактором стали Соединенные Штаты.

Обычное представление об осторожном Генеральном штабе, прилагающем все усилия, чтобы сдерживать импульсивные порывы фюрера, совершенно не подходит для характеристики его отношений с адмиралами, как во всей военно-морской политике в целом, так и в политике в отношении США. В этом случае наблюдалась совершенно противоположная картина: умеренный, колеблющийся фюрер был так не похож на вояку, рвущегося в бой, каким его знали в Германии, особенно в свете его хорошо известного пренебрежения к американской мощи. Однако мы вернемся к этой проблеме в конце нашего описания битвы за Атлантику.

Несмотря на все послевоенные заявления немецких адмиралов о том, что у них не было никакого намерения втягивать США в конфликт, стенограммы совещаний фюрера по делам флота, меморандумы самих адмиралов и дневники военных моряков свидетельствуют об обратном — ОКМ всячески стремилось устранить все ограничения, наложенные на военно-морские операции, и добиться разрешения освободить моря от коммерческого судоходства союзников. Защищая этот курс, военно-морские советники Гитлера демонстрировали законную обеспокоенность действиями Америки и настаивали на проведении политики, которая на самом деле привела бы к немедленному вступлению в бой ВМС США.

Реакция Гитлера на эти просьбы (и здесь его полностью поддерживало министерство иностранных дел) заключалась в том, что он либо сразу же отвергал то или иное предложение, либо откладывал свое решение, либо шел на незначительные уступки. Он оправдывал свою осторожность общими соображениями о том, что в первую очередь надо обеспечить безопасность на континенте, а также постоянными ссылками на угрозу со стороны Америки. Яростнее всего Гитлер отвергал именно те предложения ОКМ,

которые в чем-то могли ущемить интересы США. Однако из этого вовсе не следует, что осторожность фюрера вытекала из реалистичной оценки фактов, которую он противопоставлял безрассудности своих адмиралов. Решения Гитлера могли основываться на его безразличии или неуверенности в том, как лучше поступить. Вполне возможно, что неограниченная, полномасштабная война против британского торгового флота, начатая с самого начала, как и предлагали немецкие адмиралы, привела бы к быстрой капитуляции Британии и тем самым устранила бы единственную реальную причину для вторжения Америки на континент. Все дело заключалось в том, что в военно-морской политике не было единодушия — между ОКМ, с одной стороны, и Гитлером и министерством иностранных дел, с другой, существовали разногласия, главной причиной которых как раз и были Соединенные Штаты.

Эти разногласия в военно-морской политике, а также превращение Соединенных Штатов в важный фактор этой политики стали особенно заметны в последние месяцы 1939 года. Менее чем через неделю после начала войны Гитлер и его советники пришли к соглашению, что, поскольку Америка является нейтральной («по крайней мере, внешне»), следует проводить политику ограничений до тех пор, пока ситуация не прояснится. Эти ограничения включали в себя отзыв ряда субмарин, запрещение атаковать пассажирские корабли Франции. Однако к 23 сентября Редер потерял всякое терпение. Он заявил, что необходимо постепенно отказываться от ограничений, делая это незаметно. Он особенно настаивал на отмене приказов, запрещавших атаковать британские и французские суда, а также требовал увеличить производство подводных лодок. Гитлер согласился с рядом высказанных им предложений, и в конце сентября появились директивы, дававшие кораблям немецкого флота больше свободы в нападении на корабли союзников, хотя по-прежнему запрещалось атаковать пассажирские суда и суда нейтральных стран¹.

---

¹ Одновременно с этим в директиве № 6 от 9 октября 1939 г. говорилось о подчинении задач флота задачам других родов войск.

Министерство иностранных дел было недовольно перспективой усиления войны на море, и причиной этого беспокойства были Соединенные Штаты. В меморандуме ОКМ от 7 сентября Верман из политического отдела писал, что суда нейтральных стран должны предупреждаться о переговорах по радио, тактике отступления и о кораблях, идущих без огней, и что операции в море должны быть ограничены, чтобы «американцы не могли заявить, что мы воюем с ними». Верман предлагал избегать «грубых» маневров подводных лодок до тех пор, пока не прояснится американское законодательство о нейтралитете и не будет определено, имеют ли американские пассажиры право находиться на борту тех судов, которые могут подвергнуться нападению.

Однако предупреждения, поступившие с Вильгельмштрассе, совсем не отвечали намерениям ОКМ. К октябрю Редер был готов устранить все ограничения в отношении английских судов. Он настаивал, чтобы Гитлер разрешил флоту приступить к боевым действиям максимальной интенсивности. Даже угроза вступления в войну Америки, в чем Редер не сомневался, если война затянется, не должна была ограничивать действия военного флота Германии, поскольку они только затянут конфликт. В стенограмме было отмечено, что Гитлер «полностью согласился с этим». Однако, когда дело дошло до конкретных решений, таких как объявление первоочередной задачей строительство подводных лодок, Гитлер тут же пошел на попятную, пообещав рассмотреть этот вопрос позже.

Министерство иностранных дел снова встревожилось. Вайцеккер напомнил Риббентропу, что решение о начале неограниченной подводной войны было не только военным, но и политическим. Государственный секретарь спрашивал, стоит ли обзаводиться новыми противниками в войне, не имея еще достаточного числа подводных лодок, чтобы поставить Англию на колени. Он хотел, чтобы министр иностранных дел был лучше информирован в военно-морских делах. Риббентроп сам 27 декабря поднял вопрос о нейтралах и войне на море. Он считал, что потопление американских судов и судов других нейтральных

стран будет иметь такие политические последствия, что он решил сам сообщить об этом Гитлеру, а также «об общих проблемах усиления войны на море».

Поняв, что в несговорчивости Гитлера по этому вопросу виноваты США, Редер 10 ноября передал ему меморандум, в котором объяснил, какой точки зрения придерживается ОКМ в отношении Америки. Назвав законы о нейтралитете «ловким прикрытием самого воинственного из американских президентов», Редер соглашался с тем, что действия флота не должны дать Рузвельту повода для нарушения этих законов. Однако командование флота было уверено, что война с Британией в Атлантике может быть усилена и без провоцирования Соединенных Штатов, хотя конечную стадию этого усиления можно отложить до того момента, когда немецкий флот станет достаточно сильным, чтобы не бояться вмешательства США. На Гитлера этот меморандум не произвел особого впечатления, ибо, хотя ноябрьские директивы и предоставили флоту больше свободы, в них подчеркивалось, что права нейтралов (и среди них особенно подчеркивались США) должны строго соблюдаться. Последнее совещание 1939 года оставило вопрос нерешенным. Попытки Редера заставить Гитлера выступить с заявлением о том, что если Британия будет нарушать международное право, то Германия ответит на это потоплением всех судов, которые окажутся в районе боевых действий, были безоговорочно отвергнуты. Как записал Йодль в своем дневнике 30 декабря 1939 года, «суда нейтральных стран, которые будут вести себя корректно и идти без конвоя, трогать запрещалось».

На немецкую военно-морскую политику большое влияние оказывало беспокойство Гитлера по поводу Великобритании, что неизбежно привело его к проблеме Соединенных Штатов, которые, как он теперь считал, виноваты в отказе англичан подчиниться его воле. Гитлер никак не мог понять, почему британцы продолжают воевать, хотя надежды на победу у них нет, но при этом он не хотел использовать свой флот на полную мощь, чтобы заста-

вить их это понять. Отсюда и смятение фюрера по поводу битвы в Атлантике и вторжения в Англию (операция «Морской лев»), и утерянные возможности в Дюнкерке, и постоянный поиск более подходящих континентальных альтернатив (захват Норвегии и Франции, планы нападения на Гибралтар и СССР). Желая добиться быстрого решения всех своих проблем, но не желая спустить с поводка флот, который помог бы ему достичь этого решения, Гитлер в 1940 году внес пораженческие настроения в немецкую военно-морскую политику.

Эта политика развивалась в условиях постоянного давления со стороны ОКМ, стремившегося освободиться от пут континентальных устремлений, и все более увеличивающегося беспокойства по поводу американской политики. Интерес США к Средиземноморью и Африке, неудобства, вызванные созданием панамериканской зоны безопасности, а также помощь Англии (особенно сделка с эсминцами и провозглашение ленд-лиза), которые, по мнению руководства флота, могли стать решающими факторами в длительной войне, — все эти проблемы были порождены Америкой. Они постоянно упоминались в меморандумах ОКМ, о них постоянно говорилось Гитлеру в надежде, что он разрешит начать неограниченную морскую войну. Но Гитлер и слышать об этом не хотел.

В январе Редер написал Гитлеру об этих проблемах. Он критиковал высшее командование вооруженных сил (ОКВ) за то, что оно придает слишком большое значение «континентальной идее», и требовал, чтобы люфтваффе оказывало военно-морским операциям более мощную поддержку. Редер настаивал, что главным врагом Германии является Британия, и жаловался, что руки флота связаны недостатком техники и личного состава, поскольку главной целью немецкой промышленности было производство вооружения для других родов войск, а пополнение тоже шло в первую очередь туда. Отмечалось, что Гитлера все это «нисколько не тронуло». Он просто еще раз повторил, что намерен сначала обеспечить завоевание континента, и выдвинул аргументы в пользу того, чтобы все ресурсы направлялись на достижение этой цели. Редеру

пришлось уступить, но через месяц он обратился с просьбой, чтобы флоту разрешили хотя бы открывать огонь по судам, идущим в американских водах без огней, и проводить операции в территориальных водах Галифакса. Но фюрер отверг и эти просьбы, объяснив это тем, что они произведут неблагоприятный «психологический эффект на США». Когда же Гитлер отверг предложения послать подводные лодки в Средиземное море, Редер в огорчении назвал результаты совещания как «самое настоящее отступление» и сообщил американскому военному атташе в Берлине, что немецкий флот получил приказ избегать любых контактов с американскими судами.

То, что Редер не преуспел в своих попытках заставить Гитлера обратить более пристальное внимание на флот, подтверждают планы операций на Западе («Желтое дело»), которые разрабатывались весной 1940 года. Из них хорошо видно, что в сухопутных и воздушных операциях флоту отводилась второстепенная роль. В связи с этим снова возникли разногласия между военно-морским флотом и авиацией по поводу того, какие страны следует оккупировать (руководство ВМС возражало против вторжения в Центральную Европу и предлагало создать базы для подводных лодок на западном побережье Франции и Норвегии) и какую тактику использовать¹.

Фактор Соединенных Штатов присутствовал даже в этих тактических спорах. На совещании 7 мая Гитлер встал на сторону руководства люфтваффе, которое считало, что линкоры беспомощны против воздушных атак, поскольку чувствовал, что гибель линкоров «может повлиять на планы США». Впрочем, флоту обещали дать большую свободу действий, а в июне Гитлер заверил своих адмиралов, что после падения Франции флоту будет уделяться первостепенное внимание. Но этот счастливый для флота день так и не наступил — сначала надо было подчинить себе Францию, а потом, как мы увидим, всю Европу, включая Россию.

---

¹ В частности, командование ВМФ предлагало создать минные поля, провести боевые операции в проливе, захватить острова и разрушить коммуникации в Ла-Манше.

Тем временем в Норвежской кампании Гитлер использовал флот для поддержки вторжения. Однако руководству ВМС пришлось преодолеть нежелание фюрера положиться на флот для достижения своей цели. Как свидетельствовал один из его военно-морских советников, «провести операцию, преодолев такое большое водное пространство, было для него очень странным». Однако после этого Норвегия стала для Гитлера навязчивой идеей — он стал опасаться, что англо-американские войска изберут ее местом своего вторжения. И задачей номер один для флота стала теперь охрана Норвегии, а Северная Африка и Атлантика отодвинулись на второй план.

В июне и июле в штабе ВМФ занимались подготовкой операции вторжения в Англию, которая получила название «Морской лев». Но в этом случае неуверенность Гитлера дополнялась неуверенностью его советников. Гитлеру не нравилась сама идея столь крупной военно-морской операции, а его адмиралы растерялись перед обилием технических деталей, которые надо было предусмотреть. Гитлер согласился на проведение этой операции, только убедившись, что это самый лучший способ достижения победы над Англией, о которой он так мечтал. Но даже в операции «Морской лев» флоту, по-видимому, отводилась роль угрожающей силы или силы, наносящей завершающий удар по стране, уже обескровленной воздушными налетами¹.

При обсуждении деталей операции разногласия между Гитлером и ОКМ и ОКМ и другими родами войск еще больше усилились.

Редер опасался, что вместо вторжения будет осуществлена морская блокада Британии, поскольку задание, которое получил флот, «никоим образом не соответствовало его мощи и никак не было связано с задачами, поставленными перед армией и военно-воздушными силами». Поведение Гитлера тоже не внушало надежд — он постоянно обсуждал с представителями этих родов войск сроки операции, дату

---

¹ В директиве от 16 июля перед описанием планов оккупации Британии были вставлены слова «если потребуется».

ее начала и тип фронта, который надо было создать. К августу стало ясно, что фюрер обдумывает альтернативы для этого сомнительного предприятия, а в сентябре операция вообще была отложена на неопределенный срок. У нас нет прямых доказательств тому, что в расчетах Гитлера, связанных с операцией «Морской лев», фигурировали США, но все понимали, что надо срочно сломить сопротивление Англии до того, как американская помощь достигнет своего полного объема¹.

Впрочем, во время обсуждения альтернатив вторжению в Британию много говорилось о том, какую роль может сыграть Америка.

Когда подготовка операции «Морской лев» была прекращена и осенью 1940 года обсуждались другие варианты удара по Британии, ОКМ сосредоточил свое внимание на четырех географических регионах: Средиземноморье, Африке, испанских и португальских островах, а также Атлантике и Западном полушарии. Во всех этих регионах Америка имела определенное влияние. Гитлер не проявил равнодушия к этим вариантам, но после июля 1940 года у него появилась собственная континентальная альтернатива «Морскому льву» — операция «Барбаросса» (план вторжения в Россию). В связи с этим он планировал опереться на Францию и Испанию в Средиземноморье и ограничить немецкие договорные обязательства. Изменение приоритетов стало ясным во время его разговора с адмиралами. 9 сентября руководство флота в качестве альтернативы «Морскому льву» предлагало нанести удар по Гибралтару и Суэцу, поскольку, по мнению адмиралов, Британию надо было «изгнать из Средиземноморья». Более того, эти операции надо было разработать «до того, как вмешаются Соединенные Штаты». Это были не второстепенные операции, предупреждало ОКМ, а главный удар по Британии. Редер повторил этот

---

¹ На совещании 21 июля, посвященном обсуждению операции «Морской лев», в присутствии Гитлера было сделано замечание о том, что прежде, чем решить, как побыстрее закончить войну с Англией, надо обязательно учесть, как поведут себя в этой ситуации Советская Россия и Соединенные Штаты.

аргумент две недели спустя, когда в разговоре с Гитлером охарактеризовал Средиземноморье как «опорный пункт их империи» и подчеркнул значение немецкого удара, который надо нанести до того, как вмешается Америка¹.

В Германии хорошо понимали, что Африка, Испания и португальские острова представляют для Америки непосредственный интерес. ОКМ не исключало даже возможность американской военной операции в этом регионе. В большом меморандуме, озаглавленном «Проблема США», представленном на совещании в сентябре, ОКМ предупредило о том, что Америка может оккупировать испанские и португальские острова и британские и французские колонии в Западной Африке. В качестве превентивной меры было предложено захватить Канары и использовать французский флот для защиты французских колоний².

Редер постоянно подчеркивал решающее значение Северо-Западной Африки, он предвидел англо-американо-французское сотрудничество в этом регионе. Гитлер согласился, что и для Средиземноморья, и для Северной Африки существует опасность, но не предложил ничего иного, кроме как заключить договоры с Францией и Испанией. 20 ноября фюрер сообщил Муссолини, что его задача в Афро-Средиземноморском регионе — «выгнать британский флот из его убежища», но Редер по-прежнему был уверен, что Германия делает большую ошибку, не принимая всерьез англосаксонского вторжения в этот регион.

Но больше всего, конечно, беспокоило ОКМ укрепление отношений между США и Англией и угроза, которую они представляли для военно-морских операций в Атлантике. Адмиралы не были уверены в том, какие цели пре-

---

¹ Редер также заявил, что итальянцы без немецкой помощи никогда не смогут овладеть Суэцким каналом и Гибралтаром.

² Эти регионы давно уже представляли большой интерес для военно-морских теоретиков Германии. Редер на совещаниях 20 июня и 11 июля 1940 г. подчеркивал значение Дакара для Гитлера. В военноморском дневнике выражалась озабоченность по поводу заинтересованности американцев в этих островах.

следует в данном случае Америка. Они полагали, что американский флот имеет экспансионистские устремления и надеется унаследовать британскую военно-морскую и имперскую мощь. Поэтому в представлении ОКМ, увеличивая свою помощь Великобритании, Соединенные Штаты могли преследовать не только свои интересы, но и надеялись создать англосаксонское господство в океане. Но каковы бы ни были цели или мотивы США, немецкие адмиралы не меньше, чем Томсен или Дикхоф, были поражены желанием Америки усилить английский флот, что особенно ярко проявилось в договоре об аренде эсминцев («акт неприкрытой враждебности по отношению к Германии»). В ОКМ росло убеждение, что английское сопротивление Германии в значительной степени базировалось на уверенности, что США не оставят Британию без поддержки. И хотя выражались сомнения в том, что Америка сможет доставить нужные Англии товары немедленно, штаб ВМС Германии охарактеризовал американскую помощь как «исключительно важный фактор» в долгосрочной перспективе, поскольку США, Великобритания и Канада все теснее сплачивались в борьбе против нацизма¹.

В декабре 1940 года адмиралтейство делало все, чтобы убедить Гитлера в том, что американская помощь Англии и перспектива ее значительного увеличения требовали, чтобы с Британией было покончено как можно скорее. С помощью решающих ударов по Англии, как было записано в одном из военных дневников, Германия сможет убедить американцев, что их помощь Британии — «никому не нужное дело». Пришло время «использовать все имеющееся под рукой оружие для того, чтобы сокрушить сопротивление британцев и заставить их запросить мира». Объявление Рузвельта о ленд-лизе, последовавшее в декабре, только подтвердило эту мысль. По мнению ОКМ, эта мера имела «далекоидущие последствия для продолжения английской борьбы», поскольку она поставила весь

---

¹ Моррисон полагает, что именно передача в аренду эсминцев убедила ОКМ в том, что Америка действительно собирается помогать Британии. Эта передача ознаменовала переход от политики нейтралитета к воинственной политике.

огромный военный потенциал Соединенных Штатов «на службу врагам Германии». Представив себе мрачную картину кораблей, продовольствия, самолетов и даже военно-морских соединений, идущих через Атлантику все более увеличивающимся потоком, немецкие адмиралы безо всяких обвиняков назвали этот шаг «вступлением в войну без тех политико-милитаристических осложнений, которое дает ее официальное объявление». ОКМ удивлялось: неужели «политическое руководство рейха не может принять хотя бы дипломатических контрмер»? Нет ничего более важного сейчас, писалось в заключение меморандума, чем пресечение поставок из Америки и скорейшее покорение Англии.

Эти мысли из военного дневника были переданы Гитлеру Редером во время последнего совещания у фюрера 27 декабря 1940 года. Предупредив, среди прочих других вещей, что с помощью Америки Англия с лихвой заменит корабли, потерянные во время ограниченных подводных операций, что объемы поставок сырья возросли «во много раз» и что производство военных самолетов в США может резко усилить воздушный флот Англии, Редер потребовал «как можно скорее» бросить против нее все силы Германии. Он заявил, что прежде, чем нападать на Россию, надо разделаться с Англией, и пожаловался, что ОКВ никак не хочет этого понять. Редер подвел четкий итог своему выступлению: «Главная наша проблема теперь — это американская помощь Британии и нехватка у нас субмарин». Гитлер снова выразил свое согласие и снова разбил все надежды Редера рассуждениями о том, что сначала надо обеспечить континентальную базу¹.

После этого он дал Редеру обещание, которое тот уже не раз слышал, что флот дождетя своего часа. Когда же Редер, находившийся, должно быть, на грани отчаяния, напомнил Гитлеру, что они вернулись к тому, с чего на-

---

¹ Сюда входило создание французских и норвежских баз, развертывание разведывательных сил и сил снабжения, а также создание трех соединений флотов под командованием с берега: Северной группы (Северная Атлантика), Западной группы (Ла-Манш и Западная Атлантика) и Группы подводного флота.

чали, фюрер отмел его слова ссылкой на какие-то «новые политические факторы». Редеру пришлось удовольствоваться теми подводными и надводными силами, которые он имел в Атлантике, и постараться выжать из них все возможное.

В конце 1940 года само Западное полушарие и вступление Америки в войну начали интересовать немецких разработчиков военно-морских операций. Особенно раздражала их панамериканская зона безопасности, создание которой было провозглашено на панамериканском конгрессе в сентябре 1939 года. Установление трехсотмильной зоны вокруг обеих Америк, в которую не допускались военные корабли, с самого начала было встречено в штыки, хотя и были изданы директивы, запрещающие вторгаться в эту зону¹.

Признав стратегическое значение Западного полушария для США, немецкие адмиралы тем не менее были встревожены тем, что район крейсерских операций значительно уменьшился, и привлекли внимание фюрера к этому вопросу на совещании 1 ноября. Они также утверждали, что, раз США уже фактически отказались от нейтралитета, который был единственным оправданием для создания зоны, немецкие надводные корабли должны получить право нападать на их суда в пределах этой зоны. Однако Гитлер отказался дать им это право, добавив, что он рассмотрит это предложение позже. В декабре 1940 года вопрос был поднят снова. Теперь уже, после сделки с эсминцами, не могло быть и речи о нейтралитете Америки, и существование зоны потеряло свое значение².

Относительно вступления Америки в войну мы говорили выше, что, по мнению немецкого военно-морского командования, отход США от политики нейтралитета за-

---

¹ Руге охарактеризовал эту зону как «нечто новое в международном праве».

² Ограничение операций крейсера «Адмирал Шеер» было вызвано требованием министерства иностранных дел. В меморандуме этого министерства отмечалось, что Редер понимал политическое значение этих ограничений, но возражал против них с военной точки зрения.

шел уже так далеко и можно было считать, что Америка уже де-факто находится в состоянии войны с Германией. Тем не менее в военный дневник за 1940 год были занесены высказывания по поводу ее официального вступления в войну. Вначале в дневнике было отражено мнение Беттихера о том, что главным препятствием для него стало влияние «Генерального штаба» Америки на политиков и неуверенность в действиях Японии, однако к августу выводы стали более мрачными: «По всем признакам США будут готовы к войне в начале 1941 года и к этому времени, если не раньше, вступят в нее».

Глава 11

ГИТЛЕР И БИТВА ЗА АТЛАНТИКУ

Бывший адмирал Вагнер, давая после войны показания в Нюрнберге, утверждал, что «все военные решения в 1941 году принимались с учетом того, какое впечатление они произведут на США». Адмирал говорил истинную правду, хотя осознание американской мощи не заставило немецкое военно-морское командование проявлять осторожность в своей политике. В течение этого года до начала военных действий ОКМ волновали те же проблемы, которые возникли еще в 1940 году. Адмиралы постоянно жаловались на споры с руководством люфтваффе и на то, что флот играет второстепенную роль, а неудачами в подводной войне флот обязан недостаточной поддержке с воздуха.

На совещаниях у фюрера и в военных дневниках все чаще упоминалось англо-американское влияние в Африке. Появление американских войск в этом регионе рассматривалось как «огромная опасность», и предлагались меры для того, чтобы не допустить этого¹.

Но совершенно очевидно, что главной мишенью войны на море был «мост», переброшенный через Атлантику, по которому в Англию шли поставки из Америки. Американ-

---

¹ На совещаниях у фюрера выражалась также определенная озабоченность судьбой французского флота.

ская оккупация Исландии, осуществление закона о ленд-лизе и приказ Рузвельта «открывать огонь при первом же появлении», — и все это на фоне постоянных столкновений между немецкими и американскими кораблями, по мнению ОКМ, уничтожило все различия между статусом Соединенных Штатов и Великобритании. Флот, как и раньше, только теперь с удвоенной силой, настаивал на отмене всех ограничений. Но все внимание Гитлера было поглощено операцией «Барбаросса», и адмиралам снова заткнули рот, дав туманное обещание разрешить неограниченную войну после разгрома Советского Союза.

Таким образом, для ОКМ главным врагом оставалась Англия, поддерживаемая Америкой. Впрочем, некоторые адмиралы считали главным врагом США. «Чем дальше, тем больше Рузвельт становится антиподом Гитлера» — так была сформулирована эта идея в военно-морском дневнике в январе 1941 года. Участие американских самолетов в воздушных налетах на Германию, ремонт британских судов в американских верфях, а также разведывательная деятельность и сообщения по радио о появлении немецких кораблей — все это свидетельствовало о военном сотрудничестве двух англосаксонских стран, об укреплении которого предупреждали не только адмиралы, но и немецкие дипломаты. Предсказывалось создание совместной англо-американской оборонительной линии от Гибралтара до Сингапура. Сотрудничество этих стран стало таким тесным к концу 1941 года, что и до и после нападения на Пёрл-Харбор военные дневники отмечали, что официальное вступление Америки в войну уже ничего не изменит.

В начале года у военно-морского руководства появилась надежда убедить в своей правоте ОКВ и самого Гитлера. В директивах говорилось о возобновлении борьбы с Англией и выражалась надежда, что «старые концепции» этой борьбы будут отброшены. Гитлер в своей директиве от 5 марта заявлял, что флот должен помочь армии и авиации «быстро завоевать Англию, чтобы удержать от вступления в вой-

ну Америку». Редер получил даже задание от Гитлера дать интервью в прессе, в котором он, помимо всего прочего, осудил политику США («адмирал Редер предупреждает американских поджигателей войны»). Но когда флот потребовал снять все ограничения в операциях против Британии, Гитлер снова стал непреклонен, потому что это могло заставить США вступить в войну. Он не собирался идти на риск и приобретать еще одного военного противника до того, как будет решена русская проблема.

Если говорить конкретно, то флот потребовал отменить неприкосновенность американских судов и разрешить немецким кораблям атаковать их в соответствии с законом о призах, а также разрешить немецким военным кораблям действовать в пределах панамериканской зоны безопасности. Вопрос о применении закона о призах был поднят в апреле, но разрешения не получил. Кроме того, вероятно, в ответ на заявление Рузвельта, последовавшее в том же месяце, о расширении зоны безопасности и мерах по усилению англо-американского сотрудничества¹ в Атлантике флот разработал ряд документов, проясняющих его позицию.

В одном из таких докладов, составленном в мае, перечислялись преимущества, которые получали американцы и англичане: американские суда на прямых торговых путях были неуязвимы и служили источником разведывательных данных для врага; британские корабли могли маскироваться под американские. Если же будет дано разрешение применять закон о призах к американским судам, то число их судов уменьшится; американский флот вынужден будет искать обходные пути и доставка грузов замедлится; американский флот не сможет обеспечить полную защиту торговых судов, а британцы не смогут больше маскироваться под американцев. Что касается моряков, то руководство немецкого флота признавало, что не может гарантировать всем сохранение жизни, но будет очень стараться. И наконец, если политическая ситуация позволит применить эту меру, то «абсолютно необходимо» разрешить флоту, по крайней

---

¹ В марте Англии были переданы катера береговой охраны.

мере, захватывать пароходы США, чтобы помешать англичанам маскироваться и продемонстрировать, что ситуация складывается очень серьезная.

Через три недели в приложении к материалам совещания у Фюрера, состоявшегося 22 мая, был подготовлен меморандум, озаглавленный «Современные проблемы ведения войны в Атлантике в свете позиций США». Назвав американскую помощь «вливанием новой крови в Англию» и «центром всей битвы за Атлантику», меморандум затем перечислял проблемы, с которыми в этих обстоятельствах столкнулся флот, добавив к перечисленным прежде усиление патрулей и превращение торговых судов в авианосцы. Руководство немецкого флота называло «непростительным» тот факт, что правительство США разрешало американским гражданам, включая женщин и детей, плавать на кораблях, несущих оружие.

В связи с политическими соображениями флоту не позволялось ни захватывать суда США, ни вести против этой страны коммерческую войну, а оружие разрешалось использовать только для самообороны. «В свете долгосрочных перспектив это нельзя считать приемлемым решением». Флот должен, по крайней мере, получить право обстреливать суда, идущие без огней. В чем же теперь заключаются различия между войной и миром, спрашивалось в меморандуме. Альтернативы ясны: либо продолжать нынешнюю политику, дающую США свободу действий и тем самым вообще отказаться от битвы за Атлантику, либо прояснить ситуацию, разрешив флоту применять закон о призах в отношении американских «купцов», обстреливать американские военные корабли, если они будут угрожать немецким кораблям, атаковать все неосвещенные суда без предупреждения, а также американских «купцов», идущих в составе конвоя, обстреливать суда нейтральных стран, если они будут мешать проведению операций немецкого флота. На все эти предложения Гитлер ответил, что позиция Рузвельта слаба и Германия ни при каких обстоятельствах не должна допустить вступления Америки в войну в результате морских столкновений. Фюрер в лучшем случае мог рассмотреть вопрос о том, чтобы послать Рузвельту

предупреждение, что же касается остальных предложений, то их надо отложить и посмотреть, как будет вести себя Америка¹.

27 мая Рузвельт провозгласил «неограниченное чрезвычайное положение», сославшись на все усиливающуюся угрозу войны и постоянные столкновения в океане («если страны оси не смогут добиться господства на море, они будут обречены»). Все это было несколько смягчено тем, что президент не объявил об ожидаемом введении конвоев. Поэтому руководство флота, не испугавшись безразличия Гитлера к тем вопросам, которые оно поднимало, решило в течение лета 1941 года добиться своего, поскольку считало, что ситуация постоянно ухудшается. В июле, отметив, что «только уважение к высшим политическим соображениям» заставляет воздержаться от нападения на американские корабли, оперативное командование флота в своем докладе заявило, что «деятельность американцев ведет к необычайному усилению подводной войны». Далее в докладе писалось, что, если американские поставки будут продолжены, потребуются признать «жестокую правду» и принять соответствующие меры. Эти слова снова стали гласом вопиющего в пустыне. В обзоре директив, переданном 17 сентября командованию подводным флотом, американские военные и торговые корабли снова были исключены из числа целей. Ни отсутствие огней, ни радиопереговоры не считались поводом для нападения.

Добиваясь от Гитлера разрешения действовать в рамках закона о призах, военно-морские советники продолжали настаивать на изменении немецкой политики по отношению к расширению панамериканской зоны безопасности. Гитлер и Риббентроп в апреле обсудили этот вопрос, и Гитлер отказался даже послать ноту протеста по поводу ее расширения².

---

¹ Стремление Гитлера ждать и наблюдать, как будут развиваться события, было в ту пору вполне оправданным, поскольку американская политика в Атлантике не была неизменной. К примеру, 20 апреля было отменено эскортирование судов, а приказы о переводе соединений американского флота из Пёрл-Харбора в Атлантику аннулированы.

² Риббентроп считал, что это надо делать ради спасения жизни американских моряков.

Посол Вильгельм Э. Додд в своем кабинете в берлинском посольстве. 1933 г.

Посол Дикхоф (*слева*) покидает Белый дом вместе с руководителем протокола Ричардом Саутгейтом после вручения президенту Рузвельту верительных грамот. 1937 г.

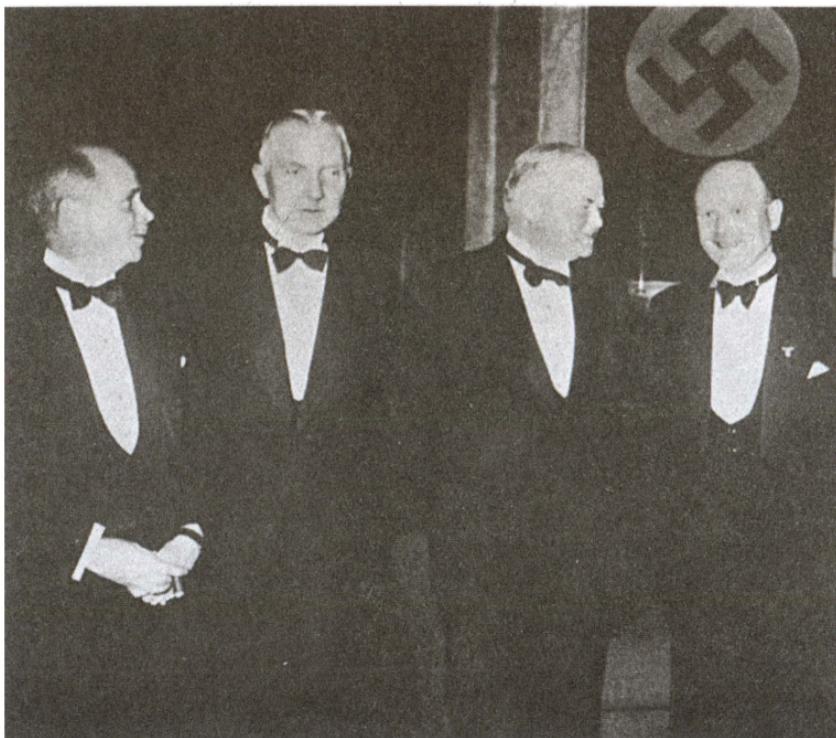
Толпы, пикетирующие собрание Бундта в Сан-Франциско. 1938 г.

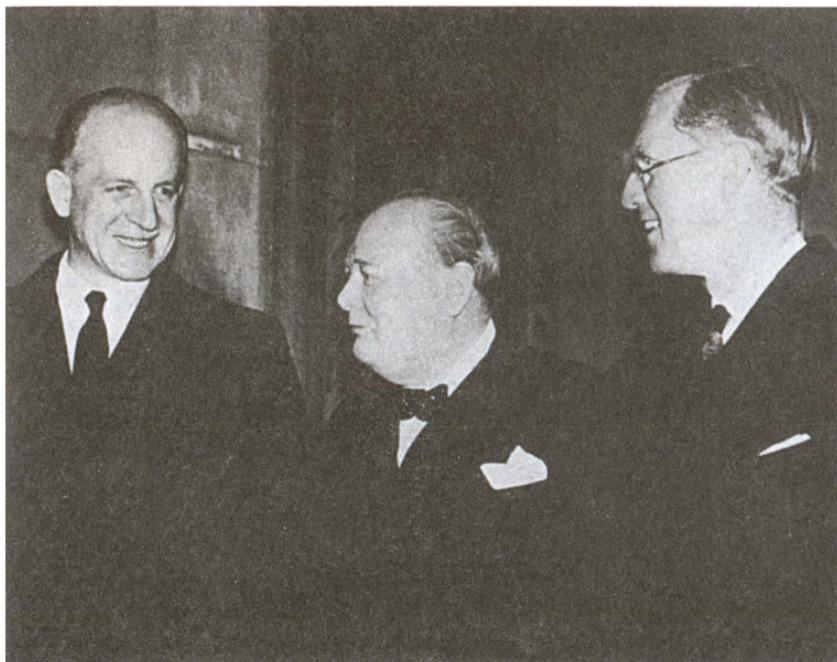
Члены Бундта салютуют на митинге в Медисон-сквер-гарден. 1939 г.

Посол Вильсон покидает рейхсканцелярию в Берлине после вручения Гитлеру верительных грамот. 1938 г.

Герберт Гувер, приехавший в Берлин с пробным визитом. 1938 г. Крайний слева посол Вильсон, между ним и Гувером стоит доктор Шахт, президент Рейхсбанка

Самнер Уэллс, Уинстон Черчилль и посол США в Лондоне Кеннеди во время визита Уэллса, прибывшего в Европу для выяснения положения дел. 1940 г.

Возвращение Ганса Дикхофа в Берлин, где его приветствует поверенный в делах Ганс Томсен

Редер понимал, военные соображения требуют, чтобы он возобновил свои просьбы разрешить немецкому флоту проводить операции в пределах зоны для того, чтобы заставить противника распылить свои силы. Он заявлял, что достаточно только дать флоту оперативную свободу в зоне — и не потребуется никаких нот или заявлений. США не имеют права жаловаться, поскольку Британия с самого начала не обращала на зону никакого внимания.

Эти идеи, зафиксированные в военных дневниках, были сообщены Гитлеру на совещании, состоявшемся 17 сентября. Редер предупредил его, что теперь надо ожидать боевых столкновений «на каждом шагу». «В настоящее время, — пояснил он, — нет никакой разницы между британскими и американскими кораблями». После этого Редер высказал ряд подробных предложений, среди которых было предложение о том, что подвергаться нападению не должны только одиночные американские военные корабли¹.

Несмотря на послевоенные уверения Риббентропа о том, что речь Рузвельта произвела на Гитлера «огромное впечатление», фюрер отказался менять свою позицию до середины октября, а сам Риббентроп, хотя и назвал речь президента «лживой от начала до конца» и «не имеющей ни малейшей связи с угрозой со стороны Америки», заверил своего японского коллегу, что Германия будет проводить в Атлантике политику «благоразумия».

Реакция ОКМ на различные инциденты в Атлантике между немецкими и американскими кораблями свидетельствует о том, что, настаивая на более агрессивной политике, командование немецкого ВМФ хорошо понимало, на какой риск оно идет. Адмиралы реально оценивали опасность постоянных стычек и возможного полномасштабного столкновения с американским военно-морским флотом. Тем не менее они сильно сомневались, что стремление во

---

¹ Новые предложения Редера касались нападений на все корабли, идущие в составе конвоя в любой оперативной зоне. Все суда нейтральных стран, за исключением неконвоируемых кораблей за пределами зоны блокады, следует топить без предупреждения.

что бы то ни стало избежать стычек сможет удержать Америку от вступления в войну. Эта политика в лучшем случае считалась проблематичной¹.

Редер, к примеру, с удовлетворением воспринял весть о столкновении между немецкой подлодкой и эсминцем «Гриер». Потопление американского корабля «Робин Мур» продемонстрировало, что Германия не намерена шутить и что «решительные меры всегда более эффективны, чем очевидные уступки», как выразился адмирал².

Тем не менее на совещании у фюрера, состоявшемся за три недели до нападения на Пёрл-Харбор, на котором обсуждались все эти вопросы, несмотря на явную готовность ОКМ идти на риск дальнейших столкновений, было решено, что флот «в соответствии со стратегической необходимостью» будет вести себя сдержанно. Даже если законы о нейтралитете будут полностью отменены (о чем предупреждал Редер), Гитлер решил быть непреклонным: приказ избегать провокаций остается в силе и будет изменен только «в зависимости от обстоятельств», что бы это ни означало.

Опасалось ли руководство немецкого флота, что столкновения между подводными лодками и американскими кораблями приведут к официальному вступлению Америки в войну? Очевидно, нет, поскольку упоминания о такой возможности очень редки. Вера в то, что быстрая победа над Британией исключит вмешательство Америки, ссылки на недовольство американского общественного мнения, а также появление Японии в военно-морских планах ОКМ в течение 1941 года — все это, без сомнения,

---

¹ К примеру, запись в военном дневнике за апрель гласит, что «если стремление Германии не поддаваться на провокации и вправду удержит Рузвельта, тогда континентальная политика Гитлера верна» (курсив мой. — *Авт.*). В мае была снова выражена «надежда», что сдержанное поведение Германии усилит американское общественное мнение, которое не позволит втянуть Америку в войну.

² Это было сказано на совещании у фюрера 21 июня 1941 г. Реакция Рузвельта на потопление «Робина Мура» была достаточно сдержанной. Мнение руководства военно-морского флота было передано министерству иностранных дел. Гитлер заявил, что в стычке с «Гриером» командир немецкой подводной лодки действовал «совершенно правильно».

заставляло некоторых адмиралов верить в то, что Америка в войну не вступит¹.

Впрочем, складывается такое впечатление, что руководство флота на тот момент просто не задумывалось над этим вопросом. Как постоянно повторял Редер, война на море была уже в полном разгаре, несмотря на то что официально она не была объявлена. И в течение всего этого года он пытался убедить в этом Гитлера².

В этом конкретном аспекте политики Гитлера постоянно поддерживало министерство иностранных дел, и совещания Редера с дипломатами были столь же разочаровывающими, как и совещания у фюрера. Министерство, например, было очень встревожено потоплением «Робина Мура», а также тем, как отнеслось к этому руководство флота. В меморандуме, составленном по этому случаю, писалось, что подобные инциденты относятся не только к компетенции ОКМ, но и дипломатов, и подчеркивалось, что флот не должен подталкивать министерство иностранных дел. За две недели до нападения на Пёрл-Харбор, толкая японцев на проведение агрессивного курса против Америки, Риббентроп предупредил ОКМ, что флот должен проявлять особенную осторожность за пределами панамериканской нейтральной зоны, чтобы избежать политических осложнений с Америкой. Поддавшись на провокацию, предупреждал он, мы только дадим американцам повод для вступления в войну. Экипажи подводных лодок должны проявлять сдержанность, поскольку нападения на суда могут привести к началу боевых действий между Америкой и Германией.

Нам осталось рассмотреть последний вопрос: почему Гитлер не давал своим адмиралам свободы действий? Трудно представить себе сомневающегося Гитлера, требу-

---

¹ Несмотря на то что адмирал Витгефт-Эмден, атташе в Вашингтоне, телеграфировал в апреле, что вступление Америки в войну всегда возможно.

² Правда, 23 мая 1941 г. Гитлер заявил Кудай, что американские конвои означают войну.

ющего строгого соблюдения международного морского права. Было ли это результатом реалистичного понимания американской мощи? Вряд ли. Хорошо известное презрение Гитлера к роли США в мировой политике резко контрастирует с его стремлением проявлять крайнюю осторожность и ни в коем случае не ущемлять интересы этой страны на просторах океана. Но если он не считал угрозу со стороны Америки серьезной, почему же он так боялся спровоцировать ее? Здесь мы сталкиваемся с одним из парадоксов гитлеровской внешней политики и его военных планов, который становится еще более выпуклым на фоне того безрассудного курса, который он навязывал Японии. Здесь присутствует определенный элемент непоследовательности и, изучая поступки такого человека, как Гитлер, нельзя сбрасывать со счетов этот элемент. Однако следует повторить те факторы, которые породили эту непоследовательность.

Во-первых, сдержанность фюрера в битве за Атлантику была, без сомнения, отражением его общей неуверенности в морских делах в отношениях с заморскими странами. Во-вторых, непоследовательность его реакции возникла в результате удивления, которое он испытал, когда страна, которую он не хотел принимать во внимание, в 1939 году неожиданно вторглась в его стратегический мир. В-третьих, военно-морская политика Гитлера вполне могла отражать его неспособность принять или, по крайней мере, допустить рейдерскую войну, которой ограничились действия его флота из-за того, что он в предвоенные годы почти не обращал на него внимания. Но скорее всего, необычная осторожность фюрера в отношении Атлантики была результатом его одержимости идеей жизненного пространства, которую он превратил в фетиш; его неспособности оторвать взгляд от карты Украины; его сосредоточенности на приобретении континентальной базы. В июне 1940 года это означало завоевание Франции. Теперь же Гитлер обратился к своей первоначальной цели: Советскому Союзу. И он дал ясно понять, что все другие вопросы для него — лишь помехи, отвлекающие его внимание от главной задачи. Одержимость фюрера операцией «Бар-

баросса» также дает ключ к пониманию кажущейся непоследовательности военно-морской и дальневосточной политики в отношении Америки, поскольку деятельность Японии на восточном фланге России соответствовала планам Германии в отношении этой страны. Зато для немецких адмиралов вторжение в Россию являлось чем-то вроде крупной стратегической помехи. Но Гитлер уверил их, что, как только одержит победу на Востоке и его континентальные планы будут выполнены, он спустит свой флот на англосаксов. В течение всего 1941 года он настойчиво уверял в этом своих адмиралов¹.

На первом совещании с руководителями флота в 1941 году Гитлер признавал, что если Германии придется воевать одновременно с Соединенными Штатами и Россией, то «ситуация очень сильно осложнится». Однако он тешил себя надеждой, что завоевание Советского Союза устранит не только русскую, но и американскую угрозу. И хотя эти надежды проистекали из той радости, которую фюрер испытывал, вновь ввязавшись в боевую операцию на суше, он требовал избегать столкновений с американскими кораблями до тех пор, пока не будет решен восточный вопрос. На совещании 21 июня Гитлер снова потребовал избегать инцидентов в море, пока операция «Барбаросса» не подойдет к концу. То влияние, которое крушение России окажет на Японию, по мнению фюрера, должно было отразиться и на Америке. Поэтому приказ ОКМ был таков: «Фюрер требует всячески избегать столкновений с США, пока не станет ясен исход операции «Барбаросса», то есть в течение нескольких недель». Эти «несколько недель» упоминались и на совещании в июле. Гитлер уверял, что победа над Россией произведет такое впечатление на американцев, что все их мысли о вмешательстве в войну исчезнут сами собой. На совещании 25 июля Гитлер сказал Редеру, что он согласен с анализом ситуации, представленным ОКМ, но не хочет, чтобы Америка объявила Германии войну, пока не завершится Восточная кампа-

---

¹ В основе осторожного поведения Гитлера в Атлантике лежала его одержимость идеей захвата жизненного пространства в России.

ния. Впрочем, она закончится еще до того, как помощь Америки станет эффективной. После победы он оставил за собой «право предпринять серьезные действия и против США...». Несмотря на то что число столкновений все увеличивалось, «постепенно убеждая фюрера в том, что рано или поздно они приведут к тому, что Соединенные Штаты начнут против нас войну», в течение всего года он требовал не провоцировать Америку, «хотя несколько недель» превратились в месяцы.

Конечно же стремление Гитлера сдерживать свой флот не помешало США вступить в войну еще до победы над Россией, и проблема одновременной борьбы с двумя прежде нейтральными колоссами, которая, как он говорил раньше, будет «очень сложной», и в самом деле осложнила положение Германии. Как мы увидим в следующих главах, Гитлер частично сам напросился на это, заставляя Японию вести более агрессивную политику по отношению к Соединенным Штатам, чего он никак не хотел позволить своему собственному флоту. Но и в этих изменившихся обстоятельствах фюрер продолжал считать операции на суше главными и упорно шел к маячившему вдали миру континентальной безопасности. Фюрер был уверен, что достижение этой цели сразу же решит все его проблемы с морскими державами. Адмиралы Гитлера, которым, как и Ганфштенглю, так и не удалось «смыть пыль сухопутных дорог» с глаз Гитлера, в августе 1942 года снова услышали знакомую песню: «Когда мы достигнем своей цели на Востоке, а именно завоюем жизненное пространство, тогда мы сможем довести войну на море против англосаксов до победного конца».

Глава 12

ОТНОШЕНИЯ ГЕРМАНИИ И ЯПОНИИ ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Соединенные Штаты стали для Адольфа Гитлера не только досадной помехой, но и фактором, привлечшим его внимание к Тихому океану. Нет никаких сомнений, что

влияние Америки на международные отношения Германии было самым большим в районе Дальнего Востока и реакция Гитлера на него стала интересным контрапунктом его морской политики, описанной в предыдущей главе.

В месяцы, предшествовавшие нападению на Польшу, Америка, маячившая на горизонте как побочный продукт немецкой подготовки к войне против стран Запада, стала играть все большую и большую роль в политике Германии на Дальнем Востоке. К лету 1940 года она сделалась главной темой немецко-японских отношений, основной целью, против которой был направлен подписанный в сентябре этого года пакт Берлин—Рим—Токио, и главным предметом нацистской политики в Азии до самого нападения на Пёрл-Харбор. Свидетельств о том, что до конференции в Мюнхене 1938 года Соединенные Штаты играли какую-нибудь роль в этом аспекте немецкой политики, нет, хотя отношение Японии к Америке, без сомнения, косвенным образом влияло на действия Германии на Дальнем Востоке. Тем не менее странный характер немецких отношений с Японией, различное представление о том, каким должно быть будущее мира, различное значение, которое вкладывали обе стороны в свои непрочные, но обставленные с такой помпой соглашения, и разные цели, которые они при этом преследовали, — все это проявилось уже тогда, когда разразилась европейская война. Поэтому следует держать это в уме, чтобы понять ту решающую роль, которую Америка играла в немецкой политике по отношению к Японии в годы, предшествовавшие Пёрл-Харбору.

До возникновения Третьего рейха оснований для немецко-японского союза практически не было. Взаимоотношения с Японией не были ни тесными, ни сердечными. Влияние немецкой науки, армии и политической системы Бисмарка, проявившееся в период правления Вильгельма и эпоху Веймарской республики, сошло на нет. Этому способствовало участие Германии в европейских санкциях против японских завоеваний в Китае в 90-х годах XIX века, одержимость кайзера Вильгельма идеей «желтой угрозы», захват Японией бывших немецких островов после Первой мировой войны, а также определенная проки-

тайская ориентация дипломатических, военных и коммерческих кругов Берлина. Многие эти факторы продолжали играть свою роль и в период правления нацистов.

С другой стороны, в Германии были люди, которые выступали за более тесные отношения с Японией в качестве географического императива. Еще в 1913 году будущий геополитик Карл Хаусхофер предсказывал создание союза Германии, России и Японии, который держал бы под своим контролем Евразию и стал бы противовесом англосаксонскому господству в мире. Хаусхофер, который, возможно, оказал в 20-х годах влияние на Гитлера через Рудольфа Гесса и который в последующие десятилетия стал довольно крупной фигурой, занимая пост директора Института геополитики, наиболее полно выразил свои идеи, касающиеся Дальнего Востока, в книге «Геополитика в районе Тихого океана». Подчеркивая необходимость установления континентального контроля над Евразией, Хаусхофер рассматривал Японию как естественного партнера Германии и России. Он считал, что эти страны должны объединиться в союз, который никто не сможет победить. Япония и Германия, писал он, имеют общих врагов, — эти идеи подхватят потом Гитлер и Риббентроп. «Они жаждут разорвать одни и те же цепи», и это была причина, по которой Германия не должна была терять контакта со страной, расположенной в Тихом океане¹.

Отношение Гитлера к Японии до 1933 года было высказано им в «Майн кампф», в которой он отнес японцев не к «создателям культуры, а скорее к ее носителям».

Он искренне считал, что японцы полностью зависят от западной культуры и технологий. Однако он не мог их ненавидеть, поскольку японцы, как и немцы, были жертвами версальской системы и евреев, боявшихся коммерческого соперничества страны. Тем не менее, хотя Гитлер и не верил в «желтую угрозу», на его взгляды в отношении японцев оказывали определенное влияние расовые идеи.

---

¹ Впрочем, не стоит переоценивать влияние идей Хаусхофера на руководство Третьего рейха. Его континентализм и экспансионизм конечно же привлекали фюрера гораздо больше, чем отрицание расизма и русофильство, которыми пронизаны все произведения Хаусхофера.

В развитии немецко-японских отношений с 1933 по 1936 год проявились три особенности: значительное число идеологических и пропагандистских спекуляций по поводу возможной роли Японии во внешней политике Германии; целый ряд политических, культурных и пропагандистских жестов, направленных на сближение двух стран; незначительная дипломатическая активность в этом направлении, несмотря на то что усиленно распространявшиеся слухи твердили об обратном. Конечно, в нацистских кругах того времени преобладали японофильские настроения. Хаусхофер, печатавшийся теперь в «Фёлькишер беобахтер», объяснял: «Опыт Японии доказал, что фашистский способ борьбы за существование далеко превосходит все другие». Альфред Розенберг, идеолог нацизма¹, а также выдающийся журналист доктор Иоахим фон Леерс не нашли никаких расовых препятствий для участия Японии в международных делах. «Мы не можем надеяться на то, — писал Леерс, — что в политике все наши друзья сделают нам одолжение и обзаведутся голубыми глазами и светлыми волосами».

Нацистам нравилось, что японская политическая система, хотя и не носила тоталитарного характера, как в нацистской Германии, не была либеральной и отличалась антикоммунистической и шовинистской направленностью. Кроме того, из геополитических соображений необходимо было иметь связь со страной, расположенной на тихоокеанском фланге Советского Союза².

Однако главную роль в сближении двух стран, скорее всего, сыграло сходное положение Германии и Японии вне Лиги Наций. Обе эти страны отличались не только экспансионистскими стремлениями и имели антикоммунистические правительства, но были изолированы от организованного международного сообщества и вынуждены были играть в мировой политике ревизионистскую роль. Так, Германия и Япония в глазах некоторых людей зани-

---

¹ Розенберг, очевидно, изменил свое мнение — раньше он думал по-другому.

² Некоторые японцы восхищались нацистской системой в самом начале ее существования.

мали странное положение антиреволюционных (противостоящих коммунизму) стран и стран, выступающих против сложившегося мирового порядка (противостоящих Лиге Наций).

Есть отдельные свидетельства того, что Гитлер в начале своей карьеры рассматривал Японию как фактор немецкой внешней политики. Согласно Эриху Кордту, после маньчжурской авантюры Гитлер проявил интерес к японской армии, «воинственным духом которой он восхищался». Когда Япония вышла из Лиги Наций, Кордт писал: «Гитлер испытывал сочувствие к этой стране». Сам Гитлер в 1935 году говорил генералу Отту, который отправлялся в Японию в качестве военного атташе Германии, а позже стал послом в Токио, что, по его мнению, японское военное давление на русский Восточный фронт ограничит активность Советского Союза в Европе¹.

Мы еще увидим, что, стремясь сблизиться с Японией, Гитлер думал не об усилении немецкого влияния на Дальнем Востоке, а о той роли, которую Япония могла бы играть на Европейском континенте. Гитлер уже провел прямую линию между русско-немецкой войной и активной политикой Японии; это была как раз та связь, которая не прослеживалась между планом «Барбаросса» и битвой за Атлантику.

Однако другие круги не разделяли интереса нацистов к Японии. Многие ведущие дипломаты не скрывали своей прокитайской ориентации; такая же ориентация прослеживалась и в деловых кругах Германии, они уже давно имели там свои экономические интересы. Между двумя странами процветала бартерная торговля. Многие военные тоже были настроены прокитайски, поскольку немецкие советники играли большую роль в организации китайских вооруженных сил².

¹ И Кордт и Дирксен верили, что именно Гитлер первым высказал идею пакта с Японией. Генерал фон Бломберг говорил Дирксену, что Гитлер был заинтересован в той роли, которую Япония могла бы играть во внешней политике Германии.

² Кордт писал, что в министерстве иностранных дел придерживались старого правила — держаться подальше от Дальнего Востока.

На фоне возобновившегося интереса к Японии, невзирая на трения между прокитайскими и прояпонскими кругами в Берлине, которые продолжались и в будущем, недипломатические круги нащупывали возможность сближения между Японией и Германией. Развивался технический и культурный обмен, военные корабли обеих стран наносили визиты, выражая при этом взаимное уважение и одобрение политики. Повсюду ходили слухи, которые дошли и до посольства в Америке, что военные завязывают более тесные и обширные связи. Однако никто не торопился заключать официальные соглашения. Только после того, как возник франко-российский союз, Коминтерн заявил о создании Народного фронта, произошло сближение Германии и Италии после Абиссинской кампании и Гражданской войны в Испании, начались переговоры, завершившиеся заключением в 1936 году Антикоминтерновского пакта.

Антикоминтерновский пакт и немецкое отношение к японо-китайской войне, начавшейся в 1937 году, ярко продемонстрировали непрочность и противоречивость той базы, на которой строились немецко-японские отношения. Несмотря на обычное для Риббентропа экстравагантное заявление при подписании пакта («эпохальное событие»), договор, включавший в себя туманное заявление о том, что страны будут обмениваться информацией о деятельности Коминтерна и создадут для этого постоянную комиссию, был всего лишь поспешным военным соглашением¹.

В этом пакте содержались намеки на изменения традиционно прокитайской политики Германии на Дальнем Востоке. Позиция реального влияния в этом регионе сменялась простой зависимостью от страны, которую не так-то легко было запугать или контролировать. Более того, заявления о внутренней коммунистической угрозе в Германии

---

¹ В секретных протоколах, дополнявших этот договор, почти ничего не говорилось о реальных обязательствах сторон.

и Японии, для устранения которой якобы и был заключен этот договор, были притянуты за уши и сразу же наводили на мысль, что они прикрывают скрытые мотивы и секретные соглашения. Так думали люди, которые, не будь этого пакта, присоединились бы к антикоммунистическому фронту. Как и договор Берлин—Рим—Токио, заключенный позже, этот пакт, скорее всего, был обыкновенным блефом и пропагандистским трюком. Однако немцы и японцы так никогда и не смогли договориться о том, для кого был предназначен этот блеф и что должна была замаскировать пропаганда. Для японцев главным врагом была Россия, они опасались того влияния, которое она могла оказать на Британию и Америку, в то время как Гитлер к ноябрю 1937 года дал понять, что он намерен шантажировать Британию, а о Соединенных Штатах вообще еще не думал¹.

Что касается пропагандистского значения соглашения как прикрытия для экспансии, проблема заключалась в том, что эта экспансия рано или поздно должна была затронуть интересы таких стран, как США, с которыми ни один из партнеров не хотел вступать в войну. Ревизионистские державы могут объединиться в своем недовольстве существующим порядком вещей, но их представление о порядке, не говоря уже о времени его установления, приоритетах и арене действий, могут быть совершенно различными. Именно это с самого начала и подрывало немецко-японский союз².

Япония боялась, что ее вовлекут в европейские дела, а Германия хотела избежать осложнений в Азии. Одна японская газета очень удачно назвала пакт «рамой, в которую можно вставить любую картину». Партнеры никак не могли договориться, что это за картина: Япония хотела вставить морской пейзаж, а Гитлер — пейзаж континентальной Европы.

---

¹ Гитлер даже подумывал о включении в этот пакт Британии. Он указал Риббентропу: «Вовлечь Англию в Антикоминтерновский пакт... мое самое большое желание».

² В своем письме Госдепартаменту США от 13 ноября 1937 г. американский посол в Японии Грю охарактеризовал Антикоминтерновский пакт как соглашение между теми, кто не имеет, против тех, кто имеет, а борьба с коммунизмом — просто вывеска.

Разногласия выявились, когда в июле 1937 года Япония напала на Китай. Бесплезное провозглашение Германией нейтралитета и неудачная попытка посредничества продемонстрировали, что новый дальневосточный партнер вовсе не собирается считаться с мнением Берлина. Призыв посла Отта, пришедший в январе 1938 года, о том, что надо «подогнать немецко-японские отношения к современной ситуации», был повторен Гитлером в следующем месяце. «Я не могу согласиться, — сказал он, — с теми политиками, которые думают, что оказывают услугу Европе, нанося вред Японии... Я не считаю Китай достаточно сильным в духовном и военном отношениях, чтобы бороться с большевизмом». Германия теперь быстро уступала требованиям Японии: было признано Маньчжоу-Го, из Китая были вывезены военные советники и материалы, а в июне был отозван Траутман, посол в Нанкине, боровшийся за возвращение к прокитайской политике. Однако эти меры не вызвали у японцев ни малейшего чувства благодарности — когда Германия обратилась с просьбой предоставить ей экономические привилегии в Северном Китае, Япония отказала.

Так сложились отношения, в которых выявилась слабость Германии по отношению к Японии. Такой поворот событий предвидели многие, особенно после того, как нацисты уступили японцам тот регион на Дальнем Востоке, на который Германия оказывала реальное влияние, — Китай, надеясь завоевать их дружбу. Гитлеру нужен был Дальний Восток не как таковой, а то влияние, которое союз с азиатской державой мог оказать на будущую войну в Европе. Ревизионистская рамка была уже готова, но стороны еще не договорились, какую картину туда вставить. По мере того как в 1938 и 1939 годах война становилась все ближе и ближе, Гитлер понял, что эта картина должна соответствовать его континентальным устремлениям. Когда же главным препятствием для достижения его целей стала Британия, в рамке немецко-японских отношений появились первые наброски будущей картины.

1938 год стал переломным в немецкой внешней политике. Переход от подготовки к действиям, обретение Гитлером полного контроля над страной, символом которого стало назначение на пост министра иностранных дел Иоахима Риббентропа, а также провозглашение главным потенциальным врагом Британии — все это повлияло на отношения с Японией. С января 1938 года до начала сентября 1939 года, не обращая внимания на проблемы, выявившиеся во время японо-китайской войны, Гитлер делал все, чтобы превратить Антикоминтерновский пакт в военный союз. Однако ему удалось сделать это только в отношении Италии и, потеряв всякую надежду договориться с японцами, он обратил свое внимание на Восточную Европу. И в мировую войну он вступил не в союзе со своим партнером по Антикоминтерновскому соглашению, а с коммунистической Россией.

Осторожность японцев, которую они проявили в вопросе о заключении военного союза, не помешала Риббентропу обрабатывать итальянцев. Его переговоры по этому вопросу представляют для нас большой интерес, поскольку в них немецкий министр иностранных дел впервые упомянул США в качестве фактора немецких расчетов на Дальнем Востоке. В июне 1938 года Риббентроп объяснил Аттолико, способному итальянскому посланцу в Берлине, что «простой, открытый военный союз» испугает не только Англию и Францию, но и США¹.

28 октября Риббентроп прибыл в Рим и сообщил, что Гитлер считает войну неизбежной и намерен добиться заключения союза с Италией и Японией. Мюнхен продемонстрировал фюреру слабость Запада, а также изоляционизм Америки. Теперь же настало время заключить настоящий военный союз, чтобы еще больше усилить эту слабость и американский изоляционизм. Это соглашение, как с восторгом объявил Риббентроп, станет «самым великим союзом в мире». Но итальянцы в то время относились к этому соглашению весьма скептически («Этот Риббен-

---

¹ Впрочем, ни Аттолико, ни его шеф Чиано не разделяли энтузиазма Риббентропа по этому вопросу.

троп, он всегда преувеличивает» — такова была реакция Чиано) и стали воспринимать эту идею положительно только после нового года. К тому времени, однако, новое японское правительство, возглавляемое принцем Конойе, отнеслось к пакту с гораздо большей сдержанностью, чем предыдущее.

И снова каждый партнер преследовал свои собственные цели. Немцам нужен был немедленный дипломатический эффект, а не помощь союзников в будущей войне. Союз должен был стать блефом для запугивания противника, чтобы добиться решения проблем на Востоке без вмешательства Запада. Поэтому соглашение должно быть полным, незасекреченным и открыто обсуждаться в прессе. Более того, мы знаем из разговоров Риббентропа с Аттолико и Чиано, которые мы уже цитировали, что Германия не включала в число западных стран США. Для японцев же главным врагом была Россия, и Япония не хотела без особой нужды раздражать страны Запада, включая и Соединенные Штаты, а также стремилась избежать участия в европейской войне. Поэтому японцы настаивали на ограничениях, которые позволили бы им действовать в соответствии со своими целями и в особенности убедили бы США в том, что они не намерены с ними воевать¹.

Немцы выступали против ограничений, которые с немецкой точки зрения свели бы на нет весь смысл этого пакта. И хотя Япония сняла ряд своих предложений, терпение Германии лопнуло. Риббентроп выразил свои сомнения по поводу надежности Японии как партнера, а Гитлер заявил, что поведение японцев становится «все более и более непонятным»².

Не отказываясь от дружбы с Японией³, Гитлер стал искать других партнеров.

¹ Отт подчеркивал, что в поддержку соглашения выступало командование японской армии, а руководство флота и министерство иностранных дел были против.

² «Понять, что на самом деле происходит в Токио, совершенно невозможно» (письмо Риббентропа Отту от 25 мая 1939 г.).

³ Об этом свидетельствует визит адмирала Ферстера в Японию. Аттолико полагал, что немцы решили дать японцам время созреть для заключения соглашения.

21 июня послу Германии в Токио Отту приказали ослабить давление на японцев по поводу договора. Причиной этого стали переговоры, которые велись в то время в Москве и закончились подписанием пакта Риббентропа—Молотова в августе 1939 года¹.

Поскольку Япония в августе 1939 года не собиралась оказывать Германии ни военной, ни дипломатической помощи, Гитлер обратился к Советам. К 14 августа он уже принял решение. Он говорил о «неполноценности» Японии. «Япония, — заявил он, — не хочет заключать с нами союз без дополнительных условий. В связи с этим я решил объединиться со Сталиным»². Кроме всего прочего, Фюрер добавил несколько своих излюбленных ругательств по поводу восточного союзника. Теперь японцы уже не были для него арийцами Азии, а превратились в «лакированных полуобезьян, которые нуждались в кнуте». Япония испытала настоящий шок, узнав, что ее антикоминтерновский партнер заключил, не предупредив ее об этом, союз с коммунистической Россией³.

Что касается роли США в японо-немецких отношениях в этот период, мы уже видели, что Америка рассматривалась как фактор в этой немецкой прелюдии к военному союзу. В добавление к этому, поскольку Америка для Японии имела гораздо большее значение, чем для Германии, немцы во время переговоров постоянно подталкивали японцев к столкновению с ней. Вынужденная обратить внимание на американский вопрос в своих отношениях с Японией, Германия расходилась с ней во мнениях по вопросу о том, как устранить американскую угрозу. В мае Риббентроп велел Отту заявить японцам, что боязнь войны с Америкой — не повод для откладывания подписания

---

¹ Риббентроп еще в апреле предупредил Ошиму о возможности заключения соглашения с Россией, но японский посол не воспринял эти слова всерьез.

² Гитлер заявил Муссолини, что японцы хотели заключить пакт, который был бы направлен только против СССР, ему же нужно было соглашение, которое он мог бы сразу использовать против стран Запада.

³ Ошима после войны назвал заключение этого договора «исключительно вероломным поступком со стороны Германии».

соглашения, поскольку оно станет самым надежным средством удержания Америки от вступления в войну. Отвергая все японские предложения об ограничениях в предполагаемом пакте, Риббентроп заявил Ошимае, что только открытый союз заставит Америку и Советскую Россию остаться нейтральными. Стремление запугать американцев четко видно и из инструкций, которые получил адмирал Ферстер, отправившийся в Японию в июле 1939 года. Он должен был убедить руководство японского флота, что «только совершенно ясное соглашение обеспечит нейтралитет Америки».

Таким образом, США перед войной стали фактором, хотя и не главным, в немецкой политике по отношению к Японии.

Глава 13

АМЕРИКА И СТРАНЫ ОСИ

В первые месяцы после начала войны Германия, постоянно отрицавшая наличие интересов на Дальнем Востоке, тем не менее возобновила свои попытки заставить Токио подписать договор. Сила давления напрямую зависела от развития событий в Европе и в особенности от отношения к Англии. Когда Гитлер, наконец, признал, что война с ней будет долгой, он велел своему Генеральному штабу заняться подготовкой операции «Морской лев» и предпринять шаги для скорейшего заключения соглашения с Италией и Японией (ось Берлин—Рим—Токио). Затянувшаяся война с Британией оказала еще одно воздействие на политику Германии: она поставила Соединенные Штаты в центр немецко-японских отношений. Заявления Гитлера о том, что благодаря изоляционистским настроениям народа Америка для Германии «не представляет никакой опасности», сделанные в июле и ноябре 1939 года, были опровергнуты в 1940 году, когда американское руководство дало понять, что война с Британией в долгосрочной перспективе означает столкновение с Соединенными Штатами.

Любая активизация немецко-японских отношений должна была включать в себя и американский фактор, как постоянно подчеркивали послы Отт и Курусу, из-за той огромной роли, которую эта страна играла в японских расчетах. Америка, по словам Отта, взяла на себя «задачу оказания помощи западным державам на Дальнем Востоке» и «настойчиво защищала их интересы». Германии, в ее стремлении наладить близкие отношения с Японией, приходилось принимать этот факт во внимание, поскольку правительство Токио «все еще гонялось за фантомом урегулирования отношений с Америкой». Еще в октябре 1939 года Отт предупреждал, что целью немецкой политики должно стать блокирование японо-американского соглашения. К январю 1940 года эту точку зрения разделял и Вайцеккер. Выражая решительный протест итальянцам по поводу того, что их посол якобы помогал японцам и американцам достичь понимания, государственный секретарь Германии заявил, что «оказание воздействия на Японию для того, чтобы она могла достичь соглашения с Америкой, является нарушением немецких интересов». В марте Гитлер самолично сделал по этому поводу выговор Муссолини. Германия рассматривает Японию, сказал он дуче, как «необходимый противовес» Соединенным Штатам. С этого времени не было, пожалуй, такого аспекта в отношениях Японии и Германии, который не включал бы в себя ссылки на Америку.

Примером этого может быть отношение Германии к японской экспансии. Немецкие победы в Европе открыли для Токио новые возможности для освобождения от экономической зависимости от США путем захвата новых источников сырья на юге¹.

Японцев очень беспокоило отношение Германии к этим захватам, и они стали требовать от Берлина заявления о том, что Германия не имеет в этом регионе своих интересов. Вайцеккер в мае 1940 года предложил Риббентропу информировать японцев о том, что угроза для

---

¹ Эта проблема стала очень острой после возобновления 26 января японо-американского договора и угрозы введения новых экономических санкций, о которых говорил Стимсон.

Голландской Ост-Индии исходит от союзников и Соединенных Штатов, а не от Германии. Более того, им надо было заявить, что американская активность в Тихоокеанском регионе является подтверждением немецкой теории о «тайном сговоре» между Соединенными Штатами и союзниками¹.

Отказ Риббентропа от претензий на земли в Ост-Индии был, хотя бы частично, попыткой спровоцировать столкновение Японии с англосаксами путем подталкивания правительства Йоная к проведению экспансионистской и потому антиамериканской политики или к отставке под давлением японских экстремистов².

Требую от Германии аналогичного заявления в отношении Индокитая после разгрома Франции, японцы направили на то, что они оказали Германии «большую услугу», привязав американский флот к Тихому океану. Отт, отсылая это требование японцев в Берлин, добавил, что Германия может сделать «дружеский жест», чтобы усилить враждебность Японии в отношении Британии и США³.

Присутствие Америки в расчетах Германии было подтверждено послом, когда он сообщил японцам, что у Германии нет интересов в Индокитае и Япония может действовать здесь совершенно свободно. Однако в ответ на этот жест Японии пришлось заверить своего партнера, что она «привяжет Америку к Тихому океану», пообещав напасть на Филиппины или Гавайи в том случае, если США вступят в войну против Германии. Именно это Япония и делает, заявил специальный министр Сато Риббентропу в июле. Его страна, сказал он министру иностранных дел Германии, «отвлекает внимание британского, французского и американского правительств на себя», что способствует немецким победам в Европе, которые, в свою очередь, открывают новые возможности для сотрудничества.

---

¹ Госдепартамент конечно же тревожил вопрос, какое воздействие на положение дел в Азии окажут победы Германии.

² Он преуспел в этом, поскольку заявление Германии было с восторгом воспринято в Токио, особенно на фоне уклончивого ответа стран Запада.

³ На самом деле японцы в июне и июле вели с Соединенными Штатами переговоры о *modus vivendi* (определение взаимных отношений).

Разве удержание Америки в пределах ее полушария не является благоприятным фактором для обеих сторон?» — спросил Сато¹.

Спустя несколько недель после падения Франции внимание Германии было отвлечено другими заботами, и Риббентроп ничего не ответил на предложения Сато².

Это, без сомнения, было иллюстрацией уверенности Гитлера, что вслед за падением Франции запросит мира и Британия. Такое развитие событий конечно же оказало бы огромное влияние на развитие немецко-японских отношений. 1 июля фюрер сообщил новому итальянскому послу, что он «не может себе представить, чтобы кто-нибудь в Англии еще всерьез надеялся на победу». А 13 июля он сказал своим генералам, что Германия не нуждается в гибели Британской империи. «Зачем напрасно проливать кровь немецких солдат — все равно все достанется японцам и американцам».

Однако терпение фюрера истощилось, и в тот же самый день в письме Муссолини он выразил огорчение по поводу гибели всех своих надежд («Со мной так гнусно обошлись»). Когда Британия отклонила предложение, которое он высказал в своей речи в рейхстаге 19 июля, Гитлер понял, что ему предстоит длительная война, а как мы уже видели, чем дольше она будет вестись, тем значительнее будет роль Америки. Фюрер пока еще не отказался от мысли о достижении взаимопонимания с Англией, но оно перестало быть немедленной стратегической альтернативой. Одновременно, будучи хотя бы номинально связанным с Советским Союзом пактом о ненападении, заключенным в августе 1939 года, Гитлер уже задумывался о вторжении в эту страну. Деятельность Японии на Дальнем Востоке имела самое прямое отношение к этому вторжению, и хотя в договоре стран оси особо оговаривалось, что он не направлен против СССР, Адольф Гитлер не испытывал бы никаких угрызений со-

---

¹ Однако Сато дал понять, что Япония в отношениях с Соединенными Штатами должна вести себя очень осторожно.

² Вайцзеккер телеграфировал Отту, чтобы тот на некоторое время прекратил все хлопоты по поводу заключения договора.

вести, если бы представилась благоприятная возможность для нападения на СССР. Поэтому мы не можем исключить советский фактор из попыток Гитлера активизировать связи с Японией.

В конце июля Гитлер сообщил своим военным советникам, что Британия надеется на Россию и Америку. «Если надежда на Россию окажется напрасной, то не станет надежды и на Америку, поскольку падение России увеличит эффективность японских действий в Азии». «Россия, — заявил он, — это восточноазиатский кинжал англосаксов, которым они угрожают Японии». Фюрер снова обратил свои взоры на Дальний Восток, надеясь, что Япония поможет ему решить все его проблемы в Европе. Основные усилия теперь должны быть направлены на блокирование американской помощи Англии, и способ достижения этой цели был еще несколько месяцев назад описан американским послом в Токио Джозефом Грю. «Они [немцы] стремятся создать ситуацию, — писал он секретарю Халлу, — при которой вступление Соединенных Штатов в войну с Германией приведет к неминуемому столкновению с Японией».

В то же самое время события в Токио развивались в благоприятном направлении для проведения серьезных переговоров между Германией и Японией. На совещаниях кабинета министров 12 и 16 июля были разработаны планы «гармонизации» японской политики и политики стран оси. В добавление к общему заявлению, в котором Германия и Япония признавались господствующими в своих сферах влияния, большое внимание было уделено отношениям с Америкой. За этими совещаниями последовало падение умеренного правительства Йоная и назначение Мацуоки министром иностранных дел в новом кабинете. Мы не знаем, чем он руководствовался в своих действиях — стремлением ли проводить профашистскую и антиамериканскую политику, желанием ли поскорее покончить с китайской войной, а может быть, просто следуя концепции японского национализма (Гитлер считал, что он обладал «лицемерием американского библейского миссионера»), но Отт охарактеризовал Мацуоку

как человека, который «искренне стремится к союзу со странами оси»¹.

Теперь все было готово для заключения антиамериканского соглашения, как и предвидел Грю. Американский посол не сомневался, что Япония сделает все, что потребуют от нее страны оси, и займется установлением в Азии нового порядка, «пройдясь подкованными шипами копытами по правам, интересам, принципам и политике Соединенных Штатов и Британии». Огромное значение Америки, которое давно уже осознала Япония, было признано и Германией. Понимание этого заставило обе страны заключить военный союз, хотя и этого оказалось явно недостаточно, чтобы превратить формальное соглашение в искреннюю общность интересов.

Несмотря на подчеркнuto осторожный тон правительственных кругов Токио, посол Курусу и министр иностранных дел Мацуока заверили Германию, что новое правительство настроено на заключение союза со странами оси, и задали конкретные вопросы о том, как отреагирует Германия на японские планы установления в Азии нового порядка и на возможную японо-американскую войну. Профашистский настрой нового кабинета, сомнения в том, что операция «Морской лев» позволит решить британский вопрос, Огденбургская декларация президента Рузвельта и премьер-министра Канады, слухи о сдаче в аренду эсминцев, а также желание усилить изоляционистские настроения накануне ноябрьских президентских выборов — все это заставило Гитлера добиваться скорейшего заключения пакта с Японией. 13 августа Курусу доложил Мацуоке, что Риббентроп готов к переговорам, а через два дня в Японию был отправлен специальный посланник Штамер.

Однако, несмотря на грандиозные заявления Конойе и Мацуоки, из инструкций, данных японским дипломатам,

---

¹ Халл назвал мышление Мацуоки «кривым, словно рыболовный крючок».

которые должны были вести переговоры, становится ясно, что позиция Японии была очень сдержанной¹.

В общей части говорилось о взаимном сотрудничестве «в процессе установления нового порядка в Европе и Азии». Что касается Соединенных Штатов, то соглашение должно было преследовать определенные цели: ограничить действия этой страны Западным полушарием, а в случае если одна из сторон окажется в состоянии войны с Америкой, то другая сторона должна будет помогать ей «всеми возможными способами». Япония желала также занять такое положение, при котором она могла бы оказывать экономическое и политическое давление на США. По этим пунктам у обеих стран расхождений не было. Однако в заявлениях о том, что по отношению к Америке должны применяться только мирные способы решения конфликтов, уже прорастали семена будущих разногласий. Япония соглашалась начать военные действия против США только в том случае, если соответствующие внешние и внутренние обстоятельства сложатся благоприятно. Право решать, благоприятны обстоятельства или нет, Япония оставила за собой. Подобные общие, а не конкретные военные обязательства и нежелание отказываться от свободы действий по отношению к США стали характерными чертами японской политики до Пёрл-Харбора. Эта политика сводила на нет все усилия Германии запугать Соединенные Штаты. Как и раньше, только ясный, публичный, безоговорочный военный союз отвечал интересам Гитлера в Европе².

Окончательный документ, в котором излагалась позиция Германии, был послан в Токио в сентябре³.

В нем были отражены идеи Риббентропа, «характеризующие сотрудничество Германии, Италии и Японии как средство нейтрализации Америки», а также подчеркива-

---

¹ Эти инструкции были составлены на совещании кабинета министров 4 сентября.

² Есть определенные доказательства того, что Риббентроп поначалу полагал, что одни только победы Германии заставят Японию осознать свою «функцию противовеса Америки».

³ Этот документ утерян. Однако Штамер воссоздал его в таком виде, в каком он был передан Мацуоке на переговорах, состоявшихся 9 и 10 сентября. Он сообщил, что документ был «принят очень хорошо».

ющие необходимость быстрого решения этого вопроса. Документ состоял из пятнадцати пунктов, основное содержание которых сводится к следующему:

1. Германия не хочет, чтобы война превратилась в мировую и в особенности заинтересована в том, чтобы в нее не вмешались США.

2. Германия не настаивает на японской военной помощи против Англии.

3. Главная роль Японии — всеми мерами сдерживать Соединенные Штаты и не допустить их вступления в войну.

4. Вероятность войны между Германией и Америкой в ближайшем будущем невелика, но японо-американский конфликт — «неизбежен».

5. Только сильный и решительно настроенный союз стран оси может стать «мощным и эффективным средством» удержания Соединенных Штатов от вступления в войну.

Таким образом, как и для Японии, сдерживание Америки для Германии стало главной целью пакта. Самое главное, чего немцы требовали от японцев в обмен на признание гегемонии Японии на Дальнем Востоке, было не военное участие в европейской войне, как опасались в Токио, а твердая линия в отношении Америки. А твердость в политике, как хорошо было известно японцам, поддавалась различному толкованию.

В ходе переговоров, последовавших за передачей документа, выяснилось, что японцы настаивают на применении более общих и консультативных средств, немцы же добивались более решительных военных мер. Риббентроп прилагал особые усилия, чтобы исключить из пакта статьи, касающиеся нападения на СССР, чтобы ни у кого не оставалось сомнения, что он направлен только против Соединенных Штатов. Он также (безуспешно) пытался добиться от японцев обещания, что они объявят войну США. Он хотел немедленно показать американцам, что, если их страна вмешается в конфликт, «она тут же окажется в состоянии войны с тремя великими державами». Эти попытки подтверждаются отчетами немецких дипломатов

о тех энергичных усилиях, которые предпринимали американцы для того, чтобы заставить Японию вообще отказаться от подписания соглашения с Германией. Более того, на Мацуоку оказывали большое давление руководство флота, деловые и придворные круги, выступавшие за проведение умеренной политики в отношении Америки и за свободу действий в военных вопросах. Японо-немецкие переговоры продемонстрировали, что единство цели (сдерживание США) не распространялось на методы ее достижения. Привычное расхождение во мнениях сохранилось и тут.

Пакт был подписан 27 сентября 1940 года в Берлине. Он состоял из преамбулы, в которой указывалось, что целью сотрудничества трех стран является поддержание нового порядка в Азии и Европе. За ней шло шесть статей. В двух первых признавалось главенство Германии и Италии в Европе, Японии — на Дальнем Востоке. В третьей статье стороны обещали развивать сотрудничество и оказывать помощь «всеми политическими, экономическими и военными средствами, в случае если одна из сторон подвергнется нападению страны, не принимающей в настоящее время участия в европейской войне или в японо-китайском конфликте». В четвертой статье говорилось о создании совместной технической комиссии, а в пятой указывалось, что «политические отношения» сторон с СССР остаются неизменными. В последней статье указывалось, что соглашение будет действовать в течение десяти лет.

Операционные условия (статья 3) являлись компромиссом между немецким требованием об объявлении войны и японским стремлением ограничить свои обязательства консультативными функциями. Более того, в пакте не была указана страна, против которой он направлен, — Соединенные Штаты. Однако исключение СССР из оперативных намерений пакта делало его цель очевидной. Как мы уже видели, немецкие инструкции для дипломатов, которым были поручены переговоры, не оставляли сомнения, что целью соглашения было запугать Америку. Более того,

и Гитлер, и Риббентроп во время переговоров постоянно твердили итальянцам, что пакт позволит «удержать Америку от вступления в войну, а если это все-таки произойдет, то сделать его совершенно неэффективным». Министр иностранных дел Германии признался Чиано, что соглашение может когда-нибудь пригодиться и против России, но сначала надо было «во что бы то ни стало парализовать Америку» и заставить ее «тысячу раз подумать», прежде чем вступить в европейскую войну.

Риббентроп на церемонии подписания пакта не говорил об Америке. (возможно, по совету японцев), сведя свою речь к общему предупреждению о том, что любому государству, напавшему на одно из государств оси, «придется иметь дело с объединенной мощью трех стран, с населением в двести пятьдесят миллионов человек». За два дня до этого, однако, в письме графу Шуленбургу, немецкому послу в Москве, он был более откровенен: «Этот союз направлен исключительно против американских поджигателей войны. Его главная цель — привести в чувство людей, требующих, чтобы Америка вступила в войну. В договоре эта задача не будет упомянута, но о ней легко можно будет догадаться по контексту».

Не менее трех японских государственных деятелей разделяли мнение Риббентропа, хотя один из них после войны отказался от него. Грю, Халл и Рузвельт сразу же поняли, что пакт направлен против Америки. Показания немецких дипломатов на суде тоже подтвердили, что соглашение было составлено против США, хотя и подчеркивали его оборонительный характер¹.

Соглашение и вправду носило в своем роде оборонительный и превентивный характер. Главной его целью было не спровоцировать США на вступление в войну, а, наоборот, удержать их от этого. Это, однако, не умаляет того факта, что Соединенные Штаты, по мнению участников пакта, должны были безучастно наблюдать, как агрессоры захватывают одну страну за другой. Постоянное

---

¹ На суде Вайцзеккер назвал пакт «плакатом, предупреждающим Соединенные Штаты об опасности».

упоминание в тексте о новом порядке свидетельствовало о том, что этот пакт был заключен для того, чтобы никто не мешал агрессорам устанавливать в захваченных странах этот новый порядок. Более того, как мы увидим в следующих главах, оборонительный характер соглашения не помешал Германии навязывать своему партнеру курс, который и привел его к столкновению с Соединенными Штатами. Япония проводила этот курс все те несколько недель, которые предшествовали нападению на Пёрл-Харбор. И наконец, нет никаких сомнений в том, что «оборонительный» пакт легко мог стать «наступательным», если бы страны оси добились победы.

Не все условия соглашения были отражены в тексте. В добавление к нему Отт и Мацуока обменялись нотами, которые выявили непрочный характер японских обещаний. В письме Отта Мацуоке от 27 сентября после обычных пышных фраз («новая решающая фаза в мировой истории») немецкий посол заверил японского министра, что если Япония подвергнется нападению, то Германия будет считать своим долгом предоставить ей «полную поддержку и помочь ей всеми военными и экономическими средствами». Немцы, вероятно, надеялись, что японцы в ответ на это дадут аналогичное обещание, но жестоко просчитались. Мацуока ответил, что он «с радостью» прочитал послание немецкого посла.

Гораздо более серьезной проблемой было то, что японцы вносили в условия договора оговорки. Это подтверждают стенограммы заседаний кабинета 16 и 26 сентября, во время которых они оставили за собой право самим определять сроки выполнения условий договора. «В этом случае наша империя сможет действовать независимо». В ту пору существовало три уровня реальности в рамках пакта: текст, известный всем, ноты, которыми обменивались правительства, и соображения японцев, известные только им самим¹. Эти три уровня давали им возможность для дипломатически-толковательных жонглерских трюков, как назвал эти

---

¹ Самнер Уэлльс сравнил эти три уровня с восточными коробочками, которые вкладываются одна в другую.

действия один исследователь, которые они применяли, когда это было нужно.

Пока велись переговоры о заключении пакта, Грю телеграфировал в США, что японцы начинают понимать, что Германия никогда не сможет разбить Британию, и все это благодаря американской помощи.

После известия о передаче в аренду эсминцев немецкие победы, согласно свидетельству посла, перестали ударять им в голову, как «крепкое вино». И не только это, японцы начали даже «сомневаться, не создаст ли окончательная победа Германии новой угрозы для их экспансионистской программы»¹. То, что Риббентроп, не питавший особых иллюзий в отношении Японии, не смог с первой попытки заставить японцев ясно изложить свои обязательства, является еще одним доказательством, что для Берлина пакт был лишь пропагандистским трюком, обставленным как военный союз. Если бы он оказал надлежащее впечатление на Америку, японские оговорки в случае войны стали бы помехами к его осуществлению, как еще в июле говорил Гитлер. Но до этого дело не дошло. Союз стран оси продемонстрировал свою неэффективность еще до начала 1941 года.

Соглашение по сути своей было самым настоящим блефом и игрой. Ставкой в этой игре была быстрая немецкая победа над Британией, а блеф был направлен против Америки. Игра сорвалась, а Соединенные Штаты ничуть не испугались. Удар трех стран, который должен был вывести из игры американское правительство, имел обратный эффект — он сыграл Рузвельту на руку, придав дополнительный вес его заявлениям о существовании мирового заговора. Узнав о заключении пакта и о том, что, поверив слухам о том, что помимо него достигнуты были далекоидущие секретные соглашения, американцы отреагировали совсем не так, как ожидал Гитлер и надеялись японцы. Грю еще во время переговоров послал из Токио свою «телеграмму, которая получила зеленый свет», предложив

---

¹ Телеграмма от 12 сентября 1940 г. с этим сообщением известна под названием «телеграмма, которая получила зеленый свет».

проводить в отношении Японии более «позитивную» политику, даже если это и приведет к войне. После этого сразу же последовало введение эмбарго на сталь, новый заем Китаю, переговоры англо-американских штабов, усиление американского флота на Филиппинах и эвакуация американских граждан из контролируемых Японией районов Азии. Энергичная и дерзкая речь Рузвельта по случаю Дня Колумба в октябре вовсе не производила впечатления речи запуганного человека.

Резкие заявления японских чиновников, содержавшие угрозы в адрес США и включенные в пакт, только усилили решимость американцев, а Берлину было заявлено, что связь Германии с Японией привела к тому, что гнев США обратился теперь и на них. Гитлер мог сказать в октябре, что американцы «получили предупреждение» и что влияние изоляционистов усилилось, но все заявления фюрера на фоне убедительной победы Рузвельта в ноябре оказались пустым звуком. Все дело заключалось в том, что ни желание Гитлера отвлечь внимание США от Атлантики, ни план Мацуоки заставить Америку согласиться со статус-кво в Тихом океане не увенчались успехом.

Немцы могли утешать себя надеждами, что американская помощь поступит в Англию слишком поздно из-за налетов немецких ВВС, что мощь Германии не позволит Америке совершить военное вторжение в Европу, что заслон из немецких подводных лодок сделает вступление США в войну «совершенно бессмысленным». У японцев же не было и этого утешения. Во-первых, Соединенные Штаты представляли для них непосредственную военную угрозу, и беспокойство Токио по поводу американской политики в октябре значительно усилилось. Во-вторых, японцы надеялись, что пакт предоставит им благоприятные возможности для экспансии в южном направлении и в особенности поможет им решить китайский вопрос, а также заключить соглашение с СССР. Но пакт оказался столь же бесполезен в этих вопросах, как и в отношении Америки. Германия по просьбе Японии оказывала сильное давление на Китай, но Чан Кайши, так же как и Рузвельт, не испугался пакта, и китайский «инцидент» про-

должался, причем помощь Англии, Америки и Советской России Китаю все увеличивалась.

Не менее разочаровывающим для Японии было и то, что ей не удалось заключить соглашения с Советским Союзом. С его помощью Япония надеялась изолировать Китай и обезопасить свой северный фланг для развития наступления на юг. Японцы ожидали, что в этом вопросе Германия проявит инициативу. И она ее проявила, поскольку просьба Японии совпала с возрождением стратегической идеи Риббентропа о большом четырехугольнике, в котором Россия должна была дополнить страны оси с целью «ликвидации Британской империи» и «создания мирового сочетания интересов». С этими фантастическими идеями был ознакомлен Молотов во время своей знаменитой встречи в Берлине. Японцы меньше радовались бы этой увертюре, если бы узнали, что русские трофеи в Азии обсуждались безо всякого учета японских интересов. Молотов потребовал обсудить не общие, а конкретные вопросы, кроме того, он вообще скептически отнесся ко всей этой идее (его скептицизм, без сомнения, усилился от того, что разговор проходил в бомбоубежище). Из-за этого переговоры зашли в тупик. Идея союза, объединяющего четыре страны, улетучилась с появлением директивы от 18 декабря, посвященной операции «Барбаросса» (разработка которой на самом деле началась тремя месяцами ранее), а с ней все шансы для Японии использовать этот союз для улучшения отношений с СССР. Отсутствие доверия между партнерами и нежелание делиться своими планами еще раз было продемонстрировано всему миру — Германия не сообщила Японии о подготовке нападения на Советский Союз. У Гитлера, конечно, были свои планы использования Японии, когда дело дошло до вторжения в Россию в 1941 году.

Тем временем, завершая картину разногласий, в Берлине стало известно, что в Италии растут сомнения в эффективности пакта и надежности японцев¹.

---

¹ Чиано никогда не верил, что пакт сможет удержать Америку от вступления в войну.

И наконец, немецко-японские отношения запутались окончательно, когда зашла речь о создании комиссии, упомянутой в четвертой статье договора, стороны принялись обсуждать вопросы поставок сырья в Германию из Голландской Ост-Индии, немецкие переговоры с Виши по Индокитаю и долго откладываемое торговое соглашение.

Так, события тех нескольких недель, которые последовали за заключением пакта, показали, что между партнерами нет взаимопонимания. Существуют свидетельства того, что этот урок не пропал для Гитлера даром. После войны Риббентроп вспоминал, что к концу года Гитлер понял, что запугать Соединенные Штаты не удалось, а намерения Японии так и не прояснились («мы не знаем, какую позицию она займет»). Гитлер сказал адмиралу Редеру, что он сомневается в том, что японцы «предпримут какие-нибудь решительные действия». Поэтому, если верно, как отмечал адмирал Ассман, что «для Адольфа Гитлера развитие немецко-американских отношений тесно связано с отношением Японии к договору стран оси», то становится ясно, что в начале 1941 года это основание стало для Берлина очень шатким.

Оно стало бы еще более неустойчивым, если бы немцы знали, что проамериканские силы Японии уже развернули кампанию, которая завершилась переговорами Халла и Номуры в Вашингтоне в феврале 1941 года. Принц Коннойе зашел так далеко, что в неофициальном разговоре заявил, что его правительство может при определенных обстоятельствах аннулировать договор де-факто и даже заключить аналогичный договор, направленный против Германии, с Соединенными Штатами¹. Для Америки было исключительно важно прорваться через туман общих слов и уклончивых ответов, чтобы выяснить реальные намерения Японии относительно пакта².

¹ Эти замечания были сделаны в неофициальной беседе с двумя американскими церковными лидерами. Говорилось также о торговле, гарантиях безопасности Филиппин и решении китайского вопроса.

² Томсен уже к концу года телеграфировал в Берлин, что Рузвельт теперь сосредоточит все свои усилия на том, чтобы расколоть союз стран оси.

Американское давление, направленное на выяснение истинного отношения Японии к соглашению, усилило стремление Германии давить на японцев, чтобы сохранить главную цель пакта — запугивающую. Это стало особенно важно в 1941 году в связи с приближением срока вторжения в СССР. Немецкое давление приняло форму подталкивания Японии к тому курсу, который в значительной степени усилил угрозу того, против чего и было заключено соглашение, а именно вступление Америки в войну.

Глава 14

ГЕРМАНИЯ, СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ЯПОНСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

В судьбоносном 1941 году в войну вступили две ведущие нейтральные державы, подвергшиеся внезапному нападению участников договора стран оси. Европейская война превратилась во Вторую мировую. Ни в том ни в другом случае партнеры по Антикоминтерновскому пакту не были предупреждены о готовящемся вторжении, которое изменило саму природу конфликта, и можно сказать, что и Советский Союз, и Соединенные Штаты вступили в войну, перешагнув через труп японско-немецкого соглашения. Первый шаг в расширении войны, а именно нападение Германии на СССР, не мог не оказать влияния и на немецко-американские отношения. Одержимость Гитлера планом «Барбаросса» заставляла его воздействовать на Японию, требуя, чтобы она проводила агрессивную политику. Развитие Восточной кампании сформировало отношение Германии к японской экспансии. Более того, в Тихом океане, по сравнению с Атлантикой, для завоевания России фюрер готов был пойти на большой риск (или, по крайней мере, заставить японцев пойти на этот риск). Целью этого было устранение угрозы со стороны Америки. Но главным событием стало нападение на Пёрл-Харбор. Роль, которую сыграла Германия в событиях, приведших к «бесславному дню», явля-

ется частью более общего вопроса о том, как политика США влияла на политику рейха в отношении Японии в 1941 году. Чтобы понять это, мы должны выяснить два вопроса: с одной стороны, как немцы представляли себе внешнюю политику Японии и воздействие ее на Америку; а с другой, какие советы давала Германия Японии и какое давление оказывала на нее. Ибо для Германии 1941 года отношения с Японией нельзя отделить от проблемы Америки.

Основу немецко-японских отношений в 1941 году составлял договор стран оси. Однако следует иметь в виду, что, несмотря на американские заявления, делавшиеся в течение всего года, что этот союз представляет собой четко скоординированный заговор, на самом деле недоверие между Германией и Японией, проявившееся уже в 1940 году, продолжало расти. В течение года с пакта сдували пыль и манипулировали им в интересах того или иного партнера: немцы пытались надавить на японцев, чтобы те ударили по Британии на Дальнем Востоке, по России во Владивостоке и всегда придерживались четкой линии в отношениях с Америкой; японцы же пытались увильнуть от этих требований и продолжать подготовку к войне, а сами настаивали, чтобы немцы оказали им поддержку в приближающейся японо-американской войне. Но как действующий военный союз пакт умирал.

Конечно же с обеих сторон не было недостатка в заверениях о лояльности и проявлениях солидарности. Японцы объявили, что соглашение «неподвластно переменам», что оно составляет основу внешней политики Японии, что Япония «полностью доверяет Гитлеру» и готова «разделить с Германией горе и радость». Мацуока договорился до того, что союз с Германией был заключен «по велению свыше», чтобы разрушить Британскую империю. Подобные заявления, очевидно, произвели на Гитлера и Муссолини определенное впечатление, поскольку немцы не остались в долгу. «Мы с вами в одной лодке, — сказал Риббентроп японцам. — Пакт объединил судьбы обеих стран на грядущие века». Много говорилось об «уникальности исторического момента для совместных действий» и «железной

решимости» со стороны Германии помочь Японии в установлении нового порядка в Азии, а также о всемирном разделении трофеев, которые будут захвачены в результате нерушимого пакта стран оси.

Однако реальность немецко-японских отношений заключалась не в этих громогласных заявлениях, а в более прозаичных вопросах. Экономические отношения между двумя странами оставались напряженными, и у немцев появилось даже «определенное недоверие» к японцам, как выразился Отт. Немецкое руководство начало сомневаться в верности дальневосточного союзника взятым на себя обязательствам по договору. Это недоверие чувствовал японский посол Ошима, который в октябре откровенно признался министру иностранных дел Тойоде, что «сотрудники министерства иностранных дел от Вайцзеккера до самого последнего чиновника, а также все в целом, крайне недовольны Японией». Это отсутствие доверия, как мы увидим, проявлялось и в постоянных требованиях Германии совершить нападение на колонии Англии и в особенности в ее требованиях проводить твердую политику в отношении США. Оно проявилось и в заявлениях японских лидеров, которые пытались развеять тревогу немецких партнеров по поводу того, что Япония не испытывает желания выполнять взятые на себя обязательства, и даже по поводу того, что Япония якобы решила стать посредником в европейской войне¹.

Со своей стороны Германия не сообщила Японии о готовящемся нападении на СССР, что не могло вызвать в Токио особого доверия к союзу. Приказ Гитлера от 5 марта запрещал передавать японцам какую-либо информацию о плане «Барбаросса»².

Риббентроп в марте сообщил Мацуоке лишь то, что отношения Германии с Советским Союзом «не очень дружественные», что конфликт с Россией всегда возможен и что Германия сокрушит Сталина, если он окажется настолько

---

¹ Предложение о посредничестве было, очевидно, сделано японским послом в Лондоне премьер-министру Идену в феврале 1941 г.

² Вайцзеккер считал, что надо поставить японцев в известность о готовящемся вторжении в СССР.

глуп, что не будет проводить политику, «которую считает правильной фюрер»¹.

Это были достаточно общие намеки на будущие события, которые никак нельзя считать подробным посвящением в военные планы, как мог бы ожидать союзник, учитывая, что событие такого огромного значения произойдет всего через три месяца. Так что неудивительно, что известие о вторжении в Россию было воспринято в Японии с некоторым недоверием, несмотря на то что оно избавляло Японию от опасности нападения со стороны Советского Союза.

Вторжение в СССР в глазах японцев поставило под угрозу одну из конечных целей пакта, а также окутало отношения Германии и Японии еще более густым туманом недоверия. Отт сообщал, что действия Германии привели к усилению в Токио стремления сохранять нейтралитет и толковать статьи пакта точно в соответствии с японским видением. Трудно сказать, не понимал ли это Гитлер или просто не хотел принимать японцев во внимание².

Удивительнее всего то, что он, очевидно, ожидал, что, несмотря ни на что, Япония будет выражать верность Германии и продолжать доверять ей в своих отношениях с Америкой.

По мере того как ось Берлин—Рим—Токио разъедало недоверие, можно было бы подумать, что Германия перестала оказывать влияние на Японию. Такую линию защиты проводили обвиняемые в своих показаниях в суде в Нюрнберге. Вайцеккер заявил, что мощное влияние Германии на своего союзника в 1941 году «сильно преувеличено», а Эрих Кордт, служивший в Токио, утверждал, что не разделяет мнения о том, что Германия оказывала какое-либо влияние на политику Японии³.

Правда заключается в том, что между двумя странами не проводилось регулярных консультаций и отсутствовала ко-

---

¹ «Несколько месяцев — и России больше нет», — как выразился Риббентроп.

² Кордт приводил этот случай как пример того, что Гитлер считал Японию своей простой помощницей в европейской политике.

³ Кордт приводил переговоры Халла и Номуры как подтверждение его мнения о том, что японцы были совершенно невосприимчивы к давлению со стороны Германии.

ординация политики, и с каждым разом становилось все яснее, что Германия и Япония следуют совершенно независимыми друг от друга путями. Тем не менее факт остается фактом — обе эти страны стремились сохранить хотя бы видимость союза, и каждая из них время от времени требовала от другой подтверждений своих обязательств. А это говорит о том, что обе стороны были заинтересованы хотя бы в том, чтобы иметь возможность манипулировать соглашением. Ощущение того, что Япония и Германия имеют общую судьбу, сохранилось надолго, и это давало Германии определенные возможности для влияния на своего дальневосточного партнера¹.

Вопрос о том, насколько эффективно было это влияние, требует более детального изучения. Но бесспорно то, что Германия в течение 1941 года сознательно и упорно пыталась оказывать на Японию давление с целью активизировать и направить ее политику против США. «Мировой треугольник» давно уже превратился в прямую линию, но немецкая политика на Дальнем Востоке требовала, чтобы видимость этого треугольника сохранялась как способ оказания давления на японцев, которые должны были бороться со все более увеличивающимся влиянием Америки.

Обратимся теперь от разрушающегося, но все еще действующего союза к немецкому представлению о японской внешней политике и давлению, оказываемому на Токио в результате этого представления. Рассмотрим сначала вопрос в целом, а потом — три более конкретные проблемы. Общая картина японской внешней политики, какой ее представляли в Берлине, была изложена в инструкциях, подготовленных министерством иностранных дел для немецкой делегации, отправлявшейся в марте и апреле на переговоры с министром иностранных дел Мацуокой. Япония характеризовалась в них как страна, проводившая экспансионистскую политику. Эта экспансия осуществля-

---

¹ Грю писал Рузвельту, что на японцев большее впечатление оказывает не политика Германии, а ее судьба.

лась под лозунгом Великой восточноазиатской сферы, которая состояла из Японии (как возглавляющей ее страны), Маньчжурии, Китая и, возможно, Малайзии, Сингапура и Бирмы. В добавление к этому более широкая территория, «Океания», включавшая в себя острова, расположенные между Америкой и Азией, помимо Австралии и Новой Зеландии, должна была быть открыта для освоения все более растущим населением Японии и других стран. Мотивы этой экспансии были экономическими, хотя в некоторых кругах важную роль играли и политико-идеологические моменты, вращающиеся вокруг идеи о предназначении Японии.

Японские планы осуществлялись по двум направлениям: политика и действия по отношению к другим странам, имеющим свои интересы в этом регионе, с одной стороны, и внутренняя политика Японии — с другой¹.

К счастью, интересы Японии и Германии нигде не пересекались, по крайней мере политически или территориально, и Германия, таким образом, поддерживала японскую политику издалека².

Однако, согласно данным немецким дипломатам инструкциям, Японии необходимо было закончить войну с Китаем, освободить свой тыл от возможного удара со стороны Советов и подготовиться к войне с Британией, то есть к «военной операции, целью которой станет прорыв на юг в направлении Гонконга, Филиппин и Сингапура».

Отношения с Соединенными Штатами имели особое значение, поскольку американский Тихоокеанский флот представлял собой угрозу с Гавайев и Филиппин для Великой восточноазиатской сферы и поскольку Япония экономически зависела от этой страны. Соединенные Штаты занимались перевооружением своих сил в Тихом океане и

---

¹ Джонс в своем анализе подчеркивает именно этот, «домашний» аспект. Он убежден, что с 1937 по 1941 г. в Японии не было генерального плана завоеваний, и называет японскую внешнюю политику «мячом для игры, которым перебрасывались партнеры по внешней политике».

² Гитлер еще раз подтвердил этот факт Курусу 3 февраля 1941 г. О невозможности немецко-японского конфликта говорилось в «Меморандуме, касающемся бывших немецких колоний» от 18 марта 1941 г.

проводили политику экономического давления на Японию и поддержки независимости государств Юго-Восточной Азии, поэтому императорское правительство в Токио столкнулось с очень серьезной проблемой: как обзавестись альтернативными источниками сырья, не спровоцировав при этом войну с США.

У Японии открывались новые возможности для проведения политики по отношению к этим странам, с помощью которой она могла попытаться достичь условий, необходимых для экспансии, писалось в заключение в инструкции. Выбор тактики зависел от второстепенных факторов: создания и падения кабинетов министров и в особенности судьбы министра иностранных дел Мацуоки. Все это придавало политике Японии «определенный оттенок нерешительности» в глазах Германии и приводило к той «фундаментальной непоследовательности в политике, из-за которой Японии не доверяли и не любили ее во всем мире».

Однако изменчивость японской политики, какой бы неприятной она ни была для ее партнеров, давала, по крайней мере, пространство для маневра и возможность оказывать на Токио давление. Проблема заключалась в том, что Берлину почти нечего было предложить Японии, кроме своих европейских побед, в награду за выполнение немецких требований. Тем не менее давление Германии на Японию не прекращалось. Несмотря на характерные особенности японской политики, линия, которую Германия заставляла ее проводить в 1941 году, была ясной и последовательной. Если говорить кратко, то японцев побуждали захватывать все новые и новые территории. Немцы настаивали на том, чтобы Япония оказывала давление на Индию и Индокитай, атаковала Сингапур, а «позже, когда операция «Барбаросса» захлебнулась, совершила нападение на Владивосток». Немцы хотели, чтобы она двигалась на юг, захватывала источники сырья и чтобы флот Японии своими действиями связал американский флот. Более того, Япония должна была быть твердой и неуступчивой в отношении США. Заключение японо-американских соглашений сорвалось.

Беспокойство Японии по поводу реакции Америки заставляло ее требовать у Германии обещаний, что она будет делать все, чтобы Америка не вступила в войну. Германия уверяла своего партнера, что американская политика в значительной степени представляет собой блеф, и что даже если она вступит в войну, то это ничего не изменит, поскольку США очень слабая в военном отношении страна, а державы оси, наоборот, сильные. Токио дали понять, что Германия не будет провоцировать Америку, но если все-таки США вмешаются, то Германия сразу же выполнит все свои обязательства по договору. Однако в течение года тон немецких советов переменялся — теперь Гитлер хотел, чтобы Япония нанесла удар в Азии и тем самым облегчила положение немецких войск в Европе. Гитлер, проводя свою дальневосточную политику, вероятно, не желал японо-американской войны, но он толкал своих партнеров на такие поступки, которые в свете того, что нам известно о намерениях Японии, как раз и привели к развязыванию войны.

В добавление к общим соображениям по вопросу о том, какую политику проводила Германия в отношении Японии в 1941 году, скажем, что немцев особенно интересовали три аспекта японской политики: ее отношения с СССР, планы экспансии на юг и отношения с Америкой. В первых двух американский фактор присутствовал в гораздо меньшей степени, чем в третьем. Но по всем этим трем аспектам Германия оказывала большое давление на Японию, заставляя ее проводить такой курс, который должен был повлиять на положение США.

Мы уже выяснили, что до нападения Германии на Советский Союз у японцев были веские причины стремиться к улучшению отношений с этой страной. Немцам в феврале было заявлено, что японцы не считают себя обязанными участвовать в немецко-советском конфликте. В апреле 1941 года Япония даже подписала с русскими пакт о нейтралитете. Однако этот договор не привел к переброске советских войск с Дальнего Востока на Европейский театр военных действий, чего так боялись немцы, готовившиеся напасть на СССР. После вторжения Германии в Россию в

июне 1941 года японцы, как и было оговорено, заявили о своем нейтралитете, который они сохраняли до 1945 года, когда СССР объявил им войну. Несмотря на явное нежелание Гитлера избежать осложнений на Дальнем Востоке, пока операция «Барбаросса» развивалась благоприятно для немцев, Риббентроп прилагал все усилия, чтобы заставить японцев отказаться от своего нейтралитета. Он велел Отту информировать Токио, что с Россией покончено, и настаивать на сотрудничестве Японии в окончательном решении русского вопроса «во всей его полноте и на все времена». Отт должен был сообщить японцам, что Японии не будет прощения, если она не воспользуется предоставляемой ей возможностью обезопасить свой северный фланг и не двинет свои войска навстречу немецким армиям. «Требование дня» было ясным: немедленное нападение на Владивосток. Это станет не только смертельным ударом для России, но и приблизит решающий удар по Англии. Что касается Америки, то Риббентроп не сомневался, что действия Японии против России парализуют любое желание этой страны вмешаться в войну¹.

Но японцы ответили на это, что их движение на юг, которое связывало здесь силы англосаксов, принесет больше пользы, чем вторжение в СССР.

Но Риббентроп не желал отступить. Он пригласил Ошиму на Восточный фронт, чтобы тот своими глазами убедился в неизбежности победы Германии, и велел Отту возобновить давление на Токио с тем, чтобы Япония напала на Советский Союз «чем скорее, тем лучше». Рейхсминистр иностранных дел (возможно, для того, чтобы замаскировать истинную причину немецких требований — замедление наступления на Востоке) все сильнее и сильнее подчеркивал то воздействие, которое нападение Японии произведет на Британию и США. Он опасался, что японцы упустят уникальную возможность обезопасить свой тыл и занять совершенно новое для себя положение — лицом к лицу с англосаксами. Позже, предупреждал он, у Японии

---

¹ Мацуока заявил Отту, что у него сложилось такое впечатление, будто Гитлер на самом деле не хочет, чтобы Япония вторглась в июне в Россию.

будет менее выгодная позиция, чтобы противостоять нападению «усилившихся в военном отношении США». Но ни это, ни возможность «принять участие в решающей битве с большевизмом в Сибири» не тронуло японцев¹. Они не только не собирались начать войну по требованию Германии, но не осмеливались даже настраивать против себя Америку, нападая на американские корабли, которые доставляли американские грузы во Владивосток. Хотя Мацуока в июне дал кое-какие обещания по этому поводу, в августе Отт упрекнул японцев в том, что они нарушают договор с Германией, пропуская американские корабли в порты воюющей с рейхом страны. Он также заявил министру иностранных дел, что в Вашингтоне создается впечатление слабости Японии, если она и дальше будет позволять судам приходить во Владивосток целыми и невредимыми².

В августе Риббентроп решил надавить на союзника сильнее. Если японцы пропустят во Владивосток еще хотя бы один корабль, то будет создан неприятный прецедент. Все начинается с обыкновенных грузов, а закончится поставками «топлива, пушек, самолетов и вооружения всякого рода». Разве это соответствует духу пакта? Неужели японцы так наивны, что верят словам Рузвельта? Он предложил японцам создать дальневосточную зону безопасности и начать «играть с американцами по их же собственным правилам». Не беспокоили Риббентропа и возможные столкновения между судами Японии и США. Мы знаем, что одновременно Риббентроп требовал от немецких адмиралов проявлять сдержанность в Атлантике. Говорил ли он японцам о сдержанности? Ничего подобного. Он заявлял японцам, что конечно же лучше было бы просто разгружать суда и отпускать их, но не будет ничего плохого, если им придется отправить несколько судов на дно, «если американцы не подчинятся». Но, несмотря на туманные обещания японцев, первый американский корабль в сентябре беспрепятственно прибыл во Владивосток. Доклад немецкого посла в Вашингтоне по этому по-

---

¹ Макензен в Риме навязывал японскому послу тот же самый курс.

² Мацуока умолял немцев проявить «понимание в этом вопросе».

воду (американцы испытывают «удовлетворение от того, что им удалось запугать японцев») оправдал самые худшие опасения Гитлера.

У немцев были свои стратегические причины настаивать на вторжении Японии в Россию, особенно после того, как осенью наступление на Москву захлебнулось, а Америка еще не занимала главного места в немецкой дальневосточной политике. Но им и здесь пришлось принимать ее во внимание, и одна из главных причин, почему не удалось убедить японцев вступить в войну, заключалась в том, что Германия и Япония по-разному оценивали то влияние, которое это событие оказало бы на США.

Вторым аспектом японской политики, который интересовал Германию в 1941 году, было ее продвижение на юг, имевшее непосредственное отношение к планам Соединенных Штатов. К марту японцы далеко продвинулись к обретению вождеденного влияния в Индокитае и Таиланде, хотя Голландская Ост-Индия все еще не желала подчиняться им, частично под давлением Великобритании и США. Что касается Сингапура, то немцам было сообщено, что хотя «желание напасть на него» не исчезло, эта операция откладывается из-за того, что Япония не знает, как отреагируют на это Англия и Америка, а кроме того, что необходимо было решить китайский вопрос¹.

В конце июня и июле японцы всячески стремились возобновить свое продвижение на юг, и Мацуока сообщил Отту, что напряжение в Голландской Ост-Индии стало невыносимым и что Сингапур будет оккупирован в недалеком будущем.

В течение осени Отт сообщал, что нанесение удара в южном направлении возможно «в любое время». Осознав неизбежность столкновения с англосаксонскими странами и испытывая серьезную тревогу по поводу снабжения нефтью, вооруженные силы Японии, по сообщению Отта,

---

¹ Мацуока сообщил американскому послу Штейнхардту, что Япония «ни при каких обстоятельствах не нападет на Сингапур».

были готовы начать блокаду Сингапура, оккупировать Таиланд и Филиппины и нанести удар по Борнео и Суматре. Вашингтонское посольство также сообщало, что нехватка сырья толкает Японию на юг, причем в это понятие надо включить и Филиппины. В ноябре передвижение японского флота в юго-западном направлении отмечало немецкое консульство в Сайгоне, а посол Ошима сказал Риббентропу, что, хотя операция против Сингапура отложена до следующей весны, движение на юг стало теперь «неизбежным» и что японцы должны быть готовы и к нападению на Филиппины. 21 ноября Отт телеграфировал в Берлин, что наступило время принятия решения о сроках начала этих операций, включая и «внезапное нападение на Филиппины».

Учитывая все это, немцы не сомневались, что главным фактором в расчетах японцев были США и что действия Японии неизбежно приведут к столкновению с ними, возможно даже вооруженному. В январе 1941 года Отт писал, что планы японцев полностью соответствуют немецким интересам, за исключением того, что они «могут спровоцировать войну с Америкой». Американцев изображали как людей, стремящихся «саботировать» установление нового порядка в Азии, и в Токио хорошо знали о том, что Америку очень тревожит японская экспансия. Мацуока лично объяснил Гитлеру положение вещей и предсказал пятилетнюю войну с Америкой как вполне реальную.

Берлин в течение всего лета постоянно предупреждали о возможности американской интервенции на Дальнем Востоке в ответ на японские экспансионистские действия. Немецкий военно-морской атташе в Токио особенно подчеркивал опасность американского ответного удара в случае нападения на Филиппины, а Томсен заявлял, что любая подобная операция «вне всякого сомнения, приведет к тому, что Америка объявит Японии войну». Из Вашингтона и Рима в сентябре и октябре пришли доклады о том, что Америка решительно настроена защитить от посягательств Японии Сингапур. Отт, комментируя планы Японии, предупреждал, что в долгосрочной перспективе она не сможет устоять перед постоянным давлением со сторо-

ны США и, возможно, ей потребуется немецкое оружие, чтобы защититься от этой страны. В ноябре Отт сообщал, что военные приготовления к экспедиции на юг воспринимаются теперь вооруженными силами «со всей серьезностью», а мирное решение проблемы уже не считается возможным. Посол был глубоко убежден, что предстоящие военные операции Японии приведут к вступлению в войну Америки, поскольку японцы не смогут избежать нападения на Филиппины «по стратегическим соображениям». Германия должна принять это во внимание и быть готова подписать соглашение о помощи. Тем временем Отт предупреждал, что теперь идут разговоры не только о нападении на Таиланд и Сингапур, но и об устранении угрозы японским планам со стороны Гуама, Филиппин и Гавайских островов.

Таким образом, хорошо зная об экспансионистских планах Японии, которые повышали риск вмешательства Америки в войну, какие же советы давали немецкие лидеры своей союзнице? Политический курс Германии на 1941 год изложил 8 января Адольф Гитлер. Он сообщил своим адмиралам, что Германия должна поощрять экспансию Японии, «даже если в ответ на это США предпримут решительные меры». Через десять дней он добавил, что «не верит больше в угрозу со стороны Америки, даже если она и вступит в войну». Мы знаем, что равнодушие фюрера к вмешательству США не разделяли в министерстве иностранных дел, хотя оттуда не поступало возражений против навязывания Японии столь опасного курса.

В феврале Риббентроп снова начал оказывать давление на японцев, требуя, чтобы они напали на Сингапур. Это была постоянная тема немецкой политики в отношении Японии, несмотря на столь же постоянные предупреждения, что это нападение может вызвать вооруженный конфликт с США. Удар по Сингапуру, по мнению Риббентропа, должен был решить три проблемы: он стал бы решающим ударом по Англии, позволил бы Японии сразу же захватить то, что она надеялась получить только после войны, и не позволил бы Америке вмешаться в войну (если, конечно, Япония не нападет непосредствен-

но на американские позиции и не даст тем самым Рузвельту повода для вступления в конфликт). Но даже если США и вмешаются, продолжал далее Риббентроп, это им не поможет, поскольку японский флот легко справится со слабым, разделенным американским флотом¹.

В любом случае японцы должны дать Америке ясно понять, что если она будет мешать установлению нового порядка в Азии, то ей придется столкнуться с «железным фронтом». Через десять дней министр иностранных дел надавил на Ошиму еще сильнее. Если Япония уклонится от своих обязательств, то это будет «преступлением перед духом будущего». Он подчеркнул, что Америка находится в невыгодном стратегическом положении, и этот факт должен вселить в японцев уверенность в своей победе. Количество и качество немецкого оружия поможет устранить американскую угрозу в Европе, но японцы должны совершить стремительное нападение на Сингапур, чтобы поставить Америку и в Тихоокеанском регионе перед свершившимся фактом. Ошима заверил министра иностранных дел, что Япония готовится напасть на Сингапур и, если потребуется, на Филиппины. Но Риббентроп предостерег японцев от этого. Не лучше ли, спросил он, сконцентрироваться на одном Сингапуре, лишив, таким образом, Рузвельта повода для вмешательства в войну? Если Америка и после этого вступит в нее, то это станет доказательством того, что она с самого начала собиралась это сделать. В любом случае, что бы ни решили делать японцы, им не надо опасаться Америки, ибо, если ее руководители оказались так глупы, что услали свой флот на Гавайи, то японский флот «завершит работу, проделанную армией», и война быстро закончится.

Более точные директивы, направленные на активизацию японской политики на Дальнем Востоке, содержались в основном приказе № 24 от 5 марта. «Цель сотрудничества, осуществляемого в рамках договора оси, заключается в том, чтобы как можно скорее заставить Японию

---

¹ Впрочем, руководство военно-морского флота Германии смотрело на последствия столкновения двух флотов гораздо более пессимистично.

приступить к активным действиям на Дальнем Востоке». Все это должно было устранить Англию и удержать Америку от вступления в войну, поскольку она не имеет сил для борьбы с Японией. Через три недели Гитлер сообщил своим адмиралам, что Япония должна напасть на Сингапур «как можно скорее», не опасаясь Америки, поскольку та никогда не сможет справиться с японским военно-морским флотом.

В марте в Берлин прибыл Мацуока, что дало немцам возможность оказать давление лично на него. После их первой встречи 29 марта Риббентроп почти все оставшееся время убеждал японского коллегу в слабости американцев. Американские подводные лодки, например, по его мнению, были так слабы, «что японцам не стоило даже беспокоиться о них». Во время переговоров в следующие два дня Мацуока высказал японские опасения по поводу Америки и описал опасность пяти- или даже десятилетней войны с США. Но Риббентроп и слышать об этом не хотел. Америка, заверил он Мацуоку, забыв о своих прежних предупреждениях, не будет воевать, даже если Япония нападет на Филиппины. Американцы не посмеют и носа высунуть с Гавайев, и потому японцы должны смело идти вперед, «иначе упустят уникальную возможность в истории» (вся история для Риббентропа была полна «уникальными возможностями»).

1 апреля Гитлер сам беседовал по этому вопросу с министром иностранных дел Японии. «Никогда еще в человеческом воображении не было лучших условий для совместных действий стран оси... редко, когда риск поражения был так мал». Англия воюет, США безоружны, на границе СССР стоят сто восемьдесят дивизий, а Германия не имеет на Дальнем Востоке никаких интересов — чего же еще японцам нужно? Заговорив об Америке, фюрер объяснил, что перед этой страной открыты три возможности: вооружаться, помогать Англии или ввязаться в войну на два фронта. Первые две требуют слишком много времени, а третья просто стратегически немыслима. Поэтому Америке можно вообще не принимать во внимание. Мацуока согласился со всеми этими доводами, но заметил, что, к со-

жалению, не все в Японии так думают. «Определенные круги» в Токио сильно осложняют ему жизнь, объяснил он, и поэтому сейчас он не может дать никаких обещаний по поводу Сингапура. Он может сказать лишь одно: Япония нападет на него, но когда — неизвестно. Разочарование Гитлера было таким явным, что Мацуока поспешил заверить его, что вся проблема Японии заключается в том, что она «пока еще не нашла своего фюрера».

4 апреля состоялась еще одна встреча Гитлера с Мацуокой, которая представляет большой интерес. Мацуока снова заговорил о том, что Америка вполне может ответить ударом на удар, если Япония нападет на Сингапур. Гитлер заявил, что это нежелательно, и заверил министра иностранных дел Японии, что Германия все предусмотрела. Это было уже что-то новое — Гитлер заявил, что «Германия со своей стороны немедленно примет меры, если Японии придется воевать с США». Обстоятельства и причины, которые могут привести к военному столкновению с ними, не имеют значения. «Не важно, с кем США начнут воевать первыми — с Германией или Японией. Германия нанесет свой удар без промедления». Тогда Мацуока сообщил Гитлеру, что Япония на самом деле уже готовится к войне с Америкой и, поскольку конфликт неизбежен, обдумывает вариант нанесения первого удара. Гитлер полностью одобрил это решение.

Несмотря на то что после войны отрицалось, что Гитлер во время этой беседы одобрил решение Японии напасть на США¹, совершенно очевидно, что Гитлер, по крайней мере, прекрасно понимал, что экспансия Японии на юг приведет к вмешательству Америки в войну, и был не только готов к этому, но и подталкивал японцев к вооруженному столкновению с США.

Немецкое военное командование тоже проявляло активность, убеждая японцев начать войну именно в это

---

¹ Эту мысль высказал Майснер. Она в определенном смысле подтверждается комментарием Мацуоки, который услышал от него посол Штейнхардт в Москве. У Мацуоки сложилось впечатление, или он просто хотел уверить в этом американского посла, что Гитлер и Муссолини хотят избежать войны с США.

время. Когда в апреле адмирал Номура сказал Редеру, что японцы не могут вступать в войну с Британией и США, пока не будут решены все ее восточноазиатские проблемы, Редер назвал это «большой стратегической ошибкой». Япония должна воспользоваться представившейся ей «уникальной возможностью» захватить Сингапур. А в Вашингтоне, как мы уже видели, Беттихер убеждал японского военного атташе в том, что Америка слаба и вся ее политика — чистый блеф¹.

В течение лета 1941 года Риббентроп делал все, чтобы поддержать интерес Японии к Сингапуру, а в октябре уделил много внимания попыткам Америки напугать Японию. Все это, уверял он, «одна лишь маска». Америка уже сейчас истощена до предела и не представляет никакой опасности. Не трогая Филиппин, Япония может наносить «решительные удары» на Дальнем Востоке, не боясь вмешательства Америки. В ноябре, когда немецкое наступление в России захлебнулось, немцы стали особенно напирать на то, что американцы не смогут помешать японцам, в каком бы районе Дальнего Востока они ни нанесли удар. Сообщениям Беттихера об американской слабости придавалось теперь особое значение. Риббентроп беспокоился, что японцы не воспользуются «слабостью Америки» и упустят свой шанс. Ссылаясь на оценки Беттихера, касающиеся объемов американского производства, он велел Отту дать понять японцам, что они могут нанести удар в любой момент, не опасаясь, что Америка вмешается в войну².

В этом втором аспекте японской политики Америка стала центральным фактором, и, соответственно, на это были направлены расчеты немцев. Не обращая внимания на многочисленные признаки того, что японская экспансия на юг вызовет вооруженную акцию со стороны Америки, немцы толкали своего союзника на путь агрессии. Случайные предупреждения о том, что в отношении Фи-

---

¹ Хотя ОКМ больше времени уделяло операциям в Атлантике, военно-морские круги Германии широко обсуждали и вопрос японо-американских отношений.

² Однако Риббентроп снова посоветовал не совершать прямого нападения на Филиппины.

липпин надо действовать крайне осторожно, тонули в общем подстрекательском тоне. Берлину было заявлено, что Филиппины будут представлять собой главную угрозу для существования нового порядка и должны быть включены в Великую восточноазиатскую сферу. Японцы хорошо понимали, как, впрочем, и немцы, что США не останутся в стороне даже в том случае, если Япония захватит один Сингапур. Гитлер и Риббентроп охотно верили докладом Беттихера, но если они и вправду верили в то, что Америка из-за своей слабости не вмешается в войну, то почему же они так боялись японского нападения на Филиппины? Вполне возможно, была определенная надежда на то, что японцам удастся повторить в Азии немецкий блицкриг, хотя японцы смотрели на дело более реалистично — они понимали, что их ждет длительная война. Кроме того, события развивались очень быстро, и все планы немцев смешал провал операции «Барбаросса». Немцы надеялись, что быстрые удары в Европе будут подкреплены столь же быстрыми ударами на Дальнем Востоке, и поэтому Америка лишится всяких оснований для вмешательства в войну. В любом случае по реакции Германии на амбициозные планы Японии было хорошо видно, что немцы готовы были пойти даже на риск вступления в войну Америки, лишь бы только заставить японцев воевать.

Глава 15

ГЕРМАНИЯ И НАПАДЕНИЕ НА ПЁРЛ-ХАРБОР

Немецкая реакция на японскую политику в отношении СССР и экспансию на юг, несомненно, учитывала и США. Нам осталось теперь рассмотреть третий аспект внешней политики Японии: японо-американские отношения как таковые и немецкие попытки повлиять на них. Эти отношения вызывали в Берлине большое беспокойство¹.

---

¹ Ошима после войны говорил, что Риббентроп постоянно спрашивал его о том, в каком состоянии находятся японо-американские отношения, как продвигаются переговоры с Вашингтоном и как относятся официальные круги и общественное мнение Токио к Америке.

Стремление японцев достичь соглашения с Америкой не вызывали в Берлине особой радости. С февраля, с началом переговоров между Госсекретарем Халлом и послом Номурой, которые продолжались до самых последних дней перед нападением на Пёрл-Харбор, тревога немецкого правительства еще больше усилилась. Нацистов больше всего беспокоил тот факт, что в ходе переговоров пакт утратит в американских глазах свое устрашающее значение¹.

Японцы всячески пытались успокоить своего союзника. Они поторопились заверить немецкую сторону, что главная цель переговоров — предотвратить вмешательство США в войну и что адмиралу Номуре было дано задание всячески подчеркивать верность Японии своим союзническим обязательствам. В мае Мацуока снова заверил Отта в этом, предоставив дополнительные доказательства. Отт сообщил, что Мацуока, по его словам, ясно дал понять американскому и британскому послам, что любые действия Америки в Атлантике, направленные против Германии, могут в любое время быть названы актом агрессии².

Несмотря на это, Отт обнаружил, что японцы всерьез рассматривают новые американские предложения, которые, будучи принятыми, превратили бы пакт в пустой звук и привели к тому, что Япония в течение всей войны оставалась бы нейтральной. Он добавил, что эти предложения были с радостью встречены в военно-морских и коммерческих кругах Японии³.

Более того, немецкий посол передал в Берлин слух о том, что после встречи с Номурой Рузвельт якобы ска-

---

¹ Вопрос о пакте действительно был затронут Халлом в самом начале переговоров. Кордт после войны сообщил, что немецкое посольство в Токио специально нагнетало нетерпимую обстановку вокруг переговоров, чтобы в Берлине осознали, как велика опасность вмешательства США в войну.

² Грю в своей беседе с Мацуокой заявил ему, что такая позиция Японии может привести к «очень тяжелым, далеко идущим последствиям».

³ Американские предложения, по мнению Отта, включали в себя совместную японо-американскую декларацию об отказе от участия в европейской войне, американское давление на Чан Кайши с целью заключения мирного договора с Японией, возобновление нормальной торговли, признание Америкой Маньчжоу-Го и совместные гарантии безопасности Филиппинам.

зал, что «японцы желали бы постепенно отказаться от пакта»¹.

Отту было велено сообщить японцам о том, что Германия «удивлена», что американцам не было сообщено о конкретных обязательствах Японии перед странами оси, а Риббентроп в личном письме заявил Мацуоке, что он не считает переговоры «хорошим делом». Японцы ответили новым потоком заверений в лояльности. Они обещали держать Германию в курсе дела и заявили, что не обманываются по поводу намерений Америки. Рузвельт настроен воевать, но японцы в ходе переговоров делают все возможное, чтобы не допустить вмешательства Америки в войну и привязать американский флот к Тихому океану. Однако Отт сильно сомневался, что японцы вообще намерены выполнять свои обязательства по договору, если из-за американской помощи Англии разразится немецко-американская война.

В течение лета доклады об увеличении американского давления и публичные заявления японцев, в которых расхваливалась дружба между японцами и американцами и отрицалось какое-либо участие в «немецких планах установления мирового господства», чередовались с постоянными уверениями Мацуоки в верности договору стран оси. Столь непоследовательная политика Токио вызвала целый поток запросов из Берлина. Возможно ли, спрашивал Риббентроп, чтобы Япония давала Америке словесные гарантии того или иного типа? Какова реакция японцев на американские провокации по отношению к Германии? Могла ли та «неприличная быстрота», с которой американцы захватили Исландию, быть результатом гарантий, которые им дали японцы? Почему японцы не сообщают в Берлин обо всем, что у них происходит? Однако лето шло, а тревога немцев не уменьшалась.

В августе, когда доклады из Вашингтона рисовали картину грубой американской политики экономических сан-

---

¹ Номура заявил Халлу, что Японии не обязательно участвовать в немецко-американской войне и что любые решения, касающиеся японских обязательств по отношению к немцам, являются исключительно японским делом.

кий и передавали слухи о новых японо-американских соглашениях, Берлин был шокирован антинемецким заявлением, которое сделал в Америке член японского парламента, заявивший, что заключение пакта было «большой ошибкой». Он публично заверил американцев, что, хотя ряд стран и желает японо-американской войны, японский флот «не позволит, чтобы его использовали как инструмент в руках третьей стороны для борьбы с Соединенными Штатами». Томсен добавлял, что в результате этого «неслыханного» выпада Соединенные Штаты полны теперь решимости и будут глухи к японским мирным предложениям, поскольку политика устрашения дает лучшие результаты. Хуже всего, что японцы объявили о том, что планируют возобновить переговоры в Вашингтоне (которые были прерваны 31 июля), чтобы «прояснить обстановку». Японцы открытым текстом объяснили немцам, что до сих пор они вели по отношению к Америке более жесткую политику, чем сами немцы. Это не дало желаемых результатов, и теперь Токио считает, что надо попытаться применить более мягкий «немецкий» подход. Но если это объяснение было направлено на то, чтобы обезоружить Германию, то японцы просчитались.

Мы не знаем, насколько подробно немцы знали о предложении, сделанном позже, в августе, премьер-министром принцем Конойе Рузвельту о переговорах по урегулированию самых сложных проблем¹.

Риббентропа подробности проекта принца Конойе, узнай он их, встревожили бы до крайности, поскольку, убеждая американцев согласиться с их предложением, японцы исходили из идеи о том, что немецко-японские отношения можно будет уладить «разными способами», а угроза со стороны англосаксов будет существовать постоянно, вне зависимости от судьбы Германии. Чтобы заставить американцев сесть с ними за стол переговоров, японцы зашли очень далеко — они готовы были свести соглашение с немцами, по крайней мере на словах, к тому, что посол Грю

---

¹ Отг сделал запрос по поводу слухов о подобных переговорах, но ему ответили, что эти слухи совершенно беспочвенны.

назвал «мертвой буквой». Американскому послу было сказано, что, хотя японцы и не могут взять на себя обязательство не обращать внимания на действия США против Германии, между двумя сторонами была достигнута договоренность, позволявшая принцу Конойе дать непосредственно президенту устные заверения о позиции Японии, которые бы полностью его удовлетворили¹.

Однако к октябрю Отт сообщал об усилении в Токио настроений в пользу оси, и в последний мирный месяц депеши из Токио аккуратно отмечали неуклонное ухудшение японо-американских отношений².

С начала ноября до 7 декабря события развивались очень быстро и в конце концов обогнали дипломатов. Но перед тем как описать, что произошло в эти судьбоносные недели и какова была роль Германии в нападении на Пёрл-Харбор, мы должны еще раз подчеркнуть, какие советы давала своей союзнице Германия в отношении Америки.

Это были два типа советов: во-первых, японцы должны проявлять твердость и не допускать никаких соглашений с Америкой, а во-вторых, как мы уже убедились, когда рассказывали о поощрении Германией японской экспансии на юг, были приложены все усилия, чтобы убедить Токио в том, что бояться Америки нечего, поскольку американские угрозы — это блеф, направленный на то, чтобы скрыть военную слабость. Ошима после войны говорил, что «Германия одобряла японо-американские переговоры только в той мере, в какой они могли заставить Соединенные Штаты соблюдать нейтралитет». Однако это заявление не подтверждается документами. Риббентроп, как мы знаем, не только заявил Ошима, что переговоры не являются «хорошим делом», но предлагал даже не только прекратить их, но и разорвать дипломатические отношения, «чтобы пробудить к действию американский народ».

¹ Меморандум от 18 сентября 1941 г. Тойода потребовал ответа от Грю, и Грю заявил ему, что он убежден, что «теперь уж он [Конойе] сделает так, как обещает». Но судьбу предложения, вероятно, решило отрицательное отношение к нему Халла.

² Секретарь японского посольства в Берлине сообщил Верману, что японское правительство не потерпит «полумер» в отношении Америки.

Вайцеккер также не доверял этим переговорам. В меморандуме, составленном в мае, он заявил, что «политические соглашения любого рода между Японией и Соединенными Штатами в настоящее время нежелательны...», поскольку «предоставят нам одним возможность воевать с Англией и Соединенными Штатами, а сам пакт будет дискредитирован». Пока шли переговоры Халла с Номурой, Гитлер и Риббентроп требовали от японцев, что если они действительно хотят их продолжать, то пусть, хотя бы из солидарности со своими союзниками, проводят жесткую политику по отношению к администрации Рузвельта. «Соединенные Штаты, — заявлял Ошима Риббентроп, — должны понять, что любые агрессивные намерения натолкнутся на железную стену решительно настроенных наций, которая окружает практически весь мир».

Первоначальная надежда, что Япония будет использовать переговоры для устрашения Америки, была вдребезги разбита при известии об интервью, которое Номура дал американским журналистам в Вашингтоне. В нем он охарактеризовал вопрос о том, означает ли война Америки с Германией одновременно и войну с Японией, как вопрос «истолкования условий договора, в которое я не хочу вдаваться». Риббентроп немедленно послал гневную телеграмму Отту, требуя объяснений. Вопрос, как должен был сообщить японцам Отт, «изложен в тексте пакта совершенно однозначно». Было бы гораздо лучше, если бы Номура в своем ответе просто сослался на него.

Во время визита Мацуоки в Германию в конце марта ему постоянно внушали, что надо быть твердыми с американцами, а также, как мы уже говорили, убеждали продолжать экспансию на юг, не обращая внимания на Соединенные Штаты. Министр иностранных дел Германии напомнил своему японскому коллеге, что цель пакта заключалась в том, чтобы «напугать Америку до такой степени, чтобы она отказалась от выбранного ею курса». Чтобы достичь этой цели, японцы должны были быть неуступчивыми и отказываться от подписания любого соглашения с США. О том же самом 4 марта японскому дипломату говорил и Гитлер. На этой встрече он заверил Японию, что,

вне зависимости от того, какая страна первой начнет войну с Америкой, Германия или Япония, Германия «тут же предпримет необходимые меры». Он предупреждал, что американцы всегда будут «заинтересованы в том, чтобы сначала избавиться от одной страны, но не с целью заключения соглашения с другой, а для того, чтобы избавиться от нее потом». Поэтому все члены пакта должны выступать единым решительным фронтом, иначе они будут разгромлены поодиночке.

11 мая Риббентроп велел Отту сообщить японцам, что война, которую ведут в настоящее время Германия и Италия, является также и «смертельной схваткой» за Японию. Разгром Германии и Италии оставил бы Японию один на один с мощной англосаксонской коалицией, в которую может войти и Советский Союз. Необходимо было максимально осложнить жизнь Рузвельту. Япония просто не могла позволить президенту ввести элемент неуверенности в это предложение посредством уклончивых ответов Японии. Позже Риббентроп выразился еще конкретнее. Японцы, писал он, должны понимать, что Рузвельт уже де-факто ведет войну с Германией, совершая поступки, которые никак нельзя назвать действиями нейтральной страны. В данных обстоятельствах японцы должны прямо заявить Соединенным Штатам, что, по их мнению, Америка не является нейтральной страной и что, если она и впредь будет проводить прежнюю политику, заключающуюся в патрулировании или организации конвоев, то это будет «рассматриваться как преднамеренный шаг к развязыванию войны» и, соответственно, заставит Японию немедленно начать военные действия. И наконец, Риббентроп велел Отту потребовать, чтобы ему показали текст любого ответа, который Япония даст на американские предложения¹.

Однако, несмотря на «энергичные действия с моей стороны», Отт не смог добиться, чтобы его ознакомили с текстом инструкций, отсылаемых Номуре. Когда он увидел

---

¹ В середине мая сложились наиболее благоприятные условия для урегулирования японо-американских отношений, и только вмешательство Германии помешало этому.

их, уже после того, как они были посланы, то пришел в ужас. «Эти инструкции, — сообщил он Мацуоке, — пропитаны духом, исключая даже самую легкую критику в адрес Америки, поведение которой несовместимо с ее нейтральным статусом». Отт назвал это «узакониванием американской политики устрашения», поскольку она предполагала уничтожение нового порядка, который провозглашался целью заключенного пакта, и, кроме того, заходила «очень далеко, развязывая Америке руки в Тихом океане». Мацуока заявил, что эти инструкции — всего лишь «ничего не значащие слова», и просил немцев доверять ему. Но эти объяснения не удовлетворили Отта, хотя, учитывая воинственный тон, в котором Мацуока в тот же день разговаривал с послом США Грю, просьба о доверии была, возможно, вполне оправданна. Однако Риббентроп назвал поведение японцев «непростительным» и боялся, что Токио уже «сдает назад»¹.

В течение лета Риббентроп постоянно слал в Токио напоминания. Если японцы решили, что настал удобный момент для заключения соглашения с англосаксами, то они проводят «крайне близорукую политику» и он должен сообщить им об этом. Проблема заключалась, по мнению Риббентропа, в том, что японцы не осознавали своей силы и слабости США и Великобритании. Отту было велено разъяснить японцам, что Германия одержала в России победу («ядро Красной армии уничтожено»), США не смогли ничем ответить на японскую оккупацию Индокитая. А это, в сочетании с тем, что атлантические переговоры не привели ни к каким результатам, дает реальное представление о ситуации, в которой оказалась Америка. Теперь уже всем ясно, что американские угрозы Японии — «очевидный признак слабости и доказательство того, что Америка не осмеливается предпринять никаких серьезных военных действий против Японии». Также хорошо известно, что американский народ выступает против войны — это «толь-

---

¹ Мацуока не зря просил, чтобы немцы верили ему. Он заявил Грю, что Гитлер демонстрирует «терпение и великодушие» по отношению к провокациям американцев и что американские нападения на немецкие подводные лодки будут рассматриваться Японией «как акты агрессии».

ко в еврейских газетах» он за нее. Поэтому у Японии есть все причины считать американские угрозы блефом.

Речь Рузвельта, произнесенная в сентябре, в которой он приказывал американским кораблям открывать огонь по немецким субмаринам «при первом появлении», сильно встревожившая военно-морское командование Германии, предоставила новую возможность напомнить японцам об их роли в отношении США. Риббентроп охарактеризовал эту речь как попытку выставить Германию в роли агрессора, освобождая, таким образом, Японию от ее обязательств, в случае немецко-американской войны. Президент хотел «взорвать треугольник» и устранить угрозу войны на два фронта, которой «американский народ боялся больше всего». Германия не поддастся на эти провокации в Атлантике, продолжал Риббентроп, но японцы должны уже, наконец, понять, что в данных обстоятельствах переговоры с Америкой «ни к чему не приведут». Японцы должны в конце концов дать понять американцам, что еще один шаг, сделанный Рузвельтом по дороге агрессии против стран оси, неизбежно приведет к войне «против победоносного союза». Министр иностранных дел Тойода мог только снова попросить немцев «верить Японии, что переговоры, которые она ведет с Германией, проходят в духе [верности] договорным обязательствам»¹.

В октябре японские дипломаты в США и Токио жаловались своим американским коллегам, что немецкие требования быть твердыми в отношении Америки «значительно усилились», что немцы «нажимают» на японцев, требуя от них, чтобы они заявили, что в случае немецко-американского конфликта Япония объявит Америке войну. Немцы в течение октября прилагали все усилия, чтобы противодействовать любым шагам Америки, направленным на запугивание Японии или ослабление ее решимости. Отмена законов о нейтралитете и вооружении торговых судов заставила страны оси проводить еще более жесткую линию, поскольку, как выразился в начале ноября Риббентроп, чем слабее

---

¹ Ответ Тойоды состоял из общих фраз, в нем он снова отказался ознакомить немецкого посла с текстом японских ответов Вашингтону.

будет казаться Япония, «тем сильнее будет угроза со стороны мистера Рузвельта».

Наступали последние, наполненные лихорадочной деятельностью недели перед войной. Немецкая политика на Дальнем Востоке оказалась подчиненной подготовке и осуществлению нападения на Пёрл-Харбор. Заседание кабинета министров в Токио 5 ноября 1941 года как бы подтолкнуло события, которые привели к войне. На этом заседании японское правительство решило продолжать переговоры с американцами до 25 ноября и одновременно вести подготовку к войне на случай, если переговоры зайдут в тупик. По мере того как перспектива заключения соглашения с американцами становилась все более туманной, японцы стали прощупывать своих партнеров по договору, смогут ли те оказать им помощь в случае японо-американской войны. Впрочем, решение о ее начале японцы примут сами, независимо от того, согласятся союзники оказать помощь или нет.

Выполняя эти директивы, в Вашингтон были посланы предложения — «в качестве последней возможности для достижения соглашения»¹.

Через неделю после этого в Вашингтон прибыл бывший японский посол в Берлине Курусу, который должен был помогать Номуре. Немцы не знали о решениях кабинета, принятых 5 ноября, но депеши Отта в течение всего этого времени постоянно предупреждали руководство Германии о том, что общественности и официальным кругам Японии усиленно внушается мысль о неизбежности конфликта, что проамериканские настроения испарились и ход военных приготовлений ускоряется. Министр иностранных дел Того лично заверил Отта, что Курусу будет вести переговоры «в твердых рамках пакта, через которые теперь переступить нельзя». Посол в Берлине Ошима подтвердил, что миссия Курусу, без сомнения, потерпит крах, после чего внешняя политика в отношении Америки «будет активизирована». Публичная речь премьер-министра

---

¹ Это были так называемые предложения А и В. Грю предупредил, что Япония может напасть «с ужасной и опасной внезапностью».

Тойо, текст которой был отослан в Германию, подтверждала это: в ней восхвалялся пакт, англосаксы назывались «угрозой для существования» Японии, а японо-американские отношения рисовались такими черными красками, что «катастрофы» избежать было нельзя.

Еще более зловещим признаком в дни, последовавшие за совещанием 5 ноября, стало то, что страны поменялись местами — теперь уже японцы начали давить на немцев, требуя выполнения союзнических обязательств в случае начала японо-американской войны. Дипломатические и военные представители принялись зондировать почву, готовы ли страны оси оказать Японии помощь в надвигающейся войне. 21 ноября Риббентроп дал ответ. Он велел Отту сообщить японцам, что в случае начала войны с США Германия автоматически вступит в нее, что «если между Германией и Японией и Соединенными Штатами вспыхнет война, то ни по каким причинам» не будет заключен сепаратный мир и что Германия готова подписать письменное соглашение по этому вопросу. Японский военный министр заверил Отта, что в случае войны Япония «не останется в стороне от событий». Однако он хотел уточнить один вопрос: правильно ли поняли японцы, что Германия останется верна Японии *«даже в том случае, если Япония сама нападет на США»*? (Курсив мой. — Авт.) Ответ Отта был однозначным: «Я сослался на его [Риббентропа] заявление и на нашу готовность подписать взаимное соглашение по этому вопросу».

Такова была ситуация за две недели до нападения на Пёрл-Харбор. Решение о нападении было принято японцами 27 ноября. И снова немецкие дипломаты не узнали о нем, но доклады, поступавшие в эти две недели в Берлин, не оставляли никаких сомнений в том, что японо-американский конфликт надвигается. Борьба внутри японского правительства достигла «решающей стадии», сообщалось в Берлин. Если Соединенные Штаты сейчас не пойдут на уступки, «станут неизбежными самые тяжелые последствия, за которые будет нести ответственность одна Америка». Реакция японцев на американское предложение «о всеобъемлющем урегулировании» (которое,

среди всего прочего, фактически свело бы на нет участие Японии в договоре стран оси) была встречена «с мрачным сопротивлением» и усилила военные приготовления, согласно докладу Отта.

Единственный вопрос, который задавал себе посол, не считают ли американцы, что японцы блефуют? 30 ноября японский посол в Берлине получил от министра иностранных дел Того приказ официально сообщить Гитлеру и Риббентропу, что переговоры в Вашингтоне прерваны и Японии придется применить военные меры, чтобы устранить американскую угрозу, что между двумя странами возникла «непосредственная угроза войны, которая может начаться быстрее, чем многие думают». 3 декабря Отт телеграфировал в Берлин, что «критический момент приближается», грубость американского ультиматума уничтожила всякую надежду на мир и начала военных действий можно ожидать «в самом ближайшем будущем»¹.

5 декабря в своих последних депешах перед Пёрл-Харбором Отт сообщал о гибели «последних лучей надежды» и «неизбежности конфликта с Соединенными Штатами»².

Тем временем, прекрасно зная о крайне напряженных отношениях между Японией и США, получив в предыдущую неделю сообщение Отта о том, что возможной целью нападения будут Гавайи, Риббентроп продолжал обещать японцам все, о чем они просили. 29 ноября состоялась решающая беседа посла Ошимы на Вильгельмштрассе. Риббентроп вызвал посла, чтобы сообщить ему о том, что «Японии жизненно необходимо установить в Восточной Азии новый порядок — сейчас для этого представилась благоприятная возможность». Ошима сначала напомнил министру иностранных дел, что надежды на мирное урегу-

---

¹ В тот же самый день японский посол в Риме сообщил Муссолини, что «конфликт между Японией и США... можно теперь считать вполне решенным и что начнется он очень скоро».

² Немецкий военно-морской атташе в Токио 6 декабря телеграфировал в Берлин, что три недели назад командование японскими вооруженными силами приняло решение начать войну с США. Нападение должно быть совершено до Рождества. Однако сомнительно, чтобы это известие достигло министерства иностранных дел до известий о Пёрл-Харборе.

лирование между США и Японией не осталось, а потом прямо спросил его, будет ли война между этими странами при любых обстоятельствах означать автоматическое начало немецко-американской войны. Риббентроп на мгновение опешил и ответил только, что «Рузвельт — фанатик, и предсказать, как он себя поведет, совершенно невозможно». Однако в ходе дальнейшего разговора Риббентроп заверил Ошиму, что «Германия конечно же немедленно вступит в войну». А вступив в нее, она не подпишет сепаратного мира. «Фюрер, — добавил он, — убежден в этом».

После войны Риббентроп обвинил Ошиму в том, что он неправильно понял его слова, а Ошима во время суда в Токио заявил, что ничего не помнит об обещаниях Риббентропа, добавив, что даже если он (Риббентроп) и говорил такое, то только для того, чтобы «произвести нужный эффект». Если это правда, то непонятно, какого «эффекта» хотел в данном случае добиться министр иностранных дел рейха. В нашем распоряжении есть более раннее заявление Риббентропа по этому вопросу, переданное Отту в Токио, и собственная телеграмма Ошimy о разговоре с Риббентропом, в которой он выразил уверенность в том, что, учитывая заявление министра иностранных дел, «Германия не откажется от борьбы». Чтобы еще больше прояснить позицию сторон, скажем, что когда Отта 30 ноября вызывали в японское министерство иностранных дел и сообщили, что «японцы не боятся разрыва отношений и надеются, что Германия и Италия со своей стороны примут сторону Японии в соответствии с условиями пакта», Отт ответил, что в позиции Германии в случае начала войны между Японией и Америкой «сомневаться не приходится». Когда Того спросил его, можно ли считать, что Германия в этом случае «рассматривает свои отношения с Японией как полное единство судьбы», Отт ответил утвердительно и повторил, что Германия готова в любой момент подписать соглашение по этому вопросу.

Именно этого японцы теперь и добивались. 2 декабря японскому послу в Берлине было велено начать переговоры о заключении пакта, не допускающего «никакого сепар-

ратного мира». Следует напомнить, что немцев к тому времени предупредили о «крайней опасности войны», которая может начаться «быстрее, чем можно подумать», однако Берлин согласился заключить такой пакт. Риббентроп 5 декабря в принципе одобрил соглашение о полных взаимных обязательствах, охватывающих все аспекты войны между Соединенными Штатами и любым из членов договора стран оси, включая всеобъемлющую военную поддержку¹.

В тот же самый день Отт сообщил по телеграфу, что война с Америкой стала «неизбежной» и Япония решила, что ее начало при любых обстоятельствах будет сопровождаться актом агрессии. Теперь уже дипломатические меры не поспевали за развитием событий (Гитлер уехал на фронт и получал сообщения от Риббентропа с задержкой) и еще до того, как пакт был подписан, телеграмма из Токио, пришедшая 7 декабря, пояснила, почему эта формальность была уже больше не нужна.

Руководители Германии были искренне удивлены нападением на Пёрл-Харбор. Отто Дитрих, руководитель пресс-службы Гитлера, первым сообщивший об этом фюреру, говорил, что Гитлер был «крайне изумлен», а Вайцзеккер в своих показаниях в Нюрнберге заявил, что фюрер даже сначала отказывался в это поверить. Генерал Йодль вспоминал, что Гитлер, находившийся в тот вечер в комнате, где висели карты, был «поражен» этой новостью. Риббентроп утверждал, что все министерство иностранных дел было «изумлено до глубины души» и что сам он думал, что это розыгрыш союзников. Вайцзеккер тоже считал сообщение о нападении Японии чем-то вроде очередной «газетной утки» и настаивал во время суда, что «никто не предвидел такого поворота событий [нападения на Пёрл-Харбор]». Томсен в Вашингтоне и Отт в Токио были словно «громом поражены». Дёниц, Редер и

---

¹ 3 декабря Муссолини заверил в этом же японцев. Чиано приводит слова дуче: «Итак, мы дожили до войны между континентами, о которой я говорил с 1939 года».

Йодль — все заявляли о своем изумлении, а в военноморском журнале было отмечено «всеобщее удивление», хотя адмиралтейство было задето тем, что не германский, а японский флот нанес первый удар.

Нападение на Пёрл-Харбор было односторонним, в том смысле, что немцам не было сообщено о том, куда будет нацелен удар. Поэтому удивление, охватившее Берлин, было совершенно искренним. Однако это удивление не вызвало никаких сомнений в том, что Германия должна объявить войну Америке, хотя, поскольку агрессором была Япония, имела право с точки зрения закона не делать этого¹.

Риббентроп был согласен с ним с юридической точки зрения. До сих пор не ясно, почему Гитлер так быстро объявил войну, не дождавшись, пока это сделает Америка. Согласно Риббентропу, Гитлер к декабрю решил, что американская политика в Атлантике «создала уже практически состояние войны» и поэтому ее объявление было простой формальностью. В добавление к этому Риббентроп привел слова Гитлера, что японцы «никогда не простят нам, если мы не вмешаемся». Более того, в этом случае, скорее всего, были затронуты и вопросы престижа Германии. Эрих Кордт приводил слова Гитлера о том, что «великая держава вроде Германии должна сама объявлять войну, а не ждать, пока войну ей объявят». А вот у переводчика доктора Шмидта сложилось впечатление, что Гитлер хотел опередить Рузвельта из соображений личного престижа.

Следует вспомнить, в каком состоянии находился Гитлер в начале декабря. Замедлившееся в октябре из-за дождей и неожиданно мощного русского сопротивления немецкое наступление с началом зимы совсем выдохлось. 24 ноября была окончательно разгромлена танковая группа генерала фон Клейста, и в первые недели декабря немецкие войска перестали наступать и были даже отброшены назад, утонув в русских снегах. Впервые за всю войну

---

¹ Вайцеккер охарактеризовал объявление войны Германией как «юридическую ошибку и политически неверный шаг».

Гитлер потерпел поражение — и это в России, разгром которой должен был привести к капитуляции Англии и решению всех других проблем. Когда Гитлер обдумывал создавшуюся ситуацию, ему, несомненно, приходили на ум воспоминания о великой армии Наполеона, замерзшей в снегах России. В этих обстоятельствах неожиданное нападение на Пёрл-Харбор стало для суеверного Гитлера подарком судьбы, от которого «исторический деятель мирового масштаба» не имел права отказываться¹.

В любом случае удивление в Берлине быстро сменилось «радостным экстазом», а вступление Японии в войну рассматривалось как «облегчение» и «возрождение надежд». Речь, которую Гитлер произнес в рейхстаге 11 декабря, как мы уже говорили ранее, была полна оскорблений в адрес Рузвельта в сочетании с явным облегчением по поводу того, что немецко-американские отношения наконец-то вышли на первое место. Объявление войны было надлежащим образом передано в Вашингтон, и Гитлер, очевидно, ощутил гордость за нападение на Пёрл-Харбор, как верный способ осуществления международных отношений².

«Так и надо начинать войны», — заявил Гитлер Ошине. Сама Германия поступала точно так же. В Вашингтоне Гитлеру отдавали должное как главному организатору этого судьбоносного события. Описывая события в Белом доме в воскресное утро 7 декабря, Гарри Гопкинс писал: «Совещание проходило совсем не в напряженной

---

¹ По иронии судьбы, именно в тот момент, когда воспрянувший духом Гитлер объявил войну Соединенным Штатам, русские, информированные заранее, что японцы не нанесут удара по границам России (эти сведения передал в Москву, по-видимому, Рихард Зорге), перебросили на немецкий фронт дивизии, снятые с дальневосточных позиций. С этого момента план «Барбаросса» был обречен. Относительно настроения Гитлера генерал Варлимонт сообщал, что он был «буквально загипнотизирован своим пониманием политической ситуации» и не мог предусмотреть ее последствий.

² Чиано отмечал, что голос Риббентропа, когда тот разговаривал с ним по телефону, звучал «очень радостно». «Он был так счастлив, что я поздравил его, хотя и не был уверен, что немцы поступили правильно». Япония потребовала, чтобы Германия немедленно объявила Америке войну. У Луиса Лохнера сложилось впечатление, что многие берлинцы думают, что Гитлер поступил правильно, объявив после нападения на Пёрл-Харбор войну США.

атмосфере, поскольку, я думаю, все мы были уверены, что нашим главным врагом является Гитлер».

Когда Риббентроп выразил свое мнение о том, что «наш союз привел к тому, чего мы хотели всеми способами избежать, — к войне между Германией и Америкой», он придавал слишком много значения договору стран оси. Вся слабость этого союза, столь наглядно проявившаяся в немецко-японских отношениях с момента подписания Антикоминтерновского пакта до создания оси, была хорошо видна и в 1941 году. Стороны так и не смогли договориться о структуре союза. Даже общая цель — устранение Америки — рассматривалась ими с различных точек зрения. Стороны не имели общих интересов, ибо японцы восприняли немецкие предложения, исходя из нужд своей собственной политики и благодаря тому, что в правительстве наблюдалось равновесие между сторонниками оси и ее противниками. Однако немецкое давление оказало определенное влияние на решения японского правительства, а судьба Германии была сходной с судьбой Японии. Если мы хотим выяснить, как немцы использовали свое влияние на японцев, то должны изучить их намерения, а также тенденции немецкой политики.

По словам прокурора на Нюрнбергском процессе, «Японию постоянно подталкивали к проведению политики, которая неизбежно должна была привести ее к войне с Соединенными Штатами». Неудивительно, что это заявление оспаривалось в суде и в других послевоенных источниках. Риббентроп заявил трибуналу, что Германия до самого нападения на Пёрл-Харбор делала все, чтобы удержать Америку от вступления в войну, и несколько других дипломатов, выражая редкое согласие со своим бывшим шефом, поддержали его точку зрения. Вайцзеккер утверждал, что Германия была заинтересована в том, чтобы Япония вступила в войну против Великобритании и Советского Союза, а не против США. Генерал Йодль, говоря об обстоятельствах японского вступления в войну, заявлял, что «мы бы предпочли получить нового могущественного союзника, чем нового могущественного врага». Единственное послевоенное свидетельство с немецкой стороны, противоре-

чившее всем этим заявлениям, было получено от капитана Рейнеке, бывшего сотрудника оперативного штаба ОКМ. Давая показания в суде над дипломатами, он вспомнил, что слышал о планах подталкивания Японии к войне против «врагов и потенциальных противников Германии, включая и Соединенные Штаты».

Документы в целом подтверждают, что Германия желала бы, чтобы Япония нанесла удар в любом удобном для нее месте. Однако никто не собирался толкать Японию на нанесение удара по Соединенным Штатам¹.

Добиваясь единства стран оси, немцы вполне могли совершенно искренне верить, что Америка останется в стороне. Более того, определенное безразличие к вмешательству Америки было основано на уверенности в ее военной слабости, а также на отрицании реальной причины для ее вступления в войну после быстрой победы Японии. Однако это вовсе не означает, что заявление нюрнбергского прокурора по поводу немецкого давления не соответствовало истине. Нельзя также признать Берлин невиновным в подталкивании Японии к войне на том основании, что руководители Третьего рейха не понимали, что курс, который они навязывали Японии, мог спровоцировать Америку на вступление в войну. В Тихом океане риск этого был ничуть не меньше, чем в Атлантическом. Но на Тихом океане Гитлер был готов идти на этот риск, особенно после того, как его мечта о жизненном пространстве на Востоке потерпела крах.

Убеждая Токио в неизбежности японо-американской войны, подчеркивая американскую военную слабость и утверждая, что все ее угрозы — блеф, заставляя Японию напасть на Россию и на американские корабли, доставлявшие грузы в эту страну, поощряя экспансию на юг, прекрасно понимая, что это затронет жизненные интересы Америки, требуя, чтобы японцы проводили бескомпромиссный жесткий курс в своих отношениях с Америкой, и, наконец, перед лицом постоянных зловещих предупреждений о неми-

---

¹ 5 декабря Отт передал требование своего правительства, чтобы японцы не наносили удара непосредственно по территории США.

нуемой войне, обещая Японии полную военную и политическую поддержку даже в том случае, если акт агрессии совершит сама Япония, Берлин стал соучастником событий, которые завершились нападением на Пёрл-Харбор 7 декабря. Удивление немцев, узнавших об ударе по Пёрл-Харбору, было совершенно искренним, но это всего лишь грустное подтверждение того, что руководство Германии не способно было осознать, к каким осложнениям может привести его намеренно безрассудная политика на Дальнем Востоке. Эта политика, несмотря на заявления о том, что никто не собирался расширять конфликт, сыграла ведущую роль в превращении европейского конфликта во Вторую мировую войну.

Часть четвертая

СВАСТИКА И ОРЕЛ

Глава 16

НЕМЕЦКАЯ АГРЕССИЯ

В ОТНОШЕНИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Мы уже писали в третьей части, что к 1941 году влияние Америки на немецкую внешнюю и военную политику в отношении стран Европы было почти незаметным, но в Атлантике и Тихом океане оно сказывалось очень сильно. Поэтому мы изучали присутствие американского фактора в немецких расчетах в связи с той политикой, которую проводила Германия. Осталось теперь рассмотреть последний вопрос несколько иного характера — возможность нападения на саму Америку. Германия не могла, конечно, напасть на США, однако нам кажется совсем не лишним исследовать вопрос, вынашивало ли руководство рейха такие планы, и рассмотреть теоретически, мог ли Гитлер провести операцию по захвату Америки, если бы ему удалось выиграть войну в Европе.

При обсуждении вопроса о возможной немецкой агрессии против Соединенных Штатов надо обратить внимание на три аспекта этого вопроса: как в целом Гитлер относился к такой аванюре с политической и стратегической точек зрения; какие идеи он высказывал на этот счет и вынашивались ли какие-нибудь планы для осуществления этого проекта.

По первому пункту свидетельств у нас почти нет. Континентальная направленность мышления Гитлера и отсут-

ствие у него интереса к заморским странам и морским операциям (вспомним его сомнения по поводу операции «Морской лев») говорит о том, что он уделял очень мало внимания Западному полушарию. Его предрассудки по поводу США, его уверенность в том, что Америка всегда останется нейтральной, и кажущееся безразличие к возможности ее вмешательства в войну подтверждает тот факт, что Гитлер вряд ли задумывался о таком гигантском военном предприятии, как вторжение в США. Однако все это могло измениться, поскольку ненасытная жажда власти, сжигавшая Гитлера, делала его амбиции непомерными. Об этом нельзя забывать, но мы поговорим об этом позже, когда будем рассматривать вопрос о том, какие отношения могли сложиться между Америкой и нацистской Европой, если бы таковая возникла. Пока же мы ограничимся лишь напоминанием о том, что Гитлер к 1941 году был занят войной в Европе и совершенно не интересовался военными проблемами, которые возникли бы, если бы он задумал вторжение в Америку.

Что касается высказываний самого фюрера на этот счет, то нет смысла повторять, что мы повсюду встречали подтверждения того, что Гитлер не собирался нападать на Соединенные Штаты. В дополнение к своим обычным заявлениям о немецко-американской дружбе, которые он делал на встречах со всеми американскими дипломатами или журналистами, Гитлер объявил в своей речи в рейхстаге в январе 1939 года, что обвинения в намерении напасть на США «мы со смехом отвергаем». В своем презрительном ответе Рузвельту в апреле того же года он «искренне» заявлял, что «распространяемые повсюду слухи о том, что Германия собирается напасть или оккупировать Америку, являются самыми обыкновенными фальшивками и грубой ложью. Такие слухи, если рассматривать их с военной точки зрения, могут быть порождены только большим воображением».

В июне 1940 года Гитлер заявил Карлу фон Виганду, американскому журналисту, что идея о немецком вторже-

нии в Америку является «ребяческой и смехотворной», а в мае 1941 года уверял американского дипломата Кудай, что слухи о немецком вторжении в США совершенно абсурдны и поджигатели войны хорошо об этом знают. Когда же Виганд сказал ему, что многие американцы тем не менее верят этим слухам, фюрер заявил, что все это «глупая болтовня, которую поднимут на смех американские генералы и адмиралы». Риббентроп говорил то же самое Самнеру Уэлльсу и японцам, которые, как мы уже говорили, не были уверены в том, что Гитлер не собирается нападать на США. «Мы ни в коей мере, — сказал Риббентроп Мацуоке, — не заинтересованы в войне с Америкой».

Послевоенные свидетельства также отрицают намерение Германии нападать на Соединенные Штаты. Риббентроп заявил, что Гитлер был категорически против войны с Америкой, а Вайцзеккер во время суда утверждал, что «у Гитлера и в мыслях этого не было». Он также заявил, что у министерства иностранных дел не было плана войны с Америкой. У Вермана из политического отдела сложилось впечатление, что «политика Гитлера и Риббентропа была направлена на то, чтобы всеми силами избежать войны между Германией и Соединенными Штатами». Геринг заявлял, что «вопрос о нападении на Американский континент вообще никогда не возникал», а адмирал Руге писал, что «немецкое вторжение в США не планировалось, а учитывая мощь американского флота, было совершенно невысказанным». Гесс заявил следователю, что «у Германии не было никакого желания воевать с Америкой. Так называемая немецкая угроза была плодом больного воображения. Гитлера интересовала только Европа».

Однако есть и другие свидетельства. Следует всегда держать в памяти высказанное выше предположение о том, что Гитлер отличался ненасытными аппетитами. Более того, его крайняя субъективность, особое значение, которое он придавал интуиции, и склонность верить во все плохое, что говорилось об Америке, а также в ее слабость, вполне могли перевесить все трудности, связанные с нападением на страны Западного полушария, и те объективные советы, которые он мог бы получить по этому поводу.

Что же касается заявлений самого Гитлера, то конечно же на публике он никогда не высказывался в пользу вооруженного нападения на Америку. Однако среди коллег он несколько раз касался этой темы. Мы уже писали о том, что на нескольких совещаниях с командованием флота в 1940 и 1941 годах фюрер заявлял своим адмиралам, что Азорские острова интересуют его исключительно в связи с Америкой. «Это — единственная база для нападения на США» в случае начала немецко-американской войны, пояснил он в ноябре 1940 года.

В мае он признавал желательной оккупацию Азорских островов: «Отсюда могли бы взлетать бомбардировщики дальнего действия для ударов по территории США». «Случай для этого, — говорил Гитлер, — может представиться уже осенью». Несколько раз фюрер выражал желание отсрочить начало войны с Америкой, о чем мы уже писали раньше, но откладывать ее насовсем не собирался. После разгрома России, как заявил Гитлер 25 июля 1941 года, «он оставил за собой право предпринять военные действия и против США».

В апреле фюрер заверил Мацуоку, что Германия «будет вести против Америки более энергичные военные действия силами своих подводных лодок и люфтваффе». Более того, поскольку американские вооруженные силы не имеют необходимого боевого опыта, Германия «одержит победу; при этом не следует забывать также о том, что немецкий солдат, естественно, гораздо лучше американского». Японскому послу Курусу Гитлер заявил, что Германия и Америка будут врагами не меньше двух столетий, а Риббентроп утверждал, что война с Америкой неизбежна, поскольку «между странами оси и Соединенными Штатами существуют фундаментальные различия по всем вопросам».

Здесь важно помнить, в каком контексте были сделаны все эти заявления. Слова Гитлера, произнесенные им в кругу адмиралов, были попыткой сдержать, хотя бы частично, их стремление получить полную свободу действий в Атлантическом океане до начала военных действий в России. После разгрома большевиков фюрер пообещал

оказать им всяческую поддержку. Заявления, сделанные в адрес японцев, были частью заверений, которые Германия постоянно давала своему союзнику, стремясь предотвратить развал оси. Здесь очень важно учитывать время, когда было сделано то или иное заявление. Вильям Ширер, изучив документы, пришел к выводу, что «вопрос заключался не в том, собирался ли Гитлер вообще воевать с США, а в том, когда он планировал начать эту войну». Однако в 1941 году, как мы уже говорили, Гитлер еще не задумывался над этим вопросом. Это дело могло подождать до окончания Русской кампании, которая, по его мнению, должна была продлиться несколько недель или месяцев. Означали ли слова Гитлера, что военные действия против Америки могут начаться в отдаленном будущем? А может быть, он пытался просто оказать давление на своих собеседников? Или, как полагал Ширер, Гитлер через несколько месяцев действительно собирался напасть на США? Существует еще одно заявление фюрера, которое проливает новый свет на эту проблему. В своем разговоре с Молотовым в ноябре 1940 года Гитлер вспомнил о своей идее, которую он изложил во «Второй книге» и которую мы рассматривали во второй главе. Это была идея о конфронтации Европы и США. Вот что он сказал советскому министру иностранных дел: «В отдаленном будущем возникнет вопрос об установлении тесного сотрудничества между странами, которые попадут в сферу влияния этой англосаксонской державы [США], имеющей более прочную основу, чем Англия».

Однако, продолжил он, это «дело отдаленного будущего». Не в 1945, а где-нибудь в 1970 или 1980 году, самое раннее, эта англосаксонская держава станет представлять опасность для свободы других стран. В любом случае Европейский континент уже сейчас должен готовиться к тому, чтобы дать ей отпор, а все страны этого континента должны действовать совместно против англосаксов и против любых их попыток закрепиться в Европе».

И снова надо учесть, в каком контексте было сделано это заявление. Гитлер пытался убедить упрямого Молотова (хотя мало верил в то, что ему это удастся) в необходи-

мости заключения четырехстороннего соглашения, в котором признавалась бы ведущая роль Германии в Европе. Одним из аргументов в пользу этого и стала пресловутая американская угроза. Однако эта угроза появится только в будущем, через тридцать или сорок лет, не раньше, а это не тот срок, когда надо принимать срочные политические или военные решения. Тем не менее эти заявления показывают, что сама идея войны с Америкой не была для Гитлера невероятной, немыслимой или, как он сам выразился, «смехотворной». Для фюрера это была перспектива, которую он при определенных обстоятельствах мог рассмотреть и осуществить, несмотря на всю ограниченность его взглядов на Америку.

И наконец, свидетельством намерений Гитлера могла бы стать разработка конкретного плана нападения на США или постоянные обсуждения возможности такого нападения в высших военных кругах Германии. Но в документах, появившихся до декабря 1941 года, автор не нашел никаких следов подобного плана — ни на период войны, ни на послевоенный период.

Однако есть свидетельства того, что военное руководство Германии все-таки задумывалось о войне с США. В мае 1941 года Геббельс сообщил Кудай, что Генеральный штаб изучил возможность вторжения в Америку и пришел к выводу, что это «совершенно неосуществимо». В директиве фюрера от 14 июля 1941 года говорилось о том, что после победы в России надо будет сосредоточить все силы флота и авиации для окончательного разгрома Великобритании и «Америки, если возникнет такая необходимость». Однако свидетельств того, что в последующие месяцы шла подготовка к войне с Соединенными Штатами, нет.

Документом, на который ссылались обвинители на Нюрнбергском процессе и который по этой причине чаще всего цитировался в качестве доказательства намерения Гитлера совершить нападение на США, является меморандум майора Фрайхера фон Фалькенштейна, датированный 29 октября 1940 года. Этот доклад, озаглавленный «Краткое резюме по текущим военным вопросам для вашего личного сведения», был прислан генералу фон

Вальдау из оперативного штаба люфтваффе. После общего обзора основных театров военных действий Фалькенштейн приводит следующее наблюдение: «В настоящее время фюрер занят вопросом о захвате атлантических островов для предстоящей войны с Америкой. Ниже приводятся рассуждения на эту тему. Имеются все необходимые условия: отсутствуют другие операции, Португалия сохраняет нейтралитет, поддержка Испании и Франции».

На Нюрнбергском процессе Геринг отозвался об этом документе как о «записке Генерального штаба... не имеющей абсолютно никакого значения». Йодль истолковал его совсем в другом смысле — атлантические острова рассматривались в качестве «форпоста в случае вмешательства Америки в войну, и нам пришлось принять эту идею во внимание. Мы были вынуждены рассмотреть этот вопрос, по крайней мере, теоретически, и именно об этом он [Фалькенштейн] и сообщает фон Вальдау в своем письме».

Итак, мы убедились, что руководство Германии рассматривало возможность войны с Америкой, но эта идея не была сочтена достаточно серьезной или срочной, чтобы заняться ее детальной разработкой. Мне хочется вспомнить в этой связи патетичное заявление генерала Варлимонта о том, что Генеральный штаб начал планировать военные действия против США сразу же после телефонного звонка, который раздался на следующий день после нападения японцев на Пёрл-Харбор.

Таким образом, вывод, сделанный на Нюрнбергском процессе, что «возможность непосредственного нападения на США в будущем рассматривалась и обсуждалась», является справедливым. Но, как отметил прокурор, намерения Германии «относительно США должны рассматриваться с учетом основных планов и непосредственных внешних действий в других районах». Основной план немцев, если таковой у них имелся, был направлен на завоевание Европы, и Гитлер так никогда и не сумел выкроить время для разработки планов завоевания Америки. Поэтому обвинение Германии в том, что она собиралась напасть на США и разрабатывала планы

этого нападения, было совершенно справедливо признано недоказанным.

Были, конечно, и непрямые, мирные способы немецкого проникновения в Соединенные Штаты. Идеологическая подрывная деятельность вполне отвечала заявлениям Гитлера о разрушении общества изнутри путем «подавления воли народа к самосохранению». Как мы уже упоминали раньше, Гитлер в начале своей карьеры вынашивал идею национал-социалистической революции в Америке. Согласно одному американскому источнику, Геббельса в 1939 году спросили, кто станет следующей жертвой Германии после падения Франции и Англии, на что он якобы ответил: «Вы это прекрасно знаете: Соединенные Штаты. Мы взорвем их изнутри»¹.

Вспомним различные проекты и предложения партийных групп, призывавших поднять на борьбу американских немцев. Эти группы занимались также пропагандистской и шпионской деятельностью. Впрочем, как отмечали дипломаты, предпринимаемые ими попытки были бессистемными, неловкими и отличались оборонительным характером. Никто из них не предложил согласованного, хорошо продуманного плана действий по разрушению Соединенных Штатов изнутри. Нет также никаких свидетельств о том, что предпринимались попытки экономического проникновения Германии в США. Наоборот, как было сказано в предыдущих главах, развитие немецко-американских отношений сдерживалось постоянными спорами, которые продолжались до самого момента вступления Америки в войну.

Другим непрямым средством, которое могли использовать немцы, было создание идеологической, экономической и, быть может, военной базы в Латинской Америке для нападения на США в будущем. Администрация Рузвельта была уверена, что именно этим немцы и занимаются. Особенно примечательна в этом отношении знаменитая карта, на которую Рузвельт ссылался в своей

---

¹ Этот разговор между Геббельсом и одним из его друзей был пересказан Рузвельтом Икесу.

речи, произнесенной 27 октября 1941 года. На ней были показаны районы Латинской Америки, куда немцы уже проникли и куда, по мнению американцев, собирались внедриться. И хотя в подлинности этого документа многие сомневались¹, президент и его коллеги были искренне уверены, что немецкая угроза США исходит с юга. Поэтому администрация Рузвельта всегда очень резко реагировала на всяческие волнения и столкновения в странах Латинской Америки, думая, что они были спровоцированы Берлином.

Халл считал, что Германия ведет против Соединенных Штатов ожесточенную, непрерывную пропагандистскую войну. Он пришел к выводу, что Латинская Америка стала «для нацистов психологическим и экономическим плацдармом в Западном полушарии». Если бы Британия капитулировала, писал после войны Халл, Германия выполнила бы свою программу проникновения в этот регион и установила бы над ним свой контроль со всеми вытекающими отсюда последствиями для США. Эти опасения были переданы Томсоном в Берлин вместе с обширным комментарием американской прессы по этому вопросу.

Но были ли основания для подобных опасений? Нацистские преступники на Нюрнбергском процессе утверждали, что нет. Риббентроп охарактеризовал заявления о том, что нацисты планируют захватить Южную Америку как «смехотворные... нелепые... как абсолютную чушь»; он заявил, что у Гитлера и в мыслях этого не было. Геринг настаивал, что немецкие попытки проникновения в Латинскую Америку были с самого начала обречены на провал из-за господства там англосаксов («здесь правила не марка, а доллар»). Бывший немецкий посол в Чили отрицал наличие немецкой «пятой колонны» в этой стране и охарактеризовал немецкое влияние здесь как вполне умерен-

---

¹ Лангер и Глисон называют эту карту «грубо сработанным пропагандистским трюком, совершенно не заслуживающим того внимания, которое уделил ему президент». Уотсон же считал, что Рузвельт намеренно преувеличивает опасность деятельности немцев, чтобы нагнать страху на конгресс и добиться от него полной поддержки своей внешней политики.

ное и не более того. Далеко не все государственные деятели Латинской Америки разделяли опасения, которые выражали политики Северной Америки, а также некоторые южноамериканские публицисты. Мексиканский президент, к примеру, заверил американского посла, что он не боится немецкого влияния или проникновения немцев в Мексику. Справедливо также и то, что Германия не проявляла никакого интереса к владениям европейских держав на Американском континенте.

Тем не менее активность Германии в Латинской Америке была очень высокой. Немцы постоянно предпринимали попытки дискредитировать США в глазах южноамериканцев, а также стремились заменить американское влияние на немецкое. Активно насаждались идеи нейтралитета, а пропаганда, которую вели посольства, была очень мощной. В противовес послевоенным заявлениям Геринга, марка во многих местах очень успешно конкурировала с долларом. С 1933 по 1936 год немецкий экспорт в Бразилию утроился, и рейх в торговле с ней передвинулся с четвертого на первое место. Немецкие инвестиции в индустриальные проекты стран Южной Америки во многих случаях превосходили капиталовложения США. Немецкие интересы в области средств связи и транспорта, электроэнергетики и добычи полезных ископаемых были особенно сильны в Бразилии, Чили, Перу, Уругвае и Эквадоре. Кроме того, не осталось незамеченным и стратегическое значение Бразилии как атлантической базы, как опорного пункта Центральной Америки, расположенного вблизи Панамского канала, и как морских ворот Перу. В Германии разрабатывались обширные планы послевоенного экономического проникновения в страны Латинской Америки.

Зафиксирован ряд заявлений немецких официальных лиц о том, что стремление Германии расширить свою экономическую активность в этом регионе было очень сильным. Риббентроп уверял японцев, что благодаря немецкой политике Южная Америка теперь все чаще и чаще будет обращаться к европейским странам за экономической поддержкой. Директор экономического отдела министер-

ства иностранных дел информировал главные немецкие посольства в Южной Америке о желании Германии «активно участвовать в перевооружении этих стран и о том, что она предоставит им неограниченную помощь сразу же после войны». А тем временем, «исходя из особых политических соображений, им будет передано трофейное оружие».

Большую национал-социалистическую пропаганду в Латинской Америке вели триста тысяч рейхсдойче и миллион семьсот пятьдесят тысяч фольксдойче. Они создали культурные, партийные и полувойенные группы, которые занимались агитацией, а также нацистские школы и журналы. Немецкая пресса постоянно писала об успехах, которых якобы они достигли в своей работе. Однако немецкие дипломаты выражали в своих депешах постоянную тревогу по поводу этих групп, ведущих пропагандистскую работу. На самом деле успехов почти не было — работа южноамериканских групп отличалась теми же недостатками, что и работа североамериканских, а после 1939 года и вовсе стала сходить на нет. Тем не менее немецкие дипломаты в странах Латинской Америки, очевидно, подозревали, что вся эта экономическая, политическая и пропагандистская деятельность преследует далекоидущие цели. На совещании, состоявшемся в Рио-де-Жанейро летом 1938 года, послы потребовали, чтобы начальство в Берлине разъяснило им эти цели. Хочет ли она (Германия), спрашивали послы, ограничиться только экономическими и культурными вопросами? Или она желает идти дальше и ставит перед собой цель захватить здесь власть и бороться с Северной Америкой с территории Южной?

Японцы, как и Халл, были убеждены, что расширение сферы немецких интересов в Западном полушарии приведет к конфликту с доктриной Монро и к немецко-американской войне. Немцы, разумеется, прекрасно знали, как болезненно реагируют США на все, что происходит в Латинской Америке. Даже Беттихер посоветовал своему начальству вести себя в этом регионе более осторожно, поскольку та тактика, которую Германия применяла в других местах, в Западном полушарии могла привести

к конфликту с США. И хотя перед вступлением Соединенных Штатов в войну конкретного плана нападения на них с территории Латинской Америки не было, мы не можем отмахнуться от интересов и деятельности Германии в этом регионе, которые были весьма значительными.

Итак, можно сделать вывод, что к декабрю 1941 года Германия не планировала нападать на США. Такая возможность обсуждалась, но в отдаленном будущем. До нападения на Пёрл-Харбор не было разработано ни стратегических директив, ни плана использования ресурсов, ни оперативных планов военных действий против Америки. Однако Германия вела активную экономическую, пропагандистскую и подрывную деятельность в Северной и Южной Америке. К каким последствиям это привело бы, если бы у Германии в случае захвата Европы оказались развязаны руки, мы сказать не можем. Во время борьбы со своими противниками в Европе у Гитлера не было ни возможности, ни базы, ни, разумеется, намерения разрабатывать программу какой-нибудь политической или военной операции в Западном полушарии.

Нам осталось рассмотреть последний вопрос. Мы выяснили, что до момента объявления Америке войны у Гитлера не было намерения нападать на США, но могла бы Германия, в случае захвата Европы, вступить в конфликт с этой страной? Удовлетворился бы он одной завоеванной Европой или обратил бы свой гнев и боевую мощь на Соединенные Штаты? Иными словами, перешел бы Гитлер со второго уровня, описанного во второй главе, на котором его представление о господстве над миром ограничивалось Европой, на третий уровень и, опираясь на захваченный континент, попытался бы он силой подчинить себе США? Рассматривая этот чисто теоретический вопрос, мы не должны забывать о наших рассуждениях по поводу возможности немецкой агрессии против Америки до 1941 года. Добавим теперь к ним свои теоретические рассуждения по более общему вопросу.

Ни Рузвельт, ни его Госсекретарь ни минуты не сомневались в гигантских размерах гитлеровских аппетитов и не стеснялись выражать свое мнение по этому вопросу как на публике, так и в личных беседах. Президент заявил Ному-ре, что Гитлер мечтает ни более ни менее как о «полном подчинении себе всего мира». Халл сказал французскому послу Анри-Хайе, что Гитлер является «самым кровожадным и безжалостным завоевателем за последнюю тысячу лет, и мы уверены, что его гнусные планы не имеют никаких географических границ». В речи перед сенатом Рузвельт рассказал об обширной программе фюрера и о «дикости его безграничных целей». За две недели до Пёрл-Харбора он заявил, что Гитлер «начинает захватнический марш по всей земле с десятью миллионами солдат и тридцатью тысячами самолетов». Конечно, ради нужного эффекта президент несколько преувеличил мощь Гитлера, но эти высказывания отражали взгляды вашингтонской администрации, которые к 1941 году разделяла основная масса народа.

Но так ли это было на самом деле? Намеревался ли Гитлер и вправду завоевать весь мир, и были ли его амбиции безграничными? Если желание властвовать было для него самоцелью, если достижение власти было для него не средством выполнения своей захватнической программы, а ее целью, то мы можем согласиться с мнением Аллана Баллока о том, что фюрер проводит «политику экспансии, которая не имеет никаких пределов». Если Гитлер понимал лозунг «Война вечна, война — это жизнь» буквально, тогда борьба за расовое выживание должна была вестись им до победного конца и никакой промежуточный результат не мог бы удовлетворить Гитлера.

Можно ли согласовать это с огромным количеством свидетельств о том, что Гитлера интересовала только Европа и что к заморским странам он был совершенно равнодушен, о чем мы знаем из его бесчисленных заявлений и заявлений немецкого внешнеполитического ведомства? Ответ заключается не в отрицании европейской ориентации фюрера, а в том, как бы он стал использовать завоеванную Европу. Удовлетворился бы он строительством

новых автобанов или выращиванием пшеницы на Украине, или вопросы расового и политического выживания, как представлял их себе Гитлер, потребовали бы от него захвата новых земель? Ведь фюрер однажды на партийном собрании в Мюнхене заявил, что «мировые империи возникают на национальной почве, но быстро выходят за ее пределы». Мы уже убедились, что в своих разговорах фюрер время от времени затрагивал мировые проблемы, особенно во время переговоров с Молотовым осенью 1940 года, а заявления Риббентропа о «созвездиях мировых держав» говорят об эластичности будущих запросов Германии. И теперь становится понятно, почему на японцев не произвело никакого впечатления, когда эти устремления были сформулированы в терминах разделения господства в мире между четырьмя державами — гораздо большее впечатление произвело бы на них прямое немецкое завоевание¹.

Даже вопрос о колониях, к которым Гитлер, казалось, был совершенно равнодушен, в 1940 и 1941 годах получил в определенных кругах новое развитие. Возрождение интереса к колониям было вызвано, очевидно, уверенностью в том, что Германии скоро удастся захватить всю Европу. В различных статьях и книгах по этому вопросу появились призывы к приобретению новых заморских владений. Колонии считались теперь ни больше ни меньше чем «необходимым жизненным пространством для существования расового сообщества», источником сырья, в котором рейх испытывал недостаток, и даже «критерием нового порядка в Европе». В это время военно-морской флот строил на послевоенный период планы создания гигантской колониальной империи в Центральной Африке, которая протянется от берегов Атлантического до берегов Индийского океана.

Это было продолжением колониальных планов, разработанных министерством иностранных дел в ноябре 1940 года. Эти планы требовали вернуть Германии все ее старые

---

¹ Во время беседы с Молотовым 13 ноября 1940 г. Гитлер говорил не о завоевании мира, а скорее о его разделе. Однако размеры его амбиций вполне ясны.

колонии, которые были захвачены Англией, Францией, Бельгией, Австралией, Новой Зеландией и Южной Африкой. Что же касается колоний, находившихся во владении Японии, то планировалось достичь по ним специального соглашения. Германия должна была приобрести контроль над обширными территориями в Африке, а также новые военно-морские базы вдоль западноафриканского побережья. Целью всех этих захватов должно было стать снабжение новой Европы сырьем и координация европейской экономики. Доклад об этом плане посчитали достаточно важным, чтобы положить его в «папку фюрера». В этом плане не было ничего принципиально нового, за исключением, пожалуй, размеров планируемых колониальных захватов и отдельных деталей, поскольку из заявлений Гитлера мы знаем, что он никогда не отказывался от идеи приобретения колоний в Африке в качестве дополнения к новому порядку в Европе. Справедливо также и то, что в этом плане нет никаких упоминаний о колониях в Америке. Однако все это противоречит утверждениям о том, что фюрер не собирался выходить за пределы Европы. Обширность плана при наличии прессы, контролируемой нацистами, позволяет предположить, что руководство рейха задумывалось о более широких перспективах. Таким образом, нельзя сбрасывать со счетов возможность того, что в ходе событий Гитлер мог более благосклонно отнестись к идее колониальных захватов.

В пределах самой Европы Гитлер нередко расширял и изменял свои планы. Мы знаем, к примеру, что, начиная локальную войну против Польши, он был готов и ко вторжению в страны Западной Европы, а заручившись обещанием советской стороны не нападать на него и воодушевленный успехом блицкрига, а также отсутствием сопротивления на Западе, намеренно расширил территорию боевых действий, поставив себе целью «уничтожение наших западных врагов». Короче говоря, военные победы и отсутствие сопротивления привели к расширению его планов. Помешала бы Гитлеру его континентальная направленность аналогичным образом поставить новые цели перед своей армией, если бы ему удалось подчинить себе всю Европу?

Пошел бы он на завоевание всего мира? В ноябре 1940 года фюрер признался Молотову, что «появились непредвиденные факторы». Для того чтобы победить Англию, Германия, по словам Гитлера, должна была проникнуть в «отдаленные от нее территории, в которых она не имела ни политических, ни экономических интересов». Поэтому отсутствие планов завоевания стран Западного полушария до захвата Европы ни о чем не говорит. Хотя вопрос и остается открытым, вполне возможно, что «вечная борьба за существование» перекинулась бы и на это полушарие. Автор этой книги убежден, что, воодушевленный своими победами и движимый стремлением развить свой успех, Гитлер не ограничился бы в своих завоеваниях одной Европой.

Но даже если бы фюрер и удовлетворился этим, экономическое и политическое влияние его завоеваний на Америку, не говоря уж об идеологическом противостоянии, несомненно, уничтожило бы все надежды на то, что нацистской Европе удастся избежать столкновения с США. Уж кто-кто, а Франклин Рузвельт никогда бы этого не допустил. Он был убежден, что завоеванная Европа станет для Гитлера базой для таких операций, которые безо всякого вторжения сделают нормальную жизнь США практически невозможной. Президент еще до войны сказал Гарольду Икесу, что «Гитлеру не надо будет захватывать всю Европу, чтобы сильно ухудшить наше экономическое положение». Кудаи лично сообщил Гитлеру об опасении американцев по поводу экономических последствий немецкого господства в мире. Томсен передал в Берлин слова Рузвельта о том, что победа Германии станет для США «позором и унижением», а также заявление Рузвельта о том, что «если победит Германия, мир погибнет».

В 1940 году Рузвельт в своей речи объявил, что богатые ресурсы Западного полушария, без сомнения, привлекут внимание Гитлера, а капитуляция Англии отдаст страну на растерзание немецкому и итальянскому флоту¹.

---

¹ Это заявление было сделано на пресс-конференции 14 июня 1940 г. Мысль о том, что богатые ресурсами Западного полушария может стать притягательным магнитом для Гитлера, содержится в докладе посла Вильсона от 16 июля 1940 г.

В своем обращении к нации в мае 1941 года, объявляя о введении неограниченного чрезвычайного положения в стране, Рузвельт без обиняков заявил, что «после падения Англии Германия опасно приблизится к нашему полушарию»¹.

В то же самое время президент США высказал свои опасения и в личном письме. «Даже если Гитлер не вторгнется на наш континент, — писал он, — я лично не хотел бы прожить остаток своих дней в мире, в котором господствует философия Гитлера».

11 декабря 1941 года все убедились, что опасения Рузвельта были не напрасны. Выступая перед депутатами рейхстага, фюрер с радостью объявил, что борьба теперь перекинулась и на Западное полушарие. Выкрикивая оскорбления в адрес Рузвельта, он призвал свой народ посвятить себя этой исторической борьбе, которая «в течение последующих пяти столетий или даже целого тысячелетия станет решающей не только для истории Германии, но и всей Европы и целого мира».

---

¹ Речь Рузвельта от 27 мая 1941 г. Грю сообщил Охаши, что Соединенные Штаты не будут сидеть сложа руки и смотреть, как Германия господствует на море.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним ударом нападение на Пёрл-Харбор превратило европейский конфликт в мировую войну. Через четыре дня после него Германия объявила войну Америке, и немецко-американские боевые действия стали частью Второй мировой войны. Рузвельт и Гитлер, наконец, оказались противниками на поле боя. По иронии судьбы Гитлер не хотел этого и никогда так до конца и не понял, к каким последствиям это приведет, однако сделал все, чтобы такой поворот событий стал реальностью. В развитии событий, предшествовавших началу военных действий, которые мы раскрыли со всей полнотой, четко проявился ряд общих дефектов, ограничений и парадоксов политики и стратегии фюрера.

Гитлер, как мы уже говорили, готов был отмахнуться от Америки, поскольку она никак не вписывалась в его представления о великой нации, в предлагаемые им способы решения немецкой проблемы и в его стратегический мир. Национальная власть, основанная на крови, власти сильной личности и стремлении к выживанию, требовала, по мнению фюрера, авторитарного государства, а не либеральной демократии, которая всегда является лживой и антирасовой. Проблемы Германии можно было решить не приобретением колоний и не в ходе экономических реформ, а только завоеванием обширного

жизненного пространства на Востоке. И наконец, мир для Гитлера ограничивался Центральной Европой и до поры до времени не включал в себя территории за ее пределами. Впрочем, если бы Гитлеру удалось захватить всю Европу, он вполне мог бы приступить и к завоеванию других стран мира.

Мы выяснили, что устные и письменные заявления Гитлера об Америке, как и ожидалось, были весьма расплывчатыми и свидетельствовали о том, что он плохо знал эту страну. Он черпал свою информацию из случайных неофициальных и партийных источников, а потом пропускал ее через фильтр своих предрассудков, которые использовал при любом удобном случае. Он слушал рассказы Лудеке, Ганфштенгля, Росса и других, не скрывая того, что хочет поскорее закончить разговор на эту тему, и выбирал из них лишь то, что казалось ему полезным. Но Гитлеру мало что нравилось в этой стране. Капиталистический материализм, засилье евреев, свобода слова, демократический идеализм Франклина Рузвельта, не говоря уж о ее удаленности от Европы и морских факторах, нарушали почти все критерии национального величия, которые создал в своем мозгу Гитлер. Он с трудом скрывал свое презрение к американцам. Страна находилась в состоянии упадка, а Рузвельт, по его мнению, был главным врагом цивилизации. Не желая признавать решающую роль Америки в Первой мировой войне и используя Вильсона как козла отпущения — ибо Гитлер считал его главным виновником поражения Германии в этой войне, — фюрер убедил себя, что из-за своих внутренних условий и положения на мировой арене США не играют в Европе никакой роли. Будучи уверенным в том, что Америка всегда будет сохранять нейтралитет, поскольку она слаба в военном отношении и разделена на враждующие классы, поскольку ее экономика находится в состоянии упадка, а население не отличается расовой чистотой, Гитлер сосредоточил все свое внимание на проблемах Европы. Он был почти совершенно безразличен к американской военной помощи врагам Германии и даже к возможному вступлению Америки в войну.

Что касается немецких дипломатов, которым фюрер не доверял, но без которых не мог обойтись, то для них Америка всегда была важным политическим фактором, и ей отводили значительное место в докладах и рекомендациях. Люди, занимавшиеся Америкой в Берлине, а также руководители посольства в Вашингтоне в целом отличались уравновешенным и реалистичным взглядом на эту страну. Не питая никаких иллюзий и хорошо понимая, что американцы относятся враждебно к немецкой внутренней и внешней политике, они создавали в своих докладах образ Америки, сильно отличавшийся от того, в который хотел верить Гитлер. Экономическая мощь, потенциальная военная сила, национальное единство и решительное и популярное в народе правительство — эти черты Соединенных Штатов произвели на немецких дипломатов наиболее сильное впечатление. Но, поскольку эти черты, по мнению нацистов, никак не могли быть присущи капиталистической демократии и тому тигелю, в котором переплавлялись в единый народ разные расы, к докладам посольства в рейхсканцелярии относились с недоверием.

Что касается внешней политики, то американский изоляционизм, который Гитлер считал единственно возможной политикой для страны, лишенной национальных достоинств, в депешах послов характеризовался (возможно, слишком поспешно) как явление временное, уже сильно ослабленное резкой реакцией на агрессивную политику Германии. Послы постоянно предупреждали Берлин, что Соединенные Штаты не будут сидеть сложа руки и наблюдать, как погибает Англия, что они сразу же начнут оказывать ей не только экономическую, но, вполне возможно, и военную помощь, что американцы убеждены в существовании мирового заговора агрессоров, который затронет и Западное полушарие, что в 1940 и 1941 годах они отказались от политики нейтралитета и де-факто уже участвуют в войне. Помимо всего прочего, послы предупреждали о том, что не следует преуменьшать последствия американского вступления в войну — для Германии они будут очень серьезными. Дипломаты

рекомендовали проводить более сдержанную и осторожную политику, чтобы не спровоцировать вмешательство Америки в конфликт. Совсем другими были депеши генерала Беттихера — в своих приподнятых политических комментариях он выражал уверенность в том, что Америка слаба, что Англия не сможет выстоять, и переоценивал роль изоляционистов и прогермански настроенного «Генерального штаба». Тем не менее Гитлер читал эти депеши с удовольствием. Именно это, а вовсе не трезвые оценки экспертов, заставлявшие его сомневаться в своей интуиции, он желал слышать от своих послов.

В начале войны, поглощенный победами немецких войск, Гитлер не испытывал потребности вносить в свои расчеты США. Изучая концепции и планы политического руководства рейха, стенограммы совещаний, дневники, речи и комментарии того времени, рассматривая дипломатические и военные соглашения и решения, которые приносили Гитлеру в Европе одну победу за другой, убеждаешься, что влияние США было очень скромным. Это можно считать справедливым, пока война ограничивалась пределами Европы. Но в 1940 году Гитлер потерпел свое первое поражение. Британия, с которой он надеялся заключить соглашение, сдаваться не желала. Благодаря ее сопротивлению в игру вмешалась Америка, от которой Гитлер уже не мог теперь с легкостью отмахнуться. По мере того как росла американская помощь Британии, как усиливалось стремление этой страны сопротивляться, со все большей ясностью вырисовывалась перспектива создания англо-американского блока. Для фюрера это был непредвиденный и крайне нежелательный поворот событий, и он не хотел думать, к каким последствиям это приведет. Внимание Гитлера было отвлечено от войны в Европе, и то своеобразное сочетание фанатической приверженности своим целям и оппортунистического чувства тактических уловок, которое сослужило ему хорошую службу в Европе, начало давать сбои.

Гитлер, с одной стороны, продолжал верить своей интуиции, говорившей ему, что Америка — это слабая, раз-

дираемая классовыми противоречиями страна, которая, понимая превосходство Германии, ни за что не решится вступить в войну, а с другой — вынужден был считаться с реальностью, отраженной в докладах посольства из Вашингтона. Эта реальность заставляла фюрера против его воли принимать Америку в свои расчеты. Решение этой дилеммы было типичным для Гитлера. Он спрятался от угрозы полномасштабной морской войны с англосаксонскими странами в умиротворяющие перспективы операции «Барбаросса», в успехе которой не сомневался. Это позволило ему с презрением отвергнуть предложения Рузвельта, поскольку даже дипломаты сомневались в том, что американские вооруженные силы смогут решиться на вторжение на Европейский континент. Здесь, в своей европейской крепости, фюрер чувствовал себя уверенно и считал, что находится в безопасности. Никакие морские или другие сложные проблемы здесь его не тревожили. Однако пока русский вопрос не был решен, надо было проводить какую-то политику в отношении США. Эту задачу он предоставил решать своему флоту (проблем которого совсем не понимал) и японцам (положение которых не мог правильно оценить).

В Атлантике бремя отношений с Америкой упало на плечи немецких военных моряков. На фоне разрушенных морских традиций и относительного безразличия Гитлера к нуждам флота, приведшего к тому, что флот не был готов к войне, а кроме того, считался второстепенным родом войск по сравнению с армией и авиацией, фюрер не позволял своим адмиралам проводить операции, которые могли бы спровоцировать Америку на ответные боевые действия и оторвать его от карт Украины. Просьбы немецких адмиралов разрешить им нарушить поставки американских грузов, сплошным потоком шедшие через Атлантику, Гитлер пропускал мимо ушей. Требования разрешить флоту применять закон о призах и проводить открытые военные операции в американской зоне безопасности безоговорочно отвергались. Проводя совершенно не свойственную ему политику сдержанности, фюрер проявлял непоследовательность — ведь он сам не раз с

презрением отзывался о военной мощи Америки. Все это демонстрировало, какая опасность таилась в его увлеченности операцией «Барбаросса», которая не позволяла ему сосредоточиться на чем-нибудь другом. Ибо битва за Атлантику, которую Гитлер считал простой операцией сдерживания, не имеющей никакого отношения к проблемам, которые надо было решать немедленно, вскоре превратилась в решающее сражение всей войны.

В Тихом океане инструментом воздействия на Америку для Гитлера стали японцы. Однако еще в самом начале своей карьеры он заявил о том, что Германия не имеет на Дальнем Востоке никаких интересов, поэтому отношения между Германией и Японией не имели прочного основания. Антикоминтерновский пакт и немецкое предвоенное давление на Японию с целью заключения союза были направлены на осуществление континентальных амбиций Германии. По мере того как продолжалась англо-немецкая война, а американская помощь Британии все увеличивалась, Гитлер снова обратил свои взоры на Тихий океан, поскольку даже посольство в Вашингтоне отмечало, что американцы боятся войны на два фронта. Гитлер делал все для заключения договора стран оси, надеясь запугать этим Рузвельта. И снова интуиция, которая сослужила такую хорошую службу в Европе, на незнакомой территории его жестоко подвела. Для Японии отношения с США имели непосредственное экономическое и стратегическое значение. Для Гитлера же Америка была досадной помехой, которую надо было устранить. Японии нужны были твердые гарантии, но она также понимала, что с американцами надо вести себя очень осторожно. Фюрер не желал связывать Германию никакими обязательствами на Дальнем Востоке, а Япония нужна была ему для того, чтобы служить постоянной угрозой для «слабой, разделенной на враждующие классы Америки». Поэтому Японии было велено блокировать американские военные поставки в Россию и быстро продвигаться на юг, хотя в Берлине прекрасно понимали, что это почти наверняка вызовет ответные военные действия со стороны Соединенных Штатов. Японцам постоянно внушалось, что Америка слаба

и потому Япония не должна ни в чем ей уступать, а еще лучше — вообще разорвать всяческие отношения с ней. В конце концов все препятствия для начала японо-американской войны были устранены, и Германия заверила свою союзницу, что ей будет оказана всемерная поддержка даже в том случае, если первый удар нанесут сами японцы.

Гитлер, очевидно, не замечал противоречий между осторожной линией, проводимой им в Атлантике, и совершенно безрассудной политикой, осуществляемой в Тихоокеанском регионе, и потому его действия отличались непоследовательностью, от которой он не мог избавиться. Вне всякого сомнения, эта непоследовательность была порождена вмешательством непредвиденного фактора, нарушившего все расчеты Гитлера с его идеей фикс. Однако в поступках Гитлера была и определенная логика. Американский фактор был порожден британским сопротивлением, но Гитлер надеялся, что разгром России позволит ему одним махом решить все свои проблемы, поэтому с его стороны было вполне разумно соотносить меры, применяемые по отношению к американской угрозе, которую он считал второстепенной, с тем воздействием, которое эти меры могли оказать на ход операции «Барбаросса».

Соединенные Штаты можно было сдерживать в Атлантике или в Тихом океане. С Атлантикой, как представлялось фюреру, Восточная кампания не имела никакой связи. Поэтому не было никакого смысла дразнить здесь американцев, стремясь одержать победу на второстепенном участке фронта. Зато в Тихом океане, в районе, затрагивающем интересы безопасности СССР на Дальнем Востоке, можно было добиться гораздо большего. Здесь Гитлер мог одновременно ослабить Британию, связав американский флот боевыми действиями, и в особенности в тот период, когда наступление на Восточном фронте захлебнулось, добиться того, чтобы русские войска были переброшены с германского фронта на Дальний Восток. Более того, на Тихом океане можно было воевать чужими руками. А ради этого можно было пойти на риск.

Но, хотя все эти рассуждения были весьма разумными и могли стать основой для разработки политики в отношении США, свидетельств того, что у фюрера имелась общая стратегия борьбы с этой страной, нет. Вряд ли Гитлер решился бы уделить много времени изучению ситуации, которой, как подсказывали ему интуиция и достоверная, на его взгляд, информация, вообще не стоило заниматься. Поэтому неудивительно, как мы узнали из предыдущей главы, что у Германии не было никакого плана нападения на США. Не было никаких планов и захвата Америки на тот случай, если бы война в Европе закончилась победой Германии. Так противоречия между неуверенной политикой в Атлантике и безрассудной политикой в Тихом океане, а также отсутствие стратегического плана борьбы с Америкой до момента ее вступления в войну или после победы Германии в Европе, если бы, конечно, история позволила фюреру добиться такой победы, весьма четко характеризуют политическую и военную ограниченность мышления Гитлера. Эти противоречия свидетельствуют также и о его неспособности воспринимать войну как стратегическое целое — на Востоке и на Западе; на суше и на море, в Европе и за ее пределами, — его неумение решать одновременно текущие военные проблемы и думать о более широком конфликте, который неизбежно надвигался и в значительной степени был продуктом его собственной политики и его неспособности отбросить навязчивые идеи при столкновении с суровой реальностью.

Вряд ли все эти мысли приходили фюреру в голову. Ни до, ни после нападения на Пёрл-Харбор он не мог оторваться от карт России, мечтая о ее разгроме, который, по его убеждению, устранил непрошеное вмешательство Америки в его дела и развяжет ему руки для того, чтобы надлежащим образом наказать этот несносный народ. Но русский вопрос оказался не поддающимся решению. И над европейской крепостью все больше и больше нависала тень Америки, на которую Гитлер сначала не хотел обращать никакого внимания, а потом, когда игнорировать ее стало просто невозможно, он уже не знал, как справиться с американской мощью.

В последние свои дни в берлинском бункере Гитлер заявлял, что «война с Америкой — это трагедия, лишенная всякой логики и связи с реальностью». В этом заявлении есть доля иронии, ибо для фюрера вступление Америки в войну и вправду стало самой настоящей трагедией. Однако участие Соединенных Штатов было логическим завершением предвоенного хода событий и политики, проводимой самим Гитлером, поскольку его представления об этой стране до 1941 года не имели «никакой связи с реальностью».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
----------------	---

Часть первая ГИТЛЕР И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

<i>Глава 1.</i> Гитлер и американцы	7
<i>Глава 2.</i> Гитлер и Америка как мировая держава	28

Часть вторая АМЕРИКА И ВИЛЬГЕЛЬМШТРАССЕ

<i>Глава 3.</i> Америка и немецкая дипломатия	44
<i>Глава 4.</i> Немецкие дипломаты и Америка перед началом войны	57
<i>Глава 5.</i> Немецкие дипломаты и американская внешняя политика перед войной	70
<i>Глава 6.</i> Немецкие дипломаты и внешняя политика Америки в период между нападением на Польшу и Пёрл-Харбор	86
<i>Глава 7.</i> Представление об Америке генерала фон Беттихера	104

Часть третья СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И НЕМЕЦКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

<i>Глава 8.</i> Америка и континентальная политика Гитлера	124
<i>Глава 9.</i> Гитлер и немецкий военно-морской флот	134
<i>Глава 10.</i> Соединенные Штаты и немецкая военно-морская политика	143
<i>Глава 11.</i> Гитлер и битва за Атлантику	156

<i>Глава 12.</i> Отношения Германии и Японии перед войной	166
<i>Глава 13.</i> Америка и страны оси	177
<i>Глава 14.</i> Германия, Соединенные Штаты и японская экспансия	192
<i>Глава 15.</i> Германия и нападение на Пёрл-Харбор	209

Часть четвертая
СВАСТИКА И ОРЕЛ

<i>Глава 16.</i> Немецкая агрессия в отношении Соединенных Штатов	228
Заключение	245

Комптон Джеймс
СВАСТИКА И ОРЕЛ
Гитлер, Рузвельт и причины
Второй мировой войны
1933—1941

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *Т.В. Вышегородцева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.11.2007.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.
Уч.-изд. л. 13,43 + вклейка = 13,86.

Тираж 4 000 экз. Заказ № 3455.

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО «ИПП «Курск».
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.
E-mail: kursk-2005@yandex.ru www.petit.ru

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Джеймс Комптон

СВАСТИКА И ОРЕЛ

**ГИТЛЕР, РУЗВЕЛЬТ
И ПРИЧИНЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

1933–1941

В своей книге Джеймс Комптон исследует, каким образом США влияли на внешнюю политику Гитлера и какую роль это влияние сыграло в превращении европейской войны во Вторую мировую, когда Рузвельт и Гитлер стали противниками уже на поле боя. Автор со всей полнотой раскрыл события, предшествовавшие началу военных действий, прослеживая ряд общих дефектов и парадоксов политики и стратегии фюрера. Работая над этой темой, Комптон изучил немецкие архивы, исследовал доклады дипломатов и документы военно-морского и армейского руководства.

ISBN 978-5-9524-3326-7

ЦЕНТРОЛИГРАФ®